Университет Кунаева

УДК 347:455.2

На правах рукописи

СРАПИЛОВ СУЛТАНМУРАТ МУХАМЕДОВИЧ

Теоретико-правовые проблемы модернизации деятельности органов исполнительной власти в условиях информационного общества

6D030100 - Юриспруденция

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Алибаева Гульнар Айтчановна

Зарубежный научный консультант:
Хаб.доктор, профессор
Анджей Биштыга

Республика Казахстан

Алматы, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

	ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЯ……	3
	ВВЕДЕНИЕ……	5
1	**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ……..**	14
1.1	Теоретико-правовые аспекты формирования и развития информационной функции государства в условиях информационного общества……	14
1.2	Политико-правовой анализ роли государства в формировании информационного (цифрового) общества.....	29
1.3	Анализ трансформации функций органов исполнительной власти в условиях цифрового общества……..	39
2	**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**	52
2.1	Основные направления модернизации деятельности органов исполнительной власти в вопросах цифровой трансформации….	52
2.2	Модернизация деятельности органов исполнительной власти в вопросах цифровой трансформации…….	69
2.3	Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти……..	88
3	**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И КАЗАХСТАНСКИЕ РЕАЛИИ……**	103
3.1	Опыт правового регулирования применения цифровых инструментов и Искусственного интеллекта (ИИ) в государственном секторе зарубежных стран……...	103
3.2	Профилактика рисков в процессе цифровой трансформации исполнительных органов власти Казахстана……...	116
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ……	126
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ……	131

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЯ

РК	Республика Казахстан
ИИ	Искусственный интеллект
Интернет	Всемирная система объединенных сетей телекоммуникаций и вычислительных ресурсов для передачи электронных информационных ресурсов
ИКТ	Информационные коммуникационные технологии
Цифровизация	процесс внедрения цифровых технологий и/или решений во все сферы деятельности с целью трансформации и/или модернизации процессов, продуктов, услуг
Информатизация	Организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, направленный на автоматизацию деятельности субъектов информатизации
Цифровое общество	это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых технологий (технологии больших данных и искусственного интеллекта, алгоритмов и алгоритмических систем, облачных вычислений и т. д.), а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сетевые структуры и платформы
Цифровая экономика	экономическая деятельность, основанная на использовании цифровых технологий, таких как интернет, мобильная связь и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).
ООН	Организация объединенных наций
IT	Информационные технологии
ЕС	Европейский Союз
CRA	Cyber Resilience Act - Закон о кибербезопасности цифровых устройств
NISC	Национальный центр готовности к инцидентам и стратегии кибербезопасности
IS	Information Society – информационное общество
Digital Government	Цифровое правительство
Digital экономикf	Цифровая экономика
США	Соединенные Штаты Америки
КНР	Китайская народная демократическая республика
РФ	Российская Федерация
ЭП	Электронное правительство
ЮНЕСКО	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

eGov	Электронное правительство
eGov QR	Мобильное приложение Электронного правительства
eGov Mobile	Мобильное приложение Электронного правительства
ЦГО	Центральные государственные органы
МИО	Местные исполнительные органы
PM	Performance Management -
Smart City	Система Умный город
DeepSeek	Китайская компания в области Искусственного интеллекта
AI-Sana	Казахстанская инновационная программа по обучению студентов ИИ
IT Hub	Хаб информационных технологий
ВВП	Валовый внутренний продукт
Open API	открытые программные интерфейсы
Киберщит	Казахстанская Концепция кибербезопасности

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исторически смена социально-экономических укладов всегда шла рука об руку с технологическими сдвигами. Сегодня такую функцию выполняет информатизация — масштабный процесс, связанный с широким проникновением ИКТ в повседневную жизнь, общественные практики и управление государством.

Анализ этапов информатизации и последующей цифровизации общества выявляет немало трудностей, связанных с внедрением новых регуляторных механизмов. Возникают качественно новые принципы устройства деятельности и образа жизни, при которых ключевое значение приобретают информационные социальные технологии, влияющие на политику, экономику, социальную сферу и даже частную жизнь.

Государство играет ключевую роль: нередко именно оно запускает, координирует и нормирует процессы информатизации, а затем становится их активным пользователем. Для публичных институтов развитие цифровой экономики — приоритет, поскольку оно повышает качество жизни и усиливает вовлечённость граждан в общественную повестку и достижения. Одновременно внедрение автоматизированных систем управления позволило заметно сократить сроки и затраты при выполнении контрольных, фискальных, финансовых, регуляторных и иных сервисных функций для населения. Это же позволило расширить саму сферу государственных услуг и стало еще одной сферой активного взаимодействия государства с предпринимательством, наукой, образованием и пр. сферами. Цифровизация позволяет гражданам в новой форме выражать свою инициативу, мониторя при этом актуальную информацию о принимаемых и принятых нормативных актах.

Кроме того, государству важно учитывать, что современное общество движется к цифровизации потребительской культуры: всё больше практик совершается через электронные устройства. Это высвечивает подвижное и материально ощутимое, но не предопределённое влияние цифровых технологий на модели потребления и поведение покупателей.

Все это в совокупности не может не отразиться и на самой государственной власти, которая в свою очередь, под влиянием происходящих процессов также претерпевает качественные изменения, обоснованные в том числе ускорением процессов управления, возможностями более точного внутреннего и внешнего контроля, необходимостью постоянной готовности реагирования на новые инициативы, вызванные все новыми возможностями внедряемых технологий.

На острие таких взаимоотношений стоит прежде всего исполнительная власть, которая непосредственно осуществляет государственное управление и регулирование, а также прежде всего подвержена качественным изменениям и корректировкам. Анализ процессов цифровизации показывает, что она оказала значительное влияние на саму структуру исполнительной власти, перестановку сил внутри системы исполнительной власти, вызванных новыми целями и

задачами. Таким образом осуществляется постоянная и определенная модернизация исполнительной власти страны, которая должна соответствовать научно-техническому процессу и быть способной инициировать и продвигать новые инновации, направленные на улучшение качества управленческих процессов и укреплять доверительные отношения с обществом.

Активное продвижение Президентом РК, Токаевым К. К., цифровизации и внедрения ИИ, прежде всего в сфере госуправления, диктует необходимость привести действующее право, включая управленческие акты, в соответствие с текущими изменениями. Это, в свою очередь, требует от управленцев новых компетенций: умения работать с современными технологиями, оценивать их перспективы и сопоставлять выгоды с возникающими рисками и угрозами.

Современное госуправление предполагает цифровую зрелость как всей системы, так и каждого её представителя. Это касается и законодательной, и судебной, и исполнительной ветвей власти. Следовательно, необходима внутренняя организационная политика: от подбора и обучения персонала до регламентации нормотворчества, выстраивания внутреннего контроля и других процедур.

Под влиянием современных технологий происходит цифровая перестройка государственного управления. Она улучшает устоявшиеся методы регулирования и одновременно стимулирует появление новых управленческих механизмов. Цифровые платформы существенно трансформировали взаимодействие государства и общества, что требует отдельного осмысления в социально-научной плоскости. В итоге формируются новые условия и расширенные форматы партнерства между государством, бизнесом и гражданами.

В целом, произошли серьезные изменения в процессе деятельности органов исполнительной власти, вызванные информатизацией общества. И наоборот государственная власть оказала и продолжает оказывать существенное влияние на дальнейшее внедрение информационных технологий в жизнедеятельность общества. Эти изменения сопровождаются специальным нормативным регулированием, которое приобретает стратегический характер в условиях внедрения более «умных» технологий и выносится государством на уровень концептуальных документов и программ.

Учитывая стратегический характер и направленность дальнейшего внедрения новейших технологий в систему государственного управления научный интерес к выбранной теме высок и требует комплексного научного исследования.

Степень разработанности темы и теоретическая основа исследования. Исследования в области информационного права Казахстана в настоящее время достаточно разнообразны. Вместе с тем, следует подчеркнуть их точечный характер. Так, вопросам цифровых прав личности посвящены диссертационные исследования Жексембиновой Н.С., Жетписова С.К., Идрышевой С.К., Курманалинова Е.Ж. Проблемы защиты гражданских правоотношений в

условиях цифровой экономики исследованы в работах М.К. Сулейменова, Ф.К. Карагусова, А.К. Кусаиновой, А. Омаровой, Раимбергеновой К.Т. и других.

Вопросы правового статуса цифрового документооборота и цифровых услуг в условиях функционирования Электронного правительства Казахстана исследованы в публикациях и диссертационных исследованиях таких авторов как К.Ш. Алимгазинова, Бажаева Н.А., Галы А.Г., А.Г. Дуйсенкул, М. Жакыповой, М. Сандыбаевой, Р.К. Сарпекова, Чжанга и др.

Цифровая трансформация и в целом модернизация государственного управления рассмотрена в работах таких отечественных и зарубежных авторов как Аубакирова Г.М., Исатаева Ф.М, Степанов А.А., Савина М.В., Степанов И.А., Андреев В.Д., Абрамов В.И, Морозов А.Е., Рязанцев М.В. А современным подходам оценке эффективности деятельности государственных органов посвящена научные статьи Г. Джунусбековой, Капогузова Е. А. и Сулейменова Г.К., Сембаева Д.К. и др.

Перечисленные работы являются новейшего этапа государственного управления и логическим продолжением таких классических исследований таких авторов казахстанского и постсоветского как С.А. Авакьян, А.С. Автономов, С.С. Алексеев, Г. А. Алибаева Г.В. Атаманчук, М.В. Баглай, М.Т. Баймаханов, Д.М. Баймаханова, Д.Н. Бахрах, И.Л. Бачило, К.С. Бельский, Н.В. Витрук, , Б.Н. Габричидзе, С.З. Зиманов, Ю.М. Козлов, О.К. Копабаев, В.Н. Кудрявцев, О.Е. Кутафин, Б.М. Лазарев, Ю.И. Лейбо, В.О. Лучин, Р.М. Мырзалимов, Ж.И. Овсепян, И.И. Рогов, С.Н. Сабикенов, Г.С. Сапаргалиев, С.С. Сартаев, Б.А. Страшун, Ю.А. Тихомиров, В.А. Туманов, С.Ф. Ударцев, Т.Я. Хабриева, Е.В. Хомченко, В.Е. Чиркин, Ц.А. Ямпольская и другие.

Особо следует подчеркнуть исследования зарубежных авторов

Вместе с тем, следует подчеркнуть и наличие исследований, посвященных дальнейшему этапу государственного управления – применению Искусственного интеллекта, а именно труды Жумажановой С., Ахмеджановой А., Куттыбаева А.К., Минбалеева А.В. В. Симоновой, А. Сеитовой, Ж. Аубакир, Н.В. Сидорова, Н.О. Дулатбекова, Л.К. Кусаиновой, В.Т. Конусовой, Тлембаевой Ж.У и других.

Научная новизна представленного исследования заключается в том, что в ней проводится комплексный, системный подход к истории, анализу современного состояния, перспектив и проблем правового регулирования деятельности исполнительной власти в процессе активного использования информационных технологий. Научная новизна состоит в выработке предложений по совершенствованию действующих норм в сфере цифровизации, а также правового регулирования работы органов исполнительной власти в регулятивной и охранительной деятельности с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта.

В исследовании проведён разносторонний анализ законодательства: в части развития информатизации и цифровизации, интеграции механизмов электронного правительства и связанных с этим изменений; рассмотрено влияние цифровых технологий на эволюцию государственных функций и

отражение этих трансформаций в нормах действующего права; оценено воздействие цифровизации на структуру исполнительной власти, кадровую политику и систему показателей эффективности работы органов. Обоснована необходимость усиления ответственности государственных органов за сохранность и защиту информационных баз данных, а также дальнейшего развития охранительных правовых механизмов при внедрении цифровых инструментов и ИИ для профилактики, предупреждения и нейтрализации информационных и иных угроз и рисков. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства Республики Казахстан.

Цель исследования заключается в аналитическом обзоре правовых норм, регламентирующих вопросы реализации национальной политики модернизации деятельности органов государственного управления в условиях информационного (цифрового) общества с позиции их дальнейшего совершенствования. К цели также относится проследить взаимное влияние и взаимодействие государственных и общественных институтов в процессе применения цифровых инструментов регулирования. Оценить такое влияние и проследить перспективы развития государственных и общественных интересов.

Достижение указанно цели предполагает достижение и решение следующих **задач:**

- провести анализ понятия и содержания информационной функции государства как важнейшего направления государственной деятельности в условиях современной информационной среды;
- раскрыть содержание информационного общества и провести анализ роли государства в его формировании и развитии на примере Республики Казахстан;
- анализ понятия и современного содержания государственной информационной политики;
- провести анализ трансформации функции исполнительной власти при использовании информационных (цифровых) инструментов;
- сделать выводы о изменениях в работе аппарата государственного управления Казахстана, вызванных внедрением цифровизации;
- определить роль правовой науки в процессе использования цировых инструментов и ИИ;
- выявить проблемы правового регулирования в сфере цифровизации;
- обратить внимание на риски цифровизацией и применением ИИ и проблемами их профилактики и предупреждения.

Объектом диссертационного исследования выступает совокупность общественно-правовых отношений, возникающих при реализации органами исполнительной власти своих функций и полномочий в условиях информационного (цифрового) общества.

Предметом диссертационного исследования составляют нормы действующего права Республики Казахстан, регулирующие взаимодействие органов исполнительной власти с объектами государственного управления в условиях информационного (цифрового) общества.

Методологическая база исследования обусловлена поставленными целями и задачами. В исследовании использован комплекс проверенных общенаучных и специальных методов, ориентированных на анализ правовых процессов и выработку научных рекомендаций по повышению эффективности правового регулирования в данной сфере.

Методологическую основу диссертации составили общенаучные формально-логические методы, применённые для анализа различных доктринальных трактовок цифровизации и цифрового общества, их содержания, а также для решения прочих задач исследования.

Особенности использования инструментов цифровизации исследовались с опорой на ряд общенаучных подходов: анализ и синтез, моделирование, контент-анализ, экстраполяцию, а также структурные и статистические методы.

Одновременно применялись и специальные юридические методы. Историко-правовой подход позволил проследить ключевые этапы становления цифрового общества, а формально-юридический и сравнительно-правовой использовались для анализа действующего регулирования вопросов развития методов государственного управления в условиях цифровизации, в том числе в сопоставлении с зарубежной практикой.

Нормативную основу исследования составили Конституция Республики Казахстан, конституционные и иные законы, подзаконные акты компетентных государственных органов, а также нормы международного права, регулирующие публичные отношения в условиях цифрового общества.

Эмпирическую базу исследования сформировали государственные и национальные программы, отчёты профильных ведомств, НИИ и международных организаций, статистические и аналитические сборники, материалы сайтов органов публичной власти, электронных СМИ, а также иные релевантные публикации по теме.

Положения, выносимые на защиту:

1. В информационной сфере государство исполняет одну из базовых функций: в условиях глобальной информатизации оно обеспечивает граждан, их объединения, общество и собственные структуры актуальными и общественно значимыми сведениями, осуществляя их создание, распространение и контроль в предусмотренных законом формах.

Укрепление информационной функций государства в ходе эволюции одновременно выступает следствием формирования информационного общества и одним из главных факторов, ускоряющих его развитие.

Центральное место в осуществлении информационной функции государства принадлежит органам исполнительной власти. Она разрабатывает и реализует информационную политику, создает и поддерживает информационные системы, а также осуществляет контроль за соблюдением законодательства в информационной сфере;

2. Информационное общество в современной его трактовке может быть определено как общество, основанное на ценности и доступности информации

как экономической и технологической категории, а также как одного из критерия оценки социальной общности.

Анализ современных международных и национальных концепций информационного (цифрового) общества показывает признание ведущей роли государства в развитии современных информационных процессов, которая заключается в регулятивном и стимуляционном воздействии. Доказано, что достигнув определенного уровня цифровизация начинает оказывать существенное влияние на развитие общества и управленческие процессы и соответственно право.

Реакция права на вызовы проявляется в обновлении отраслевых норм и институтов; по мере появления новых объектов правовых отношений складываются новые отрасли и развивается профильное законодательство. Иными словами, внедрение технологий приводит к глубокой трансформации правовой системы — её архитектуры, форм и смыслового наполнения.

3. Государственная информационная политика в силу все более глубокого продвижения информатизации коррелируется с потребностями общества.

Доказано, что основными направлениями современной информационной политики являются: интересы личности и общества в информационной сфере, в том числе и в области информационной безопасности; цифровая экономика интегрированная в мировую; постоянная актуализация правового регулирования; продвижение «электронной демократии»; совершенствование методов государственного регулирования с использованием ИИ и цифровизации; противодействие информационной (цифровой) преступности; обеспечение информационной безопасности государства.

Современная информационная политика как составная национальной политики требует обеспечения целостности взаимодействия всех трех институтов - государства, бизнеса и гражданского общества на паритетных началах и партнерстве;

4. В Казахстане проведена цифровая трансформация государственной власти.

Показано, что под воздействием цифровых технологий трансформируются механизмы осуществления полномочий исполнительной власти и правила её коммуникации — внутри системы и с внешними субъектами; меняются подходы к регулированию отраслей, что ведёт к переходу на сервисную модель управления.

Суть цифровой трансформации в госуправлении состоит в качественном изменении содержания управления: пересмотре процедур, функций и фаз управленческого цикла посредством цифровых технологий. Предполагается улучшение результативности, эффективности, доказательности решений и повышение удовлетворённости граждан.

Вместе с тем, все отчетливее необходимость более детального правового регулирования вопросов контроля и юридической ответственности субъектов цифровизации.

5. Внедрение цифровизации в деятельность государства в Республике Казахстан внесла существенные изменения работы всего аппарата государственного управления и позитивный эффект трансформации каждого органа управления. К основным результатам относятся: уточнение целей и задач исполнительных органов с усилением акцента на информационную функцию; создание специализированной системы информационного взаимодействия; формирование отдельного блока органов и подразделений, обеспечивающих работу объектов ИК-инфраструктуры; использование цифровых решений как современного инструмента повышения эффективности при снижении финансовых, временных и трудовых издержек исполнения полномочий; признание управления данными самостоятельным видом деятельности (отдельной функцией) исполнительной власти; открытие перспектив для дальнейшего внедрения цифровых технологий и ИИ; выстраивание результативного информационного взаимодействия с гражданами и бизнесом, что позволяет выявлять и анализировать общественные тенденции с помощью инструментов работы с большими данными.

6. На основе анализа всего процесса реинжиниринга системы исполнительных государственных органов Республики Казахстан были выделены положительные аспекты, а также отмечено, что действующее право, в которое вносятся точечные изменения и дополнения по вопросам цифровизации и применения ИИ является важным барьером во внедрении датацентричного, а именно цифрового государственного управления.

Фундаментальная правовая наука, на сегодняшний день, должна сформировать принципиальные начала баланса между потребностями общества и адекватной гарантии прав и законных интересов пользователей, и своевременной компенсации вреда, причинённого при применении государственными органами инструментов цифровизации и ИИ. При этом наиболее важным является установление пределов допустимого, необходимого и достаточного воздействия права на регулируемые отношения.

В этом смысле огромное значение приобретают принципы саморегулирования.

7. Выявлен пробел в правовой определённости: юридическая сущность «новых технологий» как универсальной категории чётко не закреплена. Одновременно наблюдается заметное отставание нормативной базы. При этом регулирование должно распространяться на весь жизненный цикл данных. Фрагментарные правила о конфиденциальности и защите сведений ограниченного доступа, недостаточная детализация и противоречивость процедур обработки данных и санкций за их нарушение формируют риски и негативные эффекты.

8. Актуальный вектор цифровизации управления государством включает ИИ, работу с большими данными и облачную инфраструктуру, что обеспечивает более высокий уровень аналитической поддержки решений на микро- и макроуровнях. Для Казахстана интеграция ИИ в контуры госуправления — один из приоритетов. Использование современных цифровых

инструментов и подходов формирует новые модели взаимодействия органов власти с бизнесом и населением.

Вместе с тем, это несет серьезные риски как этического, так и правового характера. Соответственно, целесообразно предусмотреть нормативные положения об ответственном и этичном использовании ИИ, установить требования прозрачности ИИ-систем, а также о правах и обязанностях ИИ-разработчиков в отношении творений, созданных их системами (например, при использовании контента, защищенного авторским правом), правах авторов и издателей произведений, порядке рассмотрения публичных обращений на сервисы и материалы, созданные с использованием ИИ, и иных смежных вопросах.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается прежде всего в развитии современных подходов к дальнейшему развитию теории государственного управления, а также информационного (цифрового) права. Внедрение цифровых инструментов в систему государственного управления страны приводит к трансформации подходов взаимодействия государства и общества, анализ этой трансформации получил исследование в представленной работе. Помимо этого, результаты диссертационного исследования могут служить основой для обновления УМК по государственно-правовым дисциплинам, а также для подготовки учебников и пособий, направленных на улучшение государственного и регионального управления.

Практическая ценность работы состоит в том, что её выводы и результаты могут применяться в деятельности исполнительных органов всех уровней, включая совершенствование процессов правотворчества и правоприменения.

Апробация результатов исследования: Основные положения и результаты, полученные в ходе исследования нашли свое отражение в следующих публикациях:

1. Алибаева Г.А., Срапилов С. Қазақстан Республикасының мемлекеттік басқару процесінде цифрландыру пайдалануды құқықтық реттеу. № 6/2, 2020 г. с. 35-41;
2. Срапилов С.М., Алибаева Г.А., Ракимбаев Е.Н. К вопросу о трансформации некоторых функций государства в условиях информационного общества. ҒЫЛЫМ -НАУКА. Международный научный журнал. Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева. 2020, №1, б. 9-13;
3. Srapilov S.M., Alibayeva G.A., A.M. Bisztyga, Zh.D. Tarap, A.G. Duysenkul. On the transformation of some functions of the state in the information society. Вестник КазНУ. Серия юридическая. № 4 (96). 2020. С. 16-21;
4. Srapilov, S. M., Sabitova, A., Li S.O. О роли информационной политики государства в информационном обществе. Вестник КазНУ. Серия Юридическая, № 103(3), 2022. С. 25–33;
5. Алибаева Г.А., Колдаева А.Ж., Срапилов С.М. О развитии правового регулирования в области использования информационно-коммуникационных

технологий. Вестник Торайгыров университета. Серия Юридическая. № 1, 2024. С. 27-37;

6. Srapilov S.M., Alibayeva G.A., Zhatkanbayeva, A.Ye., Baimakhanova, D.M., Razzak N.R. Problems of improving public administration in the context of digitalisation and informatisation, Electronic Government, 2023, 19(5), 586–606.

7. Срапилов С.М. Правовые вопросы цифровой трансформации органов государственного управления. Нархоз, 2025.

1 ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

1.1 Теоретико-правовые аспекты формирования и развития информационной функции государства в условиях информационного общества

Согласно Конституции РК, власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную (п. 4 ст. 3) и функционирует в логике сдержек и противовесов; исполнительная ветвь представлена системой органов во главе с Правительством (п. 1 ст. 64) [1].

В научной литературе систему исполнительных органов понимают как совокупность государственных органов, обладающих установленной компетенцией в сфере государственного управления и обеспеченных кадровыми, финансовыми, материальными, информационными и другими ресурсами, необходимыми для осуществления деятельности в формах и методами, конституционно предписанными данной ветви власти [2, с.31].

В традиционном понимании единая система исполнительной власти включает: высший уровень – Правительство; центральный уровень – совокупность центральных исполнительных органов, входящих и не входящих в состав Правительства; и местный уровень – акиматы, возглавляемые акимами. Справедливо отмечает Г. Н. Кунхожаева, что все структурные элементы исполнительной власти обладают конституционно закреплёнными полномочиями, объёмом и содержанием деятельности, а также отличительными особенностями, обусловленными формой государственного управления и государственным устройством конкретной страны [3, с. 38].

Сама идея системы предполагает определённую иерархию, что особенно заметно в структуре и работе исполнительной власти. Исполнительные органы связаны между собой отношениями субординации и подчинения. Такая модель формирует жёсткую вертикаль управления, что наиболее отчётливо отличает исполнительную ветвь от законодательной и судебной.

Одной из ключевых особенностей исполнительной власти как целостной системы является её единство. Оно прежде всего выражается в общих целях и задачах для всех органов исполнительной ветви, задаваемых поручениями Президента, государственными программами, концепциями и другими стратегическими документами.

С точки зрения концепции разделения властей исполнительная является властью по исполнению законов, реализации их в жизни общества любыми законными методами, включая принуждение.

При этом сфера деятельности исполнительной власти не ограничивается лишь контролем за исполнением законов.

Во многом это обусловлено необходимостью не только обеспечивать практическое воплощение требований законодательства, но и оперативно решать многочисленные текущие задачи в самых разных сферах. Действуя в

рамках закона, уполномоченные органы разрабатывают механизмы реализации норм и в значительной степени самостоятельно определяют способы достижения поставленных целей. Помимо этого, на исполнительную власть возложены и функции, не сводящиеся напрямую к исполнению законов.

В научной среде длительное время обсуждается соотношение понятий «государственная власть» и «государственное управление». При этом именно органы исполнительной власти образуют основу организационной структуры управления и оказывают прямое регулирующее воздействие на общественные процессы, поведение и деятельность людей. Исполнительная власть реализуется в форме управления и через административные процедуры. По оценке Ю.И. Мигачёва, Л.Л. Попова и С.В. Тихомирова, государственное управление — это вид государственной деятельности, сущность которого заключается в практическом исполнении закона государственными органами для реализации функций государства [4, с. 91].

Для выполнения этих задач исполнительные органы располагают всем необходимым: установленной компетенцией в сфере госуправления, а также кадровыми, финансовыми, материальными, информационными и иными ресурсами, обеспечивающими осуществление деятельности теми формами и методами, которые конституционно закреплены за данной ветвью власти [2, с.31].

Решение этих задач, главным образом заключается в реализации определенных государственных функций, что многие ученые отождествляют с реализацией государственного управления.

Обращаясь к государственным функциям, уместно сослаться на работы академика НАН РК М.Т. Баймаханова, который обосновывает, что государство не «многофункционально», а именно полифункционально. По мере усложнения общественных отношений, появления их новых форм и изменения соотношений между старыми и новыми сферами, функции государства призваны удовлетворять растущие потребности общества и на постоянной, долгосрочной основе выполнять объективно складывающиеся многоплановые задачи и цели [5, с. 243]. Под функциями государства автор понимает такие направления деятельности в разных сферах общественной жизни, которые выражают его сущность и социальную роль и служат развитию этих сфер ради интересов государства, общества и его членов [6, с. 99].

По наблюдению М. Т. Баймаханова, каждая отдельная функция охватывает либо конкретную сферу общественной жизни, либо группу однородных, связанных с ней отношений.

Сущность государственных функций, главным образом заключается в том, что:

- функции государства не совпадают с его деятельностью в целом или отдельными её проявлениями; каждая функция включает набор однородных направлений работы;

- специфика функций определяется не только сущностью государства, но и поставленными перед ним целями и задачами: поскольку функции — это

способы их достижения, их содержание формируется типом решаемых задач. Так, при серьёзном загрязнении воздуха на первый план выдвигается экологическая функция;

- по своей природе функции государства раскрывают его сущность: именно через них видна реальная роль государства в решении поставленных задач;

- не следует отождествлять функции государства с функциями его отдельных органов, поскольку сами органы имеют более узкую специализацию и отвечают лишь за конкретные сегменты государственной деятельности [7, с. 98].

Существуют различные подходы к классификации государственных функции. Но, на наш взгляд, следует четко определить, что появление новых стабильных отношений, в которых задействовано общество вырабатывает необходимость рождения новых функции государства и это в полной мере следует отнести к информационной функции государства. Именно она актуализируется в современный период – период расцвета информационного общества.

Совершенно естественно вспомнить об информационной функции государства.

Информационная функция государства стала объектом научных исследований сравнительно недавно, поскольку в советское время информационная деятельность государства рассматривалось правоведами только в контексте политико-правового обеспечения существующей идеологии [8, с. 69].

Анализ работ классиков теории права показывает, что информационная функция ранее не выделялась.

Впервые в постсоветском пространстве выделил информационную функцию государства А.Б. Венгеров, определив ее как "характеризующую деятельность четвертой власти - средств массовой информации", и расширил ее до информационного обслуживания (библиотечного, справочного, кодификационного), дополняемого "на современном этапе информатизацией на базе ЭВМ, что ведет к созданию в стране условий для сбора и обработки всех видов информации" [9]. Само по себе то, что выделили информационную функцию государство уже позитивно, однако, приведенное понятие А.Б. Венгерова, на наш взгляд, очень заужено.

Проведем анализ современных подходов к понятию информационной функции государства и ее месту в системе государственных функции на современном этапе.

М.Т. Баймаханов делит функции государства на внутренние и внешние и среди них называет экономическую, социальную, идеологическую, охранительную, обеспечение и защиту прав и свобод человека, экологическую, оборонную, а также функцию установления и поддержания отношений с соседними и другими государствами [5, с. 258–263]. При этом он подчёркивал, что функции — это не вся совокупность видов деятельности государства, а лишь

ключевые, устойчиво сформировавшиеся направления, выделившиеся в самостоятельные сферы работы [5, с. 72].

Наряду с этим выдвигается подход, предполагающий выделение производных функций государства, которые обычно реализуются специально уполномоченными органами [10, с. 59], а также разграничение постоянных и временных функций [11].

Рассмотрим понятие информационной функции государства с этих позиции.

Если рассматривать в обобщенном виде, то информация – это данные и сведения, само наличие которых не влияет ни на что, пока эти данные не будут использованы, то есть не войдут в оборот. Наличие информации, ее добыча, обработка, анализ и использование – это важное условие современной жизнедеятельности. Это определено тем уровнем развития, до которого дошло современное общество. В век информационного общества – информация – это важнейшее условие развития. И именно вхождение мирового сообщества на новый виток развития – информационное общество актуализирует проблему наличия информации, а с другой именно наличие и потребность в информации выводит общество на новый уровень развития. Именно в этом заключается специфика информационных ресурсов.

Наличие информации влечет за собой потребность в новой информации, информации актуальной и объективной. Способность информации устаревать, терять свою актуальность являются важным толчком в развитии такой функции как постоянный поиск информации, создание условий для накопления и анализа информации, для создания новых информационных потоков и способов ее получения и передачи – все это формирует условия для развития информационных функции.

В ограниченном понимании информационная функция означает обеспечение информационного доступа, включая:

1) снабжение уполномоченных органов, организаций и должностных лиц государства информацией, без которой невозможно принять нормативные и индивидуальные решения;

2) реализация конституционного права граждан на свободное получение и распространение информации любыми незапрещёнными законом способами, а также связанных с ним прав — на доступ к нужным данным, сообщениям, знаниям, информационным услугам и развлечениям;

3) обеспечение общественных информационных интересов, в том числе и коммуникации членов общества между собой и с общественными институтами, или между общественными институтами;

4) обеспечение коммуникации государства с каждой отдельно взятой личностью и с общественными институтами – двухсторонний диалог.

В широком смысле, на наш взгляд, информационная функция на базе реализации узких задач и исходя из произошедшего скачка в потребности информации, росте информационных потоков и их потенциальной незащищенности и открытости, приведших в итоге к процессам глобализации

переросла в иной уровень – уровень зависимости иных функций государства от качества реализации информационной функции.

В науке существует версия информационно-коммуникативная функция государства, заключающейся в обеспечении условий для обмена информацией, применение принципа обратной связи13 [12, с. 3–5].

Так, например, экономическая сфера сегодня напрямую зависит от информатизации и глобализации, более того, уровень развития в государстве IT – сферы предопределяет место данной страны в мировом общественном распределении. Сфера информатизации и общественных потребности в информации привели к развитию огромного сектора Digital – экономики.

В социальной сфере информатизация и последующая цифровизация привели от простого анализа данных и заканчивая возможностью работы в иных, ранее не доступных секторах экономики. Так, в последние годы статистика показывает, что только IT- сфера генирирует большинство вакансии, так только за 2024 год число вакансии стало больше на 22 тыс. из них большая часть пришлась на сферу программирования и разработки (28%) [13].

Обороноспособность и развитие оборонной промышленности непосредственно связаны с уровнем информированности и состоянием ИТ-сферы; почти во всех государствах среди направлений национальной безопасности отдельно выделяют информационную безопасность как состояние защищённости ключевых интересов. В нормах РК это трактуется как такое состояние защищённости информационного пространства страны и прав и интересов личности, общества и государства в информационной сфере от реальных и возможных угроз, при котором гарантируются устойчивое развитие и информационная самостоятельность Казахстана [14].

Вопросы информационного обмена или, иногда формирование единого информационного пространства являются важной составной международного взаимодействия. К примеру, Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1988 года, закрепляющая автоматический обмен налоговой информацией; а также Концепция формирования информационного пространства СНГ, утверждённая Решением Совета глав правительств СНГ 18 октября 1996 года, и другие аналогичные документы.

Однако, следует отметить, что информационная функция государства вышла на новый уровень как самостоятельное направление. Это связано со все возрастающими потребностями в информации как со стороны государственных и негосударственных институтов, но и каждой отдельно взятой личности.

Право на информацию входит в перечень конституционных прав по Конституции РК. Согласно п. 2 ст. 20, каждому гарантируется свобода получения и распространения информации законными способами. Пункт 3 ст. 18 возлагает на государственные органы, общественные организации, должностных лиц и СМИ обязанность предоставить гражданину возможность ознакомиться с документами и решениями, касающимися его прав и интересов.

Как отмечает Н. Е. Жексенбаева, «право на информацию» — базовая, «материнская» категория, охватывающая весь цикл работы со сведениями: их

получение, обработку, создание нового знания и распространение. В широком понимании оно служит фундаментом реализации целого массива личных прав, для которых наличие информации является условием. К конституционно закреплённым информационным правам и свободам в РК относятся: неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайны, защита чести и достоинства (п. 1 ст. 18); тайна вкладов и сбережений, корреспонденции и сообщений (п. 1 ст. 18); право знакомиться с документами и решениями, затрагивающими права и интересы гражданина (п. 3 ст. 18); свобода слова и творчества, запрет цензуры (п. 1 ст. 20); право указывать либо не указывать национальную, партийную и религиозную принадлежность (п. 1 ст. 19); право пользоваться родным языком и культурой, свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества (п. 2 ст. 19); свобода совести (п. 1 ст. 22); а также гарантия ответственности должностных лиц за сокрытие сведений об обстоятельствах, угрожающих жизни и здоровью (п. 2 ст. 31). Кроме этих норм непосредственно об информации, с информационным обменом тесно связаны и иные конституционные права: на образование (п. 1 ст. 30), участие в управлении делами государства (п. 1 ст. 33), участие в индивидуальных и коллективных трудовых спорах (п. 3 ст. 24), на безопасные условия труда (п. 2 ст. 24) и др. [15, с. 26–27].

Тем самым, на примере анализа норм только одного конституционного акта показано пронизывающая все сферы жизнедеятельности личности роль информации.

Все это в итоге предопределило развитие информационных технологий и их внедрение в повседневную жизнь, затем формирование и функционирование информационного общества и в итоге цифровой экономики.

Все это соответственно переходит на уровень государственной политики, так напрямую и косвенно затрагивает интересы отдельно взятой личности, общества и государства, то есть национальные интересы.

Под политикой понимают, как правило, сферу деятельности, связанную с реализацией потребностей и интересов различных групп людей, стержнем которой является завоевание, удержание и использование государственной власти [16]. Тогда как под государственной политикой понимается деятельность, осуществляемая органами государственной власти, в первую очередь органами государственной власти и местного самоуправления. Государственная политика осуществляется в более или менее отдельных сферах общественной жизни посредством использования специальных технологий, придающих этой политике технический характер и деполитизирующих ее. Элементами применяемых технологий в данном случае являются: имеющиеся ресурсы, различные методы, типы обоснований принимаемых мер, знания лиц, принимающих решения, или их навыки [17].

В Казахстане зачатки информационной политики были заложены путем введения принципа гласности (транспарентности) государственного управления.

По сути политика гласности была заложена в годы перестройки С. Горбачевым и затем, после небольшого промежутка времени, связанного со становлением казахстанской государственности вновь была отнесена к приоритетным направлениям внутренней и внешней политики. Если внешнее направление было заложено в деятельности государственной службы и уже в 1995 году внесено в качестве принципа (п. 9 ст. 1 Указа Президента РК от 26.12.1995 «О государственной службе РК»: учёт общественного мнения и обеспечение гласности, за исключением сведений, составляющих гос тайну либо иную охраняемую законом тайну) [18]. И в таком виде данный принцип действует и по сей день в действующем Законе от 23 ноября 2015 года «О государственной службе».

В то же время обеспечить прозрачность государственного управления невозможно без реального доступа к сведениям о деятельности госорганов. Поскольку Казахстан заметно отставал от ведущих стран по уровню доступа к информационным ресурсам, требовалось жесткое вмешательство государства. Такой старт был дан Государственной программой по снижению информационного неравенства на 2007–2009 годы.

Программу приняли на фоне мировой проблемы «цифрового неравенства», тесно связанной с тем, насколько успех человека зависит от его отношения к компьютерной и телекоммуникационной революции, а также от уровня развития государства и общества. По сути, речь идёт о неравенстве доступа к возможностям современных ИКТ для достижения социальных и экономических целей. Истоки этого разрыва — дефицит человеческого капитала, отсутствие у людей необходимого оборудования и программного обеспечения, а также ограниченный доступ к сетям связи [19].

Целью этой программы было обеспечить доступ к Интернету хотя бы 20 % населения Казахстана и повысить социальную и экономическую значимость информационных ресурсов в жизни населения Казахстана. Фактически этой программой были заложены основы информатизации казахстанского общества.

Следует подчеркнуть, что именно в той программе, хотя она и нацеливалась лишь на обеспечение условий хотя бы для 20% населения, было заложено создание и запуск Электронного правительства РК, которое фактически начало работу уже в 2006 году.

Следующий этап — госпрограмма «Информационный Казахстан», подготовленная в 2013 году и утверждённая Указом Президента РК от 19 марта 2010 года № 957. В пояснительной записке отмечалось, что человечество вступило в новый этап научно-технической революции: ИКТ проникают во все сферы жизни, трансформируют повседневные практики и формируют материальную базу перехода к информационному обществу с высоким уровнем социально-экономического, политического и культурного развития [20].

Подчеркнуто, что принятие такой программы было обосновано в силу прочих и мировыми тенденциями, такими как:

1) перестройка общественных институтов и видов человеческой деятельности под влиянием ИКТ;

2) ускорение во всех областях проектирования, производства и внедрения новейших решений;

3) стремление выстроить развитую инфосреду, соразмерную задачам экономического и социального прогресса государства;

4) предоставление населению равноправного, закреплённого гарантиями доступа к информации;

5) обучение и адаптация населения, общественных структур, предпринимательского сектора и органов власти к реальностям цифровой эпохи.

Поскольку это была первая самостоятельная целевая программа в сфере информатизации, её задачи ориентировались на создание предпосылок для «Информационного Казахстана»: повышение эффективности государственной администрации; расширение доступности ИКТ-инфраструктуры; формирование информационной среды для социально-экономического и культурного развития; укрепление национального информационного пространства.

Следующая программа «Цифровой Казахстан» 2017 года наметила основные приоритеты развития и пути достижения намеченных целей во всех областях экономики и отдельные в социальных сферах с применением технологии информатизации и цифровизации. Ее главной целью было создание условий для внедрения цифровизации и создание условий для построения и развития цифровой экономики в Казахстане. Это и предопределило два основных направления программы:

1) «Цифровизация действующей экономики» — это реализация практических инициатив в «реальном» секторе, внедрение решений для технологического и цифрового обновления отраслей и государственных структур и поступательное наращивание цифровой инфраструктуры.

2) Под «формированием индустрии цифрового будущего» понимается длительное и стабильное обновление экономики за счёт вложений в людей, институционализации инноваций и последовательного наращивания цифровой экосистемы [21].

Следует отметить, что все эти программы носили характер подготовительных как в сфере информатизации и цифровизации общественной жизнедеятельности, обеспечения определенных направления национальных интересов, главным образом в сфере экономики. Вместе с тем, реализация информационной функции государства требовала работы и в иных направлениях.

На наш взгляд, первостепенным является укрепление информационной безопасности как компонента национальной безопасности. Для решения задачи приняты, в частности, законы: от 26.06.1998 «О национальной безопасности РК», от 15.03.1999 «О государственных секретах», от 13.07.1999 «О борьбе с терроризмом», от 07.01.2003 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», от 08.05.2003 «Об информатизации», от 18.02.2005 «О противодействии экстремизму» и др.

Указ Президента РК от 10 октября 2006 года № 199 утвердил Концепцию ИБ, согласно которой меры по безопасности информации должны интегрироваться в процессы построения единого информационного пространства и в дальнейшее развитие госполитики информатизации. Концепция опирается на открытость: информирование общества о деятельности госорганов и общественных структур допускается в пределах, установленных законодательством. Центральное положение — защита прав физлиц и юрлиц на свободное и законное создание, поиск, получение и распространение информации [22].

Данный документ играл очень важную роль, так как в нем были четко определены угрозы, методы, средства и основные направления обеспечения информационной безопасности исходя из специфики объекта таковой. К числу объектов Концепция отнесла не только права и законные интересы граждан, государства и общества, но и детализировала их путем выделения в том числе и технических и технологических средств.

В 2017 году была принята Концепция «Киберщит Казахстана». В тексте документа подчеркивалось широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий в жизнь отдельно взятой личности, всего общества и государства.

В документе обозначены ключевые приоритеты государственной политики по защите электронных информационных ресурсов, инфосистем и телекоммуникационных сетей, а также по безопасному использованию ИКТ: непрерывный мониторинг, профилактические меры и оперативное реагирование на инциденты ИБ в условиях чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера, а также при введении ЧП или военного положения [23]. По поручению Президента подготовлена обновлённая Концепция развития цифровой экосистемы на 2023–2027 годы («Киберщит-2»), ориентированная на управление рисками, обусловленными ростом цифровой экономики, технологической модернизацией промышленности и расширением линейки ИКТ-сервисов.

Еще одним важным направлением, если не сказать важнейшим, является функционирование информационного пространства, его качество наполнения.

Первым комплексным актом в данной сфере стала Концепция повышения конкурентоспособности информационного пространства РК на 2006–2009 годы, утверждённая Указом Президента от 18 августа 2006 года № 163. Документ был призван создать условия для повышения качества работы национальных СМИ по современным международным стандартам и укрепления их позиций на рынке. В Концепции подчёркивается, что ключевым направлением государственной политики в информационной области является развитие конкурентной среды, что должно усилить конкурентоспособность отечественного информационного рынка и обеспечить его интеграцию в мировое информационное пространство [24].

Следующим важным шагом стало утверждение 20 марта 2023 года Информационной доктрины Республики Казахстан, где прямо закреплено:

«обеспечение развития, бесперебойного и безопасного функционирования единого информационного пространства страны является одним из ключевых приоритетов государственной политики» [25]. Доктрина принята в условиях большей открытости медиасреды, растущего запроса на сильные СМИ и усиления повестки по информационной безопасности. Её задача — определить ценностные ориентиры, соответствующие интересам граждан и способствующие развитию государства и общества, а также задать рамки государственной политики в сфере ИКТ. Доктрина призвана поддерживать баланс интересов государства и общества и обеспечивать равные условия для реализации прав всех участников медийной отрасли.

Следует подчеркнуть, что в информационной сфере действует обширный массив нормативных актов: Закон РК от 5 июля 2004 года «О связи», Закон РК от 23 июля 1999 года «О средствах массовой информации», Закон РК от 19 июня 2024 года № 93-VIII «О масс-медиа», Закон РК от 16 ноября 2015 года «О доступе к информации» и др. В совокупности эти документы заложили правовые основы для становления в стране информационного общества, а затем и цифровой экономики. Демократическая государственная политика ориентирована прежде всего на обеспечение достойного уровня жизни и свободы самореализации личности; в условиях информационного общества это предполагает, в числе приоритетов, гарантию права граждан на доступ к информации.

Все перечисленное относится к ключевым направлениям государственной деятельности. С одной стороны, власти обязаны учитывать общественный запрос — на доступ к информации и иные формы информационного обмена. С другой — им необходимо самостоятельно определять приоритеты, выстраивать политику для достижения поставленных целей и обеспечивать защиту национальных интересов во всех сферах жизни. Нередко государству приходится задавать более амбициозные ориентиры, чем ожидает общество, учитывая мировые тренды и темпы развития технологий и информационных решений.

Все это предопределило выделение в качестве одной из основных функции государства – информационную функцию, которая является отдельным направлением деятельности государства и заключается в регулировании информационных процессов и удовлетворении все возрастающих информационных потребностей в соответствии с потребностями информационного общества.

Информационные потребности общества, исходя из специфики информации как таковой предполагают необходимость осуществления государством следующих действий:

1) первичная информация возникает, когда государство непосредственно принимает нормативные и индивидуальные акты управления;

2) ведение госзначимой информации включает учёт, контроль, мониторинг, установление информационного режима и проверку его исполнения;

3) гарантирование открытости госорганов для населения с неукоснительным соблюдением режима секретности;

4) извлечение, обработка, обеспечение сохранности и безопасность информации, требующейся для реализации других государственных задач;

5) создание и регламентация работы субъектов инфосферы — от СМИ и наследия (архивы, библиотеки) до культурно-образовательных учреждений и госинфосистем; организация взаимодействия с негосударственными платформами, когда требуются сведения из частного или общественного сектора, вплоть до изъятия данных и установления ограничений на их использование;

6) взаимный обмен данными между ведомствами и межправительственное информирование с зарубежными партнёрами;

7) применение информации для внутренних нужд государства, организация обмена между ведомствами и создание сводных общегосударственных баз данных;

8) обеспечение сохранности информации на каждом этапе её жизненного цикла;

9) преобразование информации и порождение новых материалов, таких как постановления органов исполнительной власти и решения судов.

В зависимости от ориентиров государственной деятельности следует отделять внутренние и внешние информационные функции.

Внутренние функции государства охватывают ключевые направления его деятельности внутри страны — экономику, социальную сферу, публичную политику, культуру, финансы, идеологию и т.п. Внешние функции представляют собой работу за пределами национальной территории, непосредственно ориентированную на решение задач и достижение целей государства на международной арене.

Наполнение внутренних и внешних информационных функций прежде всего зависит от политического режима и формы государства, его текущего этапа развития, международной ситуации и характера взаимодействия с другими странами. Иными словами, внутренняя и внешняя политика тесно взаимосвязаны и взаимно обусловлены.

Следует отметить, что именно в информационной сфере особенно ясно проявляется взаимное переплетение внутренних и внешних функций государства: они работают в связке и взаимно усиливают друг друга.

Государство осуществляет управление информационными процессами как на внутреннем контуре, так и во внешней плоскости; при этом эффективное исполнение внутренней информационной функции невозможно без выстроенного и активного взаимодействия вовне. Следовательно, данную функцию следует одновременно относить и к внутренним, и к внешним направлениям деятельности.

Так, формирование международного политического имиджа требует доступной информации о главе государства, системе власти и механизмах её осуществления, целях и задачах государственного управления, состоянии

экономики и социальных институтов и т.д. Сегодня представления иностранных адресатов складываются из множества сведений из разнообразных источников о стране и её гражданах; потому государству, заинтересованному в позитивном образе надёжного и перспективного партнёра, необходимо обеспечивать такую информацию по максимально широким каналам.

Классификация информационных функции государства необходимо также продолжать исходя из современных государственных задач.

Так, на наш взгляд, следует рассматривать информационную функцию:

1) как общесоциальное направление — обеспечение конституционного права граждан на доступ к информации. Эта функция включает несколько самостоятельных компонентов, главный из которых — информирование населения: регулярная и адресная передача в предусмотренном законом порядке сведений, сообщений и знаний, объективно, полно и своевременно отражающих деятельность государственных органов и их решения;

2) как функция информационного обеспечения всей системы государственной деятельности — её органов, учреждений и должностных лиц — а также как информационно-коммуникативная функция, то есть сервис для граждан. Речь идёт о работе государственных и общественных институтов по удовлетворению потребностей и законных прав людей на получение необходимых сведений, сообщений и знаний о политической, экономической, социально-культурной и повседневной жизни государства, общества и отдельного человека.

Кроме того, информационная функция также зависит от того, на что имеет право государство и что она предпринимает для решения вышеназванных функции. Именно государство и только государство, имея необходимые ресурсы пользуется правом правового регулирования и привлечения к ответственности за нарушение установленных же государством правил (норм) – специальные функции распространяющиеся и в сфере информационного обмена [26, с. 27].

Неспециальные функции показывают участие государства как обычного субъекта гражданско-правовых отношений (например, в вопросах права собственности на информацию и объекты информатизации и др.). Такая схема особенно уместна, когда государство рассматривают как корпорацию, применяющую формы и методы работы, характерные для частного сектора.

С учётом специфики информации как ресурса её компоненты распределены по различным сферам и тесно переплетены с другими направлениями государственной деятельности. Поэтому в узком понимании информационная функция является производной от каждой ключевой функции государства — защиты прав и свобод человека в экономической, социальной и политической сферах, — поскольку ни одна государственная функция не реализуется без информационного элемента.

На основании проведённого анализа можно утверждать, что информационная функция включает в себя все ключевые признаки, которыми в научной литературе характеризуются базовые функции государства [26, с. 25–33].

Информационная функция государства — это сформировавшееся сегодня стратегическое направление деятельности в сфере информации, правовой режим которой определяется глобальными процессами информатизации. Она отражает сущность современного государства, ориентированного на формирование демократического гражданского общества в мировом информационном пространстве. По своему содержанию функция охватывает интересы разных уровней: общесоциальные, корпоративные (групповые), национальные и индивидуальные. Её реализация предполагает широкий спектр практических действий как внутри страны, так и на международном уровне. При этом в ней проявляется динамика социально-экономических, политических и духовных преобразований, присущих обществу эпохи информации.

Сегодня информационная функция относится к числу ключевых (основных) функций государства.

Информационное общество создаёт базу для перехода на новый этап развития, в котором технологическую основу составляет индустрия создания, обработки, хранения и распространения информации.

Государству отводится ключевая роль: оно координирует действия различных участников при построении информационного общества, расширяет вовлечение граждан в новые ИТ-сообщества, стимулирует развитие отраслей информационной индустрии, укрепляет демократические институты и обеспечивает соблюдение прав человека. Одновременно за ним сохраняются контрольные и надзорные полномочия, а государственные органы выступают и как хозяйствующие субъекты, привлекая инвестиции в наиболее сложные и капиталоёмкие направления.

Внедрение информатизации и цифровых решений в систему государственного управления создаёт основы для интеграции функций государства и помогает достигать поставленных целей, которые эволюционируют вместе с условиями общественного развития. Цифровизация становится показателем уровня развития страны и одновременно стимулирует трансформацию самой системы госуправления.

Подведём итог: информационная функция государства — это одна из базовых, общесоциальных функций. Речь идёт о публичной деятельности по развитию информационной сферы, которая охватывает весь спектр отношений, связанных с созданием, сохранением, обработкой и распространением информации во всех областях жизни — экономике, политике, социальной и правовой сфере, науке, образовании, системе государственного управления и др.

Информационная функция государства вытекает из глобальных процессов информатизации и нацелена на обеспечение граждан, их объединений, общества и самого государства актуальной общественно значимой информацией — через её создание, распространение и надлежащий контроль в рамках установленных законом процедур.

Развитие информационной функции государства в эволюционном контексте является как результатом, так и важнейшим стимулятором становления и наращивания информационного общества [27].

1.2 Политико-правовой анализ роли государства в формировании информационного (цифрового) общества

Современное развитие общества следует трактовать как развитие в условиях глобальной и тотальной информатизации и цифровизации, а также внедрения искусственного интеллекта в различные сферы жизнедеятельности общества и даже государства. Этому предшестсовало формирование информационного общества.

Информационное общество – это объективная реальность, являющаяся результатом четырех информационных революции, которые привели к небывалому информационному обмену и к тому, что информация стала одной из основных потребностей развития как отдельно взятой личности, так и общества в целом.

Согласно идее информационного общества, ключевым драйвером общественного прогресса выступает научно-техническая революция [28]. Формирование этого типа общества породило широкий спектр технологий, обеспечивающих свободное обращение информации, а со временем привело к преобладанию информационного сектора в экономике.

Теория постиндустриального общества основанная на разработках Даниела Белл [29-31] напрямую связывает становление информационного общества с доминированием информационного сектора экономики, к которой относится производство, хранение, обработка и передача информации. Этот сектор экономики существенно влияет или даже меняет значение и содержание некоторых социальных институтов, форм их взаимодействия, формирует новые факторы производства и способы их применения.

Эту идею развил Питер Друкер, предвосхитив смену акцента с материального производства на общество, где ключевыми ресурсами становятся знания и информация. Современные инфо-телекоммуникационные технологии, как высокотехнологичная и наукоёмкая основа, служат технологическим фундаментом такого «общества знаний» [32].

Формирование информационного общества закрепило новый подход: информация и знания стали ключевыми факторами дальнейшего развития.

Обращаясь к становлению концепции «информационного общества», важно отметить вклад М. Кастельса: ещё на рубеже XX–XXI веков он описал наступление информационной эпохи — нового типа общества, в котором приоритет приобретают информационные потоки и развёртываются коммуникационные сети [33, с. 159]. Это общество он предложил называть сетевым, подчёркивая, что сами сети выступают одновременно и инструментом, и следствием глобализации.

Следует также упомянуть выводы советского исследователя А. И. Ракитова: ключевым условием глобального информационного общества он считает возможность для любого гражданина в любое время и в любом месте получить с помощью современных ИКТ доступ к интересующей его информации. Свобода и результативность накопления, передачи и обработки качественных данных, по

его мнению, являются необходимым условием общественного развития [34, с. 60].

К.А. Панцерев, рассматривая этапы становления и теоретические основы информационного общества и сопоставляя разнообразные трактовки, приходит к выводу, что «информационное общество» — это переход к новой модели экономики и социума, где информация, опирающаяся на новейшие инфо-телекоммуникационные системы, получает глобальный масштаб и становится ключевым ресурсом дальнейшего развития человечества [35, с. 74].

Так или иначе, в мировой практике сложился единый подход к использованию понятия «информационное общество», которое в XXI веке вступило в свои права.

Информационное общество сейчас стало понятием, которое давно перешагнуло только экономическую составную.

Общество, в котором информация ценится и доступна как экономическая и технологическая категория, использует её также как критерий оценки и основу социальной общности. Так, российский исследователь Ю. А. Нисневич ключевым признаком информационного общества считает социальный фактор: информация становится мощным стимулом общественного прогресса и изменения качества жизни, а при широком доступе формируется «информационное сознание» [36, с. 69–72]. Это представляется нам принципиально значимым.

Совершенно различны подходы ученых к признакам информационного общества. Исходя из анализа различных позиции, считаем возможным выделить наиболее основные:

1. Глобальная информатизация, ставшая возможной высокоразвитой и постоянно обновляемой информационной инфраструктуры, которая развивается, главным образом посредством сетевых технологий, а именно Интернетом.
2. Интернет в свою очередь, представляет возможность широчайшего доступа к мировым информационным ресурсам, что в последствии выражается в глобализации информационного рынка;
3. Формирование рынка информационных продуктов – предложений, спрос на который определяет потребности общества и в итоге информационный сектор экономики становится приоритетным направлением развития общества.
4. Высокий уровень навыков информационного обмена, преодоление информационного неравенства и формирование высокого уровня культуры информационного обмена.

Ю. А. Нисневич, в свою очередь, выделяет ряд ключевых черт становления информационного общества: формирование единого информационно-коммуникационного пространства государств; активное включение регионов, стран и народов в процессы информационной и экономической интеграции; возникновение и последующее доминирование в экономике новых технологических укладов на базе массового применения передовых ИТ; развитие рынка информации и знаний как производственного фактора наряду с рынками

ресурсов, труда и капитала; превращение информационных ресурсов в реальные драйверы социально-экономического роста; усиление значимости ИК-инфраструктуры; повышение уровня образования, научно-технического и культурного развития благодаря расширению систем обмена информацией на международном, национальном и региональном уровнях; создание действенных механизмов, гарантирующих гражданам и институтам свободный доступ к информации как необходимое условие демократического развития [36, с. 75].

Исходя из целей нашего диссертационного исследования, следует рассмотреть вопрос о роли государства в информационном обществе.

Государство, являясь основным регулятором общественных отношений, имея все необходимые атрибуты и возможности для этого и в период перехода к еще одному типу общественного развития – информационному обществу, продолжает оставаться основным координатором.

Развитие любых социальных и экономических отношений требует определенных условий. В жизни социума, это организационные, правовые и финансово-экономические условия.

Организационные условия подразумевают деятельность по налаживанию производства, структурированию информационных ресурсов и их выводу на рынок собственниками и правообладателями этих ресурсов. В этой сфере роль государства чрезвычайно значима, что подтверждает и исторический опыт. Так, по данным «Википедии», истоки Интернета связаны с развитием вычислительной техники и идеей глобальных сетей в 1950-е годы в ряде стран, прежде всего в научных и военных лабораториях США, Великобритании и Франции. В СССР также существовали военные вычислительные сети, но они были засекречены, а гражданский проект ОГАС (1959) не реализовали из-за бюрократических препятствий; вместе с тем в 1978 году появилась совместимая с Интернетом гражданская Академсеть (X.25) [37].

Подавляющее большинство технологических разработок до сих пор продолжает разрабатываться под воздействием государства, которое выступает как заказчик, заинтересованный в развитии тех или иных направлений информационных технологий или их внедрения в государственную или социальную систему жизнедеятельности. Причиной является переход к цифровой экономике, где государство должно иметь свою финансовую долю, рычаги воздействия, а также инструменты противодействия или предупреждения.

Одновременно следует учитывать и другую позицию: многие считают, что главным двигателем инноваций и технологических преобразований выступает бизнес. По их мнению, стремительное и повсеместное распространение информации через мобильные устройства и скоростной интернет сделало рынки эффективнее и расширило возможности граждан, из-за чего поле для государственного вмешательства в цифровую эпоху заметно сократилось. По сути, цифровая экономика отделилась от аналоговой и её традиционного «куратора» — государства. Более того, экспоненциальные темпы технологического прогресса, описываемые «законом Мура», опережают

способность социальных, политических и ряда экономических институтов адаптироваться к переменам [38].

Конечно, каждое государство движется в соответствии со своими возможностями. Вместе с тем, уже сегодня понятно, что цифровая экономика и информационное общество постоянно требует двух основных, базовых вещей, с одной стороны, это стремление к развитию с целью удовлетворить потребности личности, общества и государства, а с другой стороны обеспбеить защиту личности, общества и государства от последствии такого стремительного развития событий в информационной и иных сферах.

По мнению Nagy Hanna, к функциям государства в условиях цифровой экономики и информационного общества относятся: формирование национальной политики и приоритетов в цифровой сфере; поддержка НИОКР по ключевым технологиям; регулирование и дополняющее воздействие на рынок для обеспечения доступного интернет-доступа; вложения в человеческий капитал, организационные изменения и институциональное обучение во всех отраслях и уровнях; руководство цифровой трансформацией государственных услуг и управленческих процессов; а также создание государственными структурами необходимых компетенций и институтов для планирования, финансирования и реализации национальных стратегий цифровой трансформации [38].

В Казахстане много сделано в целях преодоления информационного неравенства и развития IT – сектора о чем свидетельствуют приведенные в предыдущем параграфе национальные программы, созданы и действуют национальные хабы и центры, вложены деньги в развитие информационных услуг и прочее. Вместе с тем, в настоящее время остро стоят вопросы информаицонной безопасности и вопросы дельшейшего стимулирования развития и обеспечения стабильности и безопасности IT-секторов экономики страны.

К правовым условиям относится создание системы эффективного информационного законодательства, которое наиболее адекватно отражает потребности всех субъектов информационной деятельности, участвующих в обороте информационных продуктов, в т.ч. их производителей и потребителей.

Стремительное развитие информационного законодательство началось в мире в конце XX века и охватывает все стороны информационного обмена.

Информационные правоотношения – это правоотношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в информационной сфере.

Информационная сфера, по сути, представляет собой совокупность деятельностей, связанных с созданием, распространением, преобразованием и использованием информации. В её рамки, на наш взгляд, входят как разработка и применение ИТ, так и формирование массивов данных и предоставление информационных услуг. В таком подходе охватывается весь спектр информационных взаимодействий. Именно на этом стыке возникают информационные правоотношения — «информационное правоотношение, в

котором стороны наделены взаимосвязанными правами и обязанностями, закреплёнными и обеспеченными соответствующей нормой права» [39, с.169].

Такой же позиции придерживается известный российский ученый в области информационного права И.Л. Бачило, считая, что информационная право как комплексная отрасль права должна охватывать сферы, как связанные в оборотом информации, так и с формированием и использованием информационных систем [40, с. 14].

Соответственно, правовые источники информационного права должны охватывать весь комплекс правовых норм, которые регулируют все эти правоотношения. И эти нормы представляют собой целый массив норм международного и национального права, который растет и изменяется с каждым днем, исходя из трансформации и роста регулируемых отношений.

В первую очередь к международным источникам нужно отнести ключевые конвенции и договоры, закрепляющие основные информационные права человека и гражданина, а именно:

- Согласно Всеобщей декларации прав человека, каждый имеет право на свободу мнений и их выражение; это право включает возможность свободно придерживаться своих убеждений, а также искать, получать и передавать информацию и идеи любыми способами, независимо от государственных границ [41];
- Международный пакт о гражданских и политических правах (резолюция Генассамблеи ООН 2200 A (XXI) от 16 декабря 1966 г.) закрепляет право каждого свободно иметь и выражать свои мнения. Это включает возможность искать, получать и распространять информацию и идеи за пределами государственных границ — устно, письменно, через печатные издания, художественные формы или иными выбранными способами. Одновременно эта свобода предполагает особые обязанности и ответственность и может быть ограничена законом, если это необходимо для: а) защиты прав и доброго имени других лиц; б) обеспечения государственной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья или нравственности населения [42].
- Декларация ООН «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» (Женева, 2003) подчёркивает, что образование, знания, информация и коммуникация являются основой развития, инициативы и благополучия человека, а ИКТ существенно воздействуют практически на все сферы жизни. Быстрый технологический прогресс открывает новые горизонты для достижения более высоких уровней развития и, снимая традиционные барьеры — прежде всего временные и пространственные, — впервые позволяет задействовать потенциал этих технологий на благо миллионов людей по всему миру [43]. Одновременно указывается, что для формирования инклюзивного информационного общества необходимы новые форматы солидарности и партнёрства между государственными органами и иными заинтересованными сторонами — частным сектором, гражданским обществом и международными организациями. Осознавая масштабность задач по преодолению цифрового разрыва и обеспечению гармоничного, справедливого и равноправного развития

для всех, Декларация призывает к цифровой солидарности на национальном и международном уровнях [43];

- Окинавская хартия глобального информационного общества (принята 22 июля 2000 года лидерами «Большой восьмёрки» в Окинаве) — это документ, который призывает не только ускорять и поддерживать становление информационного общества, но и добиваться полного раскрытия его экономических, социальных и культурных преимуществ в ключевых сферах:

A) реализация экономических и институциональных преобразований, обеспечивающих открытость, результативность и конкурентность и поощряющих инновации, параллельно с шагами по адаптации рынка труда, развитию человеческого капитала и укреплению общественного согласия;

B) взвешенная макроэкономическая политика, которая повышает предсказуемость и точность планирования для бизнеса и потребителей и одновременно обеспечивает полноценное использование преимуществ новых информационных технологий;

C) создание и развитие сетевой инфраструктуры, обеспечивающей высокоскоростной, надежный, защищённый и экономически доступный доступ к сетевым технологиям, их обслуживанию и использованию, на основе конкурентной рыночной среды и внедрения соответствующих инноваций;

D) подготовка и наращивание человеческого капитала, отвечающего вызовам информационной эпохи, через систему образования и непрерывного обучения, а также удовлетворение растущей потребности в ИТ-специалистах в различных отраслях экономики;

I) широкое внедрение ИКТ в государственном управлении и развитие сервисов, работающих в режиме реального времени, чтобы повысить доступность госуслуг и открытость власти для всех граждан [44];

- а также иные международные договоры и соглашения, заключённые Республикой Казахстан с зарубежными государствами и международными организациями. Например, постановление Правительства РК от 20 ноября 2009 года № 1899 «Об утверждении Соглашения об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью», а также Соглашение между Правительством РК и КНР об обмене данными в отношении граждан обеих стран, подписанное в Сиане 17 мая 2023 года.

Национальное законодательство в области информационного права представлено целым блоком законов в области связи, информатизации, СМИ и массмедиа, рекламной деятельности, торговли, IT – рынка и услуг, цифровизации и информатизации, информационной безопасности, доступа к информации, развития IT отрасли, государственной поддержки в этих сферах, ответственности за незаконные действия с применением информационных технологий, а также в сфере законного оборота информации и прочее. Помимо законодательных актов, следует особо выделить огромный блок подзаконных нормативных актов и документов, обеспечивающих исполнение принятых законов и соглашений, а также нормативно-техническую документацию и пр.

Трудно спорить с тем, что сегодня информация рассматривается как особый ресурс и предмет государственного управления: и как инструмент воздействия на социальные процессы, и как результат деятельности власти. Повышение результативности управления в информационной сфере, а также совершенствование работы государственных и муниципальных органов во многом определяются качеством законодательства и нормативно-методической базы, равно как и применяемыми методами и подходами к обработке данных [45].

Фактически, в Казахстане создана вся необходимая нормативная правовая база, регламентирующая свободный оборот информации и развитие информационного рынка, отвечающего потребностям современных реалии, о чем свидетельствуют достижения Электронного правительства, банковской и иных экономических сфер. То есть созданы условия для развития информационного общества, но при этом, постоянно растущие запросы ставят новые задачи и основной задачей сейчас является реализация уже принятых норм и постоянный анализ новых течений и запросов, что и является базовой задачей государства в условиях информационного общества.

Следующее ключевое направление — формирование финансово-экономической базы: разработка механизмов финансирования и учёта информационных ресурсов, а также регулирование их обращения и потребления.

Изучение зарубежного опыта регулирования информационной сферы показывает ряд ключевых векторов, среди которых — стимулирование конкурентной среды и противодействие монополизации в базовых сегментах оборота информации.

Формирование информационного общества невозможно без устойчивых каналов связи. В отраслевом законодательстве среди ключевых принципов госрегулирования закреплены создание условий для предоставления универсальных услуг связи и обеспечение честной конкуренции [46].

В соответствии с действующим законодательством, деятельность в сфере связи, как и обеспечение информационной безопасности, отнесены к государственным монополиям. Это требует централизованного управления национальными ресурсами связи — средствами связи, вычислительной техникой и информационными системами, которые служат технической базой для сбора, обработки, хранения и распространения данных. Такое управление включает учёт и эксплуатацию этих ресурсов, их надлежащее обслуживание, а также применение правовых и административных инструментов: регулирование, лицензирование отдельных видов деятельности и контроль за соблюдением законодательства РК в области связи.

При этом проблема доступа к Интернету остаётся актуальной. Согласно Национальному плану развития РК до 2029 года, утверждённому Указом Президента от 30 июля 2024 г. № 611, стопроцентное проникновение домашнего широкополосного доступа ожидается лишь к 2027 году. Это происходит несмотря на формирование в стране национальной цифровой финансовой инфраструктуры, позволяющей участникам рынка предоставлять населению и

бизнесу платёжные и финансовые сервисы дистанционно и в цифровом формате, осуществлять мгновенные переводы и платежи, безопасно использовать открытые программные интерфейсы (Open API), развивать блокчейн-технологии и смарт-контракты на базе платформы цифрового тенге, а также выявлять и предотвращать мошеннические транзакции и подозрительные операции. Параллельно совершенствуется система управления бизнес-процессами на основе облачных вычислений с последующим переходом к цифровому хранилищу [47].

В области СМИ полномочия государства также определяются рядом задач, а именно контролем за отсутствием монополии в области деятельности средств массовой информации, так как это напрямую противоречит свободе информации, но вместе с тем, государство осуществляет разработку и обеспечивает реализацию основных направлений государственной политики в области средств массовой информации, так как СМИ является важным фактором формирования идеологии в обществе.

Государство является основным владельцем и распорядителем информационных ресурсов. Исторически именно в органах публичной власти концентрировались ключевые массивы данных — библиотечные и архивные фонды, результаты научных исследований, реестры юридически значимых действий и др. Переход на электронные форматы лишь усилил эту роль, поскольку именно государство стало главным заказчиком и проводником процессов информатизации и цифровизации. Утвердилось определение «электронные информационные ресурсы» — это данные в цифровом формате, размещённые на электронных носителях и в объектах информатизации [48]. Позднее на уровне закона были конкретизированы и сами объекты информатизации: к ним отнесены электронные информационные ресурсы, программные продукты, интернет-ресурсы, а также информационно-коммуникационная инфраструктура.

Кроме того, государство осуществляет целевые инвестиции в сектор информационных технологий, поскольку их развитие и обеспечение кибербезопасности относятся к ключевым приоритетам, продиктованным нынешними реалиями.

Отдельно отметим, что поддержку ИКТ-сектора в Казахстане обеспечивают уполномоченные госорганы, национальный институт развития в сфере ИКТ и иные профильные институты развития — с целью ускорить рост отрасли и её технологическую модернизацию.

К числу базовых принципов государственной поддержки развития ИКТ-отрасли относятся:

1) развитие ИКТ-сектора, опирающееся на инициативу частного бизнеса и механизмы государственно-частного партнёрства;

2) преимущественное право отечественных компаний при размещении заказов на разработку ИКТ-решений и информационных систем;

3) поддержка расширения выпуска отечественного софта и программных продуктов, а также развития производства аппаратных средств;

4) формирование и совершенствование рыночной инфраструктуры ИКТ-сектора;

5) поощрение и обеспечение честной конкуренции на рынке ИКТ-служб и решений [48].

Эффективное развитие информационного общества заключается в конструктивном взаимодействии трех субъектов информационной трансформации: государства, бизнеса и индивидов, социальных групп. В этой связи ключевыми задачами на этапе становления информационного общества выступают:

- гарантия права и технологической возможности для всеобщего доступа к информации и информационным ресурсам;
- обеспечение свободы выражения мнений;
- обеспечение и охрана прав и законных интересов граждан, общества и государства в сфере информации;
- сохранение национального культурного наследия и языка, противодействие внешней культурной экспансии;
- охрана интеллектуальных прав и противодействие пиратству;
- пресечение киберпреступности и иных высокотехнологичных правонарушений;
- контроль и регламентация применения информационно-телекоммуникационных технологий в госорганах;
- выравнивание социального, политического, информационного, экономического и структурного развития национального информационного пространства;
- расширение образовательного доступа и возможностей; перевод экономики и общества с сырьевой модели на инновационно-наукоёмкий путь;
- внедрение и масштабирование современных цифровых технологий;
- выработка и углублённый анализ государственной информационной политики, описывающей, как разные субъекты (государство, организации, отдельные граждане и социальные группы, имеющие собственные интересы и представления) используют информационные потоки и ресурсы; установление количественного мониторинга за движением этих потоков и регулирование их распределения;
- продвижение «электронной демократии», направленной на повышение уровня открытости, активному взаимодействию с гражданским обществом, вовлечению граждан и негосударственных организаций в процессы принятия решений, использованию систем общественного контроля и оценки деятельности органов власти, а также противостояние вызовам и угрозам современного мира связанных с сформирована новой «виртуальной реальности» в интернет-пространстве и другие задачи [49, с. 32-33].

Решение этих задач, обоснованных необходимостью дальнейшего развития информационного общества и продвижением новых информационных технологий, является одной из составных функции государства в информационной сфере, а значит в сфере информационного общества.

1.3 Анализ трансформации функций органов исполнительной власти в условиях цифрового общества

Для продолжения анализа функций государства в условиях информационного общества необходимо уточнить само понятие государственного управления и оценить роль каждой ветви власти в его осуществлении.

Исходя из принципа разделения властей, каждая ветвь — законодательная, исполнительная и судебная — автономна и независима при осуществлении своих полномочий, взаимодействуя на основе системы сдержек и противовесов (п. 4 ст. 3 Конституции РК). Ни одна ветвь не вправе присваивать функции другой. Все госорганы действуют в пределах своей компетенции, одновременно оставаясь взаимосвязанными и образуя единый государственный механизм.

Президент, как глава государства и его высшее должностное лицо, задаёт ключевые ориентиры внутренней и внешней политики и представляет Казахстан на международной арене, обеспечивая слаженную работу всех ветвей власти и их ответственность перед народом. Кроме того, Президент РК является символом и гарантом единства народа и государственной власти, неприкосновенности Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина (ст. 40 Конституции РК) [1].

Президент задаёт ключевые ориентиры внутренней и внешней политики, что напрямую включает и информационную повестку. Соответственно, все базовые документы по информатизации и информационной безопасности утверждались именно указами Президента. Так, Концепция информационной безопасности РК, принятая Указом от 10 октября 2006 года № 199, заложила основы единой государственной политики в сфере обеспечения ИБ; её положения были учтены при формировании и развитии единого информационного пространства и при совершенствовании политики в области информатизации [22]. Аналогично, Информационная доктрина РК, утверждённая Указом от 20 марта 2023 года № 145, нацелена на обеспечение информационной безопасности и идеологического суверенитета, а также на выстраивание современной информационной политики, способствующей консолидации общества и укреплению гражданской идентичности [25].

Важное значение в развитии политики в той или иной сфере имеют послания Главы государства. Так, вопросы необходимости информатизации были впервые поставлены Н.А. Назарбаевым в Послании в 2005 году. В 2017 году будучи Главой государства Первый Президент Казахстана — Елбасы Н. Назарбаев в своем Послании «Третья модернизация Казахстана: Глобальная конкурентоспособность» обратил внимание на актуальность проблемы борьбы с киберпреступностью. Тогда Правительству и Комитету национальной безопасности РК было поручено принять меры по созданию системы «Киберщит Казахстана».

Сегодня в Послании К. К. Токаев подчеркнул, что в платформе «электронного правительства» необходимо внедрять технологии искусственного

интеллекта. Казахстан должен стать страной активного применения ИИ и динамичного развития цифровых решений; это обозначено как приоритет для Правительства [50].

Следует подчеркнуть, что согласно подпп. 3 и 5 ст. 44 Конституции РК Президент уполномочен создавать, упразднять и реорганизовывать госорганы, а также определять структуру Правительства. Так, в 2016 году было образовано Министерство информации и коммуникаций РК. В 2019 году проведена новая реорганизация: Министерство общественного развития преобразовано в Министерство информации и общественного развития с передачей ему информационных функций и полномочий от Министерства информации и коммуникаций. Кроме того, Министерство оборонной и аэрокосмической промышленности трансформировано в Министерство цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности РК, которому переданы функции в сферах связи, информатизации, «электронного правительства» и выработки госполитики по оказанию госуслуг, ранее находившиеся в ведении Министерства информации и коммуникаций.

Президент, как глава государства, координирует и обеспечивает слаженное взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной власти.

Парламент Республики Казахстан — высший представительный орган, осуществляющий законодательную власть (п. 1 ст. 49), — наделён полномочиями принимать законы, регулирующие ключевые общественные отношения и закрепляющие базовые принципы, и нормы, в том числе по вопросам:

1) правового статуса физических и юридических лиц, их гражданских прав и свобод, а также обязанностей и ответственности;
2) режима собственности и иных вещных прав;
3) основ организации и деятельности государственных органов и местного самоуправления, а также государственной и военной службы;
4) налогообложения, установления сборов и иных обязательных платежей;
5) республиканского бюджета;
6) судебной системы и судопроизводства;
7) образования, здравоохранения и социальной защиты;
8) приватизации предприятий и их имущества;
9) охраны окружающей среды;
10) административно-территориального устройства страны;
11) обеспечения обороны и государственной безопасности (п. 3 ст. 61 Конституции РК).

Судебная ветвь власти осуществляет правосудие в формах гражданского, уголовного и других видов судопроизводства, предусмотренных законом (ст. 75 Конституции РК). Все прочие государственные функции, кроме тех, что прямо закреплены Конституцией за Президентом Республики Казахстан, относятся к компетенции исполнительной власти. Ее возглавляет Правительство РК, которое

реализует исполнительные полномочия государства, руководит системой исполнительных органов и координирует их работу [51].

Исполнительная власть — это особая система госорганов, непосредственно выполняющих задачи управления и регулирования, то есть осуществляющих управление в его «узком» понимании. Под ним Г. В. Атаманчук имеет в виду «практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на жизнедеятельность общества в целях её упорядочения, сохранения или преобразования, основанное на властных полномочиях» [52, с. 38].

Эксперты в области государственного управления и административного права сходятся во мнении, что именно исполнительная ветвь должна осуществлять управление государством. Это обусловлено её жёстко выстроенной иерархией и системой подчинения, а также наличием значительных кадровых, материальных и финансовых ресурсов, которыми наделены должностные лица. Кроме того, исполнительная власть опирается на силовые структуры — армию, полицию и другие институты [53, с. 77].

Исполнительная власть — это самостоятельная, доминирующая ветвь государственной власти, действующая на основе подзаконных норм и выполняющая властно-оперативные, организационно-распорядительные и созидательные задачи. Её миссия — обеспечить исполнение Конституции, законов и актов Президента, а также решать политические и социально-экономические задачи развития страны. Данная ветвь образует единую систему органов общего и специального назначения, наделённых правом издавать обязательные для исполнения акты на всей территории государства либо в пределах соответствующей административно-территориальной единицы, с тем чтобы гарантировать реализацию прав и свобод граждан и создать надлежащие условия для достойной жизни населения [54, с. 61].

В Республике Казахстан исполнительная власть имеет трёхзвенную структуру:

1. Верхний уровень — Правительство. Под руководством Премьер-Министра оно осуществляет исполнительную власть в Республике Казахстан, формирует и возглавляет систему исполнительных органов, а также координирует их работу (п. 1 ст. 64 Конституции РК). В структуру Правительства входят министерства; персональный состав включает Премьер-Министра, его заместителей, министров и иных должностных лиц республики [51].
2. Средний уровень — центральные исполнительные органы. К ним относятся министерства, входящие в состав Правительства, а также иные центральные органы, не входящие в его структуру. По Конституционному закону РК от 18.12.1995 № 2688 «О Правительстве Республики Казахстан» министерство — это центральный исполнительный орган, который руководит соответствующей отраслью (сферой) государственного управления и, в установленных законом пределах, осуществляет межотраслевую координацию. В пределах своей компетенции министерство выполняет стратегические, регуляторные, исполнительные и контрольно-надзорные функции, формируя

отраслевую государственную политику с учётом внутренних и внешних приоритетов, определённых Президентом, и социально-экономического курса, заданного Правительством (п. 1 ст. 22 указанного закона).

3. Территориальный уровень — местные исполнительные органы (акиматы). Это коллегиальные органы под руководством акимов областей, города республиканского значения и столицы, а также районов (и городов областного значения), которые в пределах своих полномочий выполняют на соответствующей территории задачи местного государственного управления и местного самоуправления [55].

Статья 6 Конституции РК устанавливает, что Правительство:

1) определяет ключевые ориентиры социально-экономической политики, обороны, безопасности и поддержания общественного порядка и обеспечивает их воплощение на практике; по согласованию с Президентом утверждает государственные программы и организует их реализацию;

2) разрабатывает и вносит в Парламент проект республиканского бюджета и отчёт о его исполнении, отвечая за исполнение бюджетных показателей;

3) направляет в Мажилис законопроекты и обеспечивает исполнение принятых нормативных правовых актов;

4) осуществляет управление объектами государственной собственности;

5) разрабатывает меры по проведению внешнеполитического курса Республики;

6) координирует работу министерств, госкомитетов и иных центральных и местных исполнительных органов;

7) отменяет либо приостанавливает (полностью или частично) акты министерств, госкомитетов и других центральных и местных исполнительных органов;

8) по согласованию с Президентом утверждает единую систему финансирования и оплаты труда работников органов, содержащихся за счет госбюджета;

9) исполняет прочие полномочия, возложенные Конституцией, законами и актами Президента [1].

Положения статьи 6 Конституции конкретизированы нормами статьи 9 Конституционного закона «О Правительстве».

К.С. Бельский, рассматривая функции исполнительной власти, выделяет два уровня:

1 Целевые функции — ради чего необходима исполнительная власть государству: охрана общественного порядка и безопасности, регулятивно-управленческая деятельность, обеспечение прав и свобод граждан;

2 Функции как направления деятельности и правовые инструменты их реализации — так называемые вспомогательные функции: нормотворческая, оперативно-исполнительная и юрисдикционная [56, с. 18].

Профессор Г. А. Алибаева, со своей стороны, выделяет внутренние и внешние функции и относит к ним следующее:

1) аккумулирование, согласование и объединение интересов личности, социальных групп, этносов, государства (нации) и всего человечества в экономической, социальной, политической и культурной сферах; их представление и защита как внутри страны, так и на международном уровне, а также создание условий для их реализации;

2) функции регулятивно-организационного характера: установление порядка, структурирование, координация, согласование и регулирование совместной деятельности и общих дел всех членов общества во всех подсистемах государства;

3) мобилизационные: привлечение и распределение необходимых ресурсов внутри страны и за её пределами — взимание налогов, формирование и использование общего бюджета, управление материальными, трудовыми и информационными ресурсами, эмиссия денежных средств;

4) обеспечение гражданской консолидации и интеграции, сохранение территориальной целостности, суверенитета, автономии и независимости государства, его обособленности от иных сообществ и организаций, а также поддержание устойчивости и стабильности;

5) обеспечение устойчивого развития — целенаправленного, закономерного и необратимого преобразования государства, его подсистем и граждан [53, с. 112].

Ключевая особенность государственного строя Казахстана — значительный объём президентских полномочий. Президент, являясь главой государства и высшим должностным лицом, задаёт стратегические ориентиры внутренней и внешней политики, представляет Республику в стране и за её пределами, а также обеспечивает согласованное взаимодействие всех ветвей власти и их подотчётность гражданам (пп. 1–2 ст. 40 Конституции РК).

Компетенция Президента в отношении Правительства закреплена в Конституции РК, а также в конституционных законах «О Президенте Республики Казахстан» от 26 декабря 1995 года и «О Правительстве» от 18 декабря 1995 года.

Президент РК адресует Правительству поручения и требует их безусловного исполнения [57]. В свою очередь, Правительство организует реализацию актов Президента, контролирует их выполнение в министерствах и местных исполнительных органах и на регулярной основе представляет Президенту отчёты о выполнении поручений и иных направлениях своей работы. Кроме того, Кабинет Министров обеспечивает действие законов Республики, надзирает за их соблюдением на центральном и местном уровнях и несёт ответственность перед Президентом и Парламентом в формах, установленным Конституцией и соответствующим конституционным законом [51].

В рамках доктрины разделения властей исполнительная власть предназначена для приведения законов в действие и их практической реализации

всеми допустимыми правовыми средствами, включая меры принуждения; именно ей принадлежит первоочередная роль в выполнении актов, принятых парламентом, и иных решений [53, с. 125]. Вместе с тем ни раньше, ни сейчас её функции не сводятся лишь к контролю за соблюдением законов.

Во-первых, для практической реализации законов исполнительной власти приходится ежедневно решать широкий спектр текущих задач в самых разных сферах общественной жизни. Во-вторых, в её ведении есть и такие полномочия, которые не имеют прямой или косвенной связи с исполнением актов, принятых парламентом или посредством народного волеизъявления.

Кратко охарактеризовать весь спектр функций исполнительных органов сложно: обеспечение госуправления многопланово и затрагивает все элементы достижения намеченных целей. При этом исполнительная власть действует на основе и в пределах закона, сохраняя в этих рамках значительную самостоятельность при решении задач государства.

Отсюда логичен вывод Г.А. Алибаевой: именно исполнительная власть институционально удерживает единство публичной власти, придаёт управлению обществом целостный характер и обеспечивает комплексное решение общегосударственных задач. Она укрепляет государственность, увязывая и координируя разные структуры, направления и ресурсы так, чтобы они действовали согласованно — на основе общих установок и в едином векторе, что повышает результативность. При этом сохраняются различия в подходах и методах отдельных органов при выполнении общих целей [53, с. 97].

Изучение норм РК, определяющих правовой статус Кабинета Министров, а также центральных и местных исполнительных органов, даёт возможность определить ключевые направления их деятельности (функции):

1. Политические: формирование общего курса, подготовка государственных и региональных программ, концепций, стратегических планов и прогнозов, а также определение ключевых приоритетов развития.

Правительство Республики, действуя в пределах предоставленных полномочий, определяет главные ориентиры социально-экономического развития, обороны и безопасности, поддержания правопорядка и обеспечивает их практическое воплощение. Оно формирует государственную ценовую политику; утверждает перечень продукции, товаров и услуг, цены на которые подлежат госрегулированию; задаёт основные направления региональной политики; вырабатывает политику в сфере науки и технологий, внедрения инноваций; а также отвечает за реализацию правовой политики.

Министерства и иные ведомства решают стратегические задачи в закреплённых за ними отраслях: их назначение — формировать и реализовывать эффективную государственную политику по соответствующим направлениям. Местные исполнительные органы разрабатывают планы и программы развития своих территорий и обеспечивают проведение единой линии исполнительной власти с учётом интересов и нужд конкретного региона (п. 1 ст. 26) [55].

Данная функция является очень важной, так как позволяет системно и единообразно формировать подходы и стретегии государства в сферах и вопросах, представляющих собой важные вопросы жизнедеятельности и безопасности государства и общества. В том числе и в сфере информационной политики, политики формирования цифровой экономики и обеспечения информационных прав личности.

2. Нормотворческие и регулятивные: разработка проектов законов и принятие подзаконных нормативных актов как одно из ключевых направлений деятельности исполнительной власти.

Когда парламент закрепляет нормы в законе, исполнительная власть, опираясь на предоставленные ей полномочия, обеспечивает их практическую реализацию и, если требуется детализация, продолжает регулирование на уровне подзаконных актов. Иными словами, обладая распорядительной компетенцией, она при исполнении законов издаёт собственные нормативные правовые акты, осуществляя подзаконное регулирование общественных отношений. Как отмечает Е. В. Хоменко, правотворчество исполнительных органов в пределах их полномочий является продолжением деятельности законодателя: в случаях, когда закон прямо не охватывает управленческие отношения, нуждающиеся в правовой регламентации, соответствующие органы исполнительной власти берут на себя эту функцию [58].

Правительство наделено правом законодательной инициативы, которое реализуется только в Мажилисе Парламента (подп. 3) ст. 66 Конституции РК). Помимо этого, во исполнение законов, госпрограмм и поручений Президента органы исполнительной власти принимают подзаконные нормативные акты, входящие в систему национального права: нормативные постановления Правительства; нормативные приказы министров и других руководителей центральных госорганов; нормативные приказы руководителей их ведомств; нормативные постановления акиматов, нормативные решения акимов, а также нормативные постановления ревизионных комиссий (Закон РК от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах»).

Для реализации нормативных и базовых нормативных актов исполнительные органы вправе издавать ряд подзаконных документов: положения, технические регламенты, правила и инструкции [59].

Действующая система разработки, принятия, исполнения и отчётности по нормативным правовым актам ориентирована на результативное государственное регулирование, призванное гарантировать безопасность жизни и здоровья граждан, охрану их прав, свобод и законных интересов, экологическую безопасность, национальную безопасность Республики Казахстан и защиту имущественных интересов государства.

Функция нормативного регулирования обеспечивает формализацию и воплощение принципа единого государственного подхода через принятие не только государственных программ и планов их исполнения, но и совместных подзаконных нормативных правовых актов. Такие акты разрабатываются государственными органами в пределах их компетенции, установленной

законодательством РК, по собственной инициативе либо по поручениям вышестоящих органов и должностных лиц, если законом не предусмотрено иное (статья 18 Закона РК от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах») [59].

3. Контрольно-надзорная деятельность, направленная на обеспечение исполнения закреплённых в нормативных правовых актах задач всеми субъектами государственного управления — госорганами, а также физическими и юридическими лицами.

Контроль понимается как механизм обратной связи в сложных управленческих системах, предназначенный для получения сведений о состоянии законности в аппарате госуправления, о содержании и векторе его деятельности. Это способствует исполнению нормативных правовых актов, повышает ответственность управленческого аппарата за надлежащее исполнение обязанностей, позволяет проверять соответствие управленческих актов Конституции и законам и при необходимости принимать меры по восстановлению такого соответствия. Поскольку контроль является функцией управления, субъект и объект контроля находятся в отношениях служебной субординации [60, с. 15].

Суть контроля заключается в сравнении фактических результатов с заранее установленными целями и показателями. Это форма правовой деятельности, при которой уполномоченные органы и должностные лица в рамках контрольного производства, для выработки юридически значимых выводов и обеспечения регулирующего воздействия, собирают и проверяют на подконтрольных объектах данные о выполнении обязательных требований и соблюдении правовых актов, а также принимают непосредственные меры по предупреждению и пресечению выявленных нарушений (отклонений) в целях защиты прав и свобод граждан, а также интересов общества и государства.

Надзор трактуется как вид правовой деятельности уполномоченных субъектов, возникающий при неисполнении либо ненадлежащем исполнении законов государственными органами и должностными лицами, с целью обеспечения и укрепления законности и правопорядка, предупреждения и пресечения правонарушений, а также обеспечения прав и свобод граждан и охраняемых законом прав и интересов общества и государства.

Предпринимательский кодекс РК устанавливает, что государственный контроль и надзор призваны обеспечить безопасность продукции, выпускаемой и реализуемой подконтрольными субъектами, а также используемых технологических процессов для жизни и здоровья граждан; защищать их имущество; охранять окружающую среду; поддерживать национальную (в том числе экономическую) безопасность; пресекать вводящие в заблуждение практики; обеспечивать рациональное использование природных и энергетических ресурсов; повышать конкурентоспособность отечественных товаров; а также защищать конституционные права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц. Одновременно Кодекс определяет такие задачи государственного контроля и надзора:

1) осуществление превентивных действий для предупреждения нарушений и недопущения причинения вреда (ущерба);

2) стимулирование добропорядочного поведения субъектов, находящихся под государственным контролем и надзором;

3) принятие мер по устранению выявленных нарушений законодательства [61].

Прежде всего это организация и осуществление контроля (надзора) за соблюдением законодательства и деятельностью организаций в широком смысле; проведение их аккредитации; исполнение роли заказчика по проведению экспертиз и аттестационных процедур; а также выдача лицензий и ведение соответствующего учёта.

4. Организационно-административные: принятие конкретных управленческих решений, осуществление функций госзаказчика, издание распорядительных документов.

Эта функция проявляется в двух измерениях. Во-первых, как полномочие издавать приказы и распоряжения, обязательные для всех адресатов, в том числе для подведомственных структур. Во-вторых, как обеспечение организации собственной деятельности органа — внутренней структуры и трудовых процессов, включая применение мер поощрения и дисциплинарной ответственности к персоналу. Иными словами, речь идёт об исполнительно-распорядительной и административно-распорядительной составляющих.

Исполнительно-распорядительная функция выражается в том, что органы исполнительной власти обеспечивают практическое воплощение правовых норм, установленных как законами, так и подзаконными актами. Когда правотворческий субъект (законодательный либо исполнительный) закрепляет нормативные решения, орган исполнительной власти, опираясь на свои властные полномочия, организует их исполнение. При необходимости конкретизации таких предписаний он издаёт соответствующий управленческий акт.

Как отмечалось ранее, принятые законы подлежат непосредственному исполнению уполномоченными органами и их подразделениями на местах, в том числе путём издания актов государственного управления (как основных, так и производных: положений, техрегламентов, правил, инструкций), а также индивидуальных актов, адресованных конкретным должностным, физическим или юридическим лицам. Эти акты подразделяются на нормативные и ненормативные, но служат одной цели — обеспечить практическую реализацию закона через уточнение, детализацию и разъяснение его положений.

Наличие этой функции позволяет органам исполнительной власти применять положения Конституции и законов к каждой конкретной жизненной ситуации, тем самым реализуя ключевые задачи государственного управления.

5. Управление и распоряжение государственными активами.

Правовой режим госимущества установлен нормами Гражданского кодекса РК (Общая часть) от 27 декабря 1994 года и Законом РК «О государственном имуществе» от 1 марта 2011 года № 413-IV. Эти акты определяют статус и порядок обращения государственного имущества,

закрепляют права и обязанности государства в сфере управления им, а также регламентируют реализацию имущественных прав — владение, пользование и распоряжение — в отношении объектов, находящихся в государственной собственности. Кроме того, они устанавливают правила приобретения и прекращения прав на такое имущество (включая национализацию и приватизацию) и условия его владения и (или) использования физическими и негосударственными юридическими лицами [62].

Информационные ресурсы как открытого, так и ограниченного доступа, авторские права, объекты ИК-инфраструктуры, программные продукты и другие нематериальные активы могут принадлежать как государству, так и физическим и юридическим лицам. Законодательство определяет для них спектр прав, обязанностей и мер ответственности, включая требования к безопасному хранению и защите. Государство, действуя через Правительство РК, организует управление госимуществом, разрабатывает и реализует меры по его эффективному использованию и обеспечивает охрану права государственной собственности (п. 9 ст. 9 Конституционного закона «О Правительстве РК»). Эти положения в полной мере распространяются и на объекты информационного права.

6. Предоставление публичных услуг гражданам и организациям.

Среди государственных услуг наибольший спрос имеют те, что предоставляются с использованием ИКТ, чему во многом способствует работа системы электронного правительства Республики Казахстан.

Согласно Закону РК от 15 апреля 2013 г. № 88-V «О государственных услугах», государственные услуги — это форма реализации отдельных (или совокупных) функций государства, оказываемая как по обращению получателя, так и без него, с целью обеспечения его прав, свобод и законных интересов путём предоставления соответствующих материальных или нематериальных благ [63].

7. Международная: разработка и заключение международных и межправительственных договоров, организация их исполнения и контроль за соблюдением принятых обязательств всеми участниками.

Все указанные функции осуществляются в плоскости информационных правоотношений и тем самым напрямую влияют на формирование, обновление и дальнейшее развитие информационного общества в Республике Казахстан.

На наш взгляд, сегодня главные направления деятельности Правительства и подведомственных ему исполнительных органов в построении информационного общества таковы:

1) расширение спектра электронных услуг и дальнейшее развитие системы e-government;

2) формирование и укрепление цифровой экономики РК;

3) выработка и реализация государственной политики в информационной сфере.

Все указанные направления вытекают из национальных интересов, закреплены в государственных программах развития и обладают стратегическим значением.

В этой связи, вопросами информационной политики в настоящее время занимаются 2 государственных органа на уровне центральных исполнительных органа власти:

1. Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан (далее — Министерство) — уполномоченный государственный орган, осуществляющий управление в следующих сферах: аэрокосмическая и электронная промышленность, инновации и научно-техническое развитие, геодезия и картография, обеспечение информационной безопасности в области информатизации, связь и информатизация, функционирование «электронного правительства», а также выработка и реализация государственной политики в сфере оказания государственных услуг [64];

2. Министерство культуры и информации Республики Казахстан — это госорган, отвечающий за сферы информации, взаимодействие государства с институтами гражданского общества, религиозную деятельность, государственную молодежную и семейную политику, программы модернизации общественного сознания, а также за развитие благотворительности, волонтерства и медиации. Помимо этого, оно обеспечивает внутриполитическую стабильность, межконфессиональное и межэтническое согласие и, в установленных законом пределах, осуществляет межотраслевую координацию и государственное регулирование [65].

Участие исполнительных органов в воплощении указанных государственных приоритетов имеет ключевое значение, однако этот процесс сопряжён с рядом сложностей и рисков, включая правовые.

Необходимость информатизационного и цифрового развития, активной цифровизации государственного управления непосредственно связано с потребностью решения важнейших задач государства.

Цифровое (электронное) государство формируется посредством цифровизации в первую очередь деятельности всех ветвей власти (цифровой парламент, цифровое правительство, цифровое правосудие), цифровизации контрольно-надзорных и иных функций, что вызывает необходимость адекватного правового обеспечения и эффективного регулирования.

Анализу нормативно-правового регулирования деятельности исполнительной власти в указанных направлениях будет посвящен второй раздел диссертационного исследования.

2 ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

2.1 Основные направления модернизации деятельности органов исполнительной власти в вопросах цифровой трансформации

В демократических странах народ, являясь источником власти осуществляет ее как напрямую, так и через формируемые им органы.

Закрепив демократическую природу государства, Казахстан на уровне Конституции установил, что единственным носителем власти является народ: он осуществляет её непосредственно — через республиканский референдум и свободные выборы — и опосредованно, делегируя полномочия государственным органам (п. 1–2 ст. 3 Конституции РК).

Цифровая трансформация – это новый этап развития ряда общественных отношений, который объективно назрел и осознан государством, бизнесом и общественностью и заключается в изменениях и преобразовании различных управленческих процессов и культур с использованием современных цифровых технологий.

Трудно спорить с тем, что цифровая трансформация, неразрывно связанная с цифровизацией, уже радикально изменила и продолжает менять работу всех отраслей экономики. Показателем цифрового развития организации и успешности её трансформации выступает уровень цифровой зрелости [66]. Перенося это на сферу госуправления, степень цифровизации служит одним из индикаторов общего уровня развития государства.

Цифровизация сегодня — основной и всеобъемлющий двигатель экономического роста. Поэтому разрыв между государствами, продвинувшимися в цифровом развитии, и теми, где цифровые решения внедрены недостаточно, будет лишь углубляться и может стать непреодолимым. На этом неоднократно акцентировал внимание Глава государства К.К. Токаев, отметив: нам нужна экономика, опирающаяся на знания и инновации; чтобы стать технологически и экономически передовой страной, первостепенно развивать человеческий капитал, цифровые технологии и искусственный интеллект. Без этого современный мир не обходится, а эффективность ИИ, по оценкам экспертов, ежегодно растёт. Отсюда амбициозная цель — превратить Казахстан в крупнейший цифровой хаб Евразии и по-новому осмыслить задачи цифрового развития [67].

В выступлении на расширенном заседании Правительства Президент отметил, что мировые тенденции способны существенно повлиять на экономику страны. Он подчеркнул, что переход к новому технологическому укладу, основанному на повсеместной цифровизации, сформирует принципиально иные условия, к которым нужно заранее готовиться. Эффективная адаптация к этим изменениям станет ключевым фактором конкурентоспособности и устойчивого развития Казахстана [68].

Цифровая трансформация — это глубокие и порой революционные изменения, которые могут пересматривать и даже отрицать прежние траектории развития социально-экономических систем. Она возникает под воздействием совокупности факторов, главным из которых выступает стремительное внедрение достижений научно-технического прогресса [69, с. 304].

По своему содержанию цифровая трансформация включает в себя внедрение новых цифровых инструментов, позволяющую оптимизировать бизнес процессы и процессы управления практически в любых сферах, осуществлять улучшение взаимодействия с клиентами, создать новые цифровые продукты и услуги, например такие как: большие данные и аналитика; облачные вычисления; Интернет вещи (IoT); искусственный интеллект (ИИ); робототехника; автоматизация бизнес-процессов; распределенные реестры (блокчейн); конкретные технологии и пр.

Цифровая трансформация ориентирована на рост эффективности, конкурентоспособности и инновационного потенциала организаций и институтов, а также на формирование более качественного клиентского опыта, отвечающего запросам современного цифрового пользователя. По сути, это базовый механизм, меняющий формы, содержание и структуру преобразуемых объектов. Её цель — вывести социально-экономические системы на принципиально новый уровень, что ведёт к глубокому пересмотру форм, структур и стандартов, появлению новых характеристик. При этом такие преобразования включают как масштабные сдвиги в устройстве систем, так и более тонкие, точечные изменения [70].

Цифровая трансформация в современном мире охватывает различные аспекты как организации, так и государства в целом и включает бизнес-стратегию, операционные процессы, модель взаимодействия с клиентами, организационную культуру и компетенции сотрудников. Она позволяет сократить затраты, улучшить оперативность, создать новые и более эффективные модели управления и бизнеса, а также открыть новые пути роста и инноваций.

Цифровая трансформация — это централизованный, системный комплекс мер на уровне государства, включающий внедрение цифровых технологий, реинжиниринг процессов и использование данных, направленный на достижение следующих целей:

1) формирование цифрового государства путём обновления инфраструктуры и перехода на платформенную модель, основанную на архитектуре электронного правительства (e-gov);

2) облегчение коммуникации граждан с государственными органами за счёт сокращения избыточных процедур;

3) использование алгоритмических инструментов для регулирования и координации деятельности органов государственного управления;

4) становление иной культуры и повышенного качества менеджериальных решений, опирающихся на анализ данных;

5) наиболее полное превращение государственных услуг в проактивный формат предоставления;

6) полная оцифровка архивов и переход на безбумажный документооборот;

7) реализация принципа «не запрашивать у граждан и организаций данные, уже имеющиеся в системах e-gov»;

8) максимально возможный переход госуслуг к композитному формату;

9) обеспечение экстерриториального предоставления большинства госуслуг.

Внедрение процессов цифровой трансформации обусловлено общими интересами всех основных участников информационных правоотношений в сфере государственного управления, а именно: граждан, бизнеса и государства. Это определяет ее цели

Основная задача правового регулирования проводимых мер в вопросах модернизации государственного управления с применением цифровой трансформации является закрепление правового статуса участников – субъектов такого рода информационных правоотношений.

В этой сфере граждане выступают главным потребителем информационных и прочих услуг, которые государство и бизнес предоставляют с использованием цифровых технологий. Одновременно именно гражданин является объектом государственной защиты и заинтересован в расширении ассортимента и повышении качества услуг (как минимум — в сокращении времени взаимодействия с госорганами), в уменьшении их стоимости и общих издержек государственного управления, в снижении субъективного фактора при получении услуг, а также в росте безопасности и устойчивости среды для жизни и ведения бизнеса.

Бизнес также рассматривается в качестве услугополучателя результатов цифровой трансформации и в этой связи на них продолжают распространяться права, зафиксированные Законом РК «О государственных услугах»:

1) получать в доступной форме от услугодателя полную и достоверную информацию о порядке предоставления государственной услуги;

2) получать государственную услугу в соответствии с подзаконным нормативным правовым актом, определяющим порядок оказания государственной услуги;

3) обжаловать решения и действия (или бездействие) центральных госорганов, местных исполнительных органов области, города республ. значения, столицы, района, города обл. значения, акима района в городе, города районного значения, посёлка, села, сельского округа, а также поставщика госуслуг и (или) их должностных лиц, Государственной корпорации и (или) её работников по вопросам предоставления госуслуг — в порядке, установленном законами Республики Казахстан;

4) получать госуслугу как на бумажном носителе, так и в электронном формате в соответствии с законодательством Республики Казахстан;

5) получать госуслуги по принципу «единого обращения» (модели «одного заявления»);

6) участвовать в открытых обсуждениях проектов подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих правила предоставления государственных услуг;

7) обращаться в суд с исковым заявлением для защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов в сфере предоставления государственных услуг;

8) использовать электронные документы, размещённые в сервисе цифровых документов, в отношении себя и несовершеннолетних членов семьи — в порядке, установленном подзаконным нормативным правовым актом, регулирующим предоставление соответствующей госуслуги [63].

Бизнес в этой системе играет двойную роль. С одной стороны, он — заинтересованный пользователь услуг и решений, в том числе созданных государством: технологических платформ, инфраструктуры, результатов исследований и разработок, опережающих быстро меняющиеся запросы клиентов и пригодных для коммерческого применения. С другой — поставщик таких решений и партнёр государства в формате ГЧП. Компании могут одновременно выступать потребителями и производителями сервисов платформы, а также их провайдерами.

Именно частный сектор двигает развитие ИТ-продуктов: экспорт уже достиг плановых показателей — $546,7 млн. Поставки шли в 86 государств, в том числе в США — на $118,7 млн, в Россию — на $34,5 млн, в Ирландию — на $30,3 млн и др., что укрепляет глобальный потенциал страны. Одновременно перед Казахстаном встают новые вызовы: необходимость соответствовать и конкурировать в условиях цифровой экономики, обеспечивать население цифровыми сервисами и продуктами, а также защищать национальные интересы во всех измерениях безопасности, включая военно-политическое.

Бизнесу цифровая трансформация нужна прежде всего для повышения устойчивости, конкурентоспособности и адаптивности. Компаниям важно обновлять и перестраивать свой цифровой контур — от закупки сырья и ранних звеньев цепочки поставок — чтобы оперативно отвечать на быстро меняющиеся запросы клиентов на персонализированный сервис и исполнение заказов, а также модернизировать и внедрять инновационные форматы традиционных бизнес-моделей.

Цифровизация создала новую деловую среду в цифровом формате, так сформирована новая организационная структура бизнеса – система цепочки блоков (блокчейн). Это децентрализованная структура, которая может действовать в глобальном пространстве без потребности в создании юридических лиц со всеми присущими им административными издержками. Принцип глобальной децентрализации ускоряет стирание границ между странами, и с распространением блокчейна прогнозируется появление большого количества мультинациональных компаний.

Блокчейн — это дешевая бизнес-структура с небольшим количеством внутренних специалистов. Помимо подмены функции банков и традиционных

финансовых организаций, освобождая проекты от привязки к ставке рефинансирования, блокчейн в будущем сможет заменить суды, юристов, вместо договоров реализуя трудовое право. Для бизнеса это большая экономия на внутрифирменных трансакциях, зато для государства – проблема с налогообложением и регулированием.

Бизнес фактически является основным стейкхолдером инновационных решений. Именно бизнес разрабатывает и предлагает новые разработки и бизнес модели, которые приводят к экономическому росту и улучшению качества жизни людей, улучшает эффективность производства и предоставления услуг, стимулирует инновационное развитие, увеличивает конкурентоспособность компаний, что приводит к появлению новых отраслей и направлений развития.

При это государству необходимо лишь создать свободную конкурентную среду.

Активная цифровизация требует выстроить такую систему стимулов, которая побуждала бы частный сектор работать в сложной, но предсказуемой среде и ориентироваться на долговременный экономический рост.

Действующий Налоговый кодекс предусматривает полное, 100-процентное освобождение от корпоративного подоходного налога (п. 1 ст. 293). Дополнительно на территории СЭЗ (либо её отдельных участков) применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны, установленная ст. 201 Кодекса РК от 26 декабря 2017 года № 123-VI «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» [71].

Особого упора требует курс Правительства на бюджетное финансирование информатизации, цифровой трансформации и — на новом этапе — развития технологий ИИ. Концепция развития высшего образования и науки предусматривает сближение науки, промышленности и бизнеса: грантовую поддержку коммерциализации результатов исследований и программы переподготовки специалистов в этой сфере. С 2023 года исследования по искусственному интеллекту отнесены к приоритетным научным направлениям.

Государственная политика, направленная на формирование благоприятных условий для внедрения и использования новых либо существенно улучшенных продуктов (товаров, работ, услуг), технологий и процессов, а также новых методов маркетинга и организационных подходов в деловой практике, управлении рабочими местами и внешних коммуникациях с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики, регулируется Предпринимательским кодексом от 29 октября 2015 года № 375-V [61].

Бизнес-среда стала ключевым драйвером разработки и широкого внедрения инструментов цифровой трансформации, включая искусственный интеллект (AI/ИИ), машинное обучение (ML), анализ больших данных (Big Data), роботизацию бизнес-процессов (RPA), облачные вычисления (Cloud Computing), блокчейн, технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), интернет вещей и промышленный IoT (IIoT), граничные вычисления (Edge

Computing), цифровых двойников (Digital Twin) и процессную аналитику (Process Mining).

Встраивание этих решений в систему госуправления имеет ключевое значение, поэтому в законах закреплены основные задачи в сфере информатизации:

1. формирование и поступательное развитие информационного общества;
2. обеспечение реализации и сопровождения административной реформы госорганов;
3. расширение и совершенствование систем «электронного правительства» и «электронного акимата»;
4. повышение цифровой грамотности населения;
5. создание условий для доступа участников образования к электронным ресурсам e-learning;
6. внедрение и развитие современных ИКТ в производственные процессы;
7. создание предпосылок для широкого применения передовых ИКТ на производстве;
8. выработка и реализация единой научно-технической, технологической и промышленной политики в области информатизации;
9. создание, развитие и защита государственных электронных информационных ресурсов, информационных систем и телекоммуникационных сетей, а также обеспечение их совместимости в едином инфопространстве;
10. переход к сервисно-ориентированной модели информатизации;
11. регулярный мониторинг уровня информационной безопасности госорганов, граждан и организаций;
12. профилактика и оперативное реагирование на инциденты кибербезопасности, включая ситуации социального, природного и техногенного характера, а также при ЧП и военном положении;
13. формирование стабильных условий для привлечения инвестиций в сектор ИКТ;
14. постоянное обновление и развитие нормативно-правовой базы Республики Казахстан в области информатизации;
15. участие в международных инициативах и партнёрствах по вопросам информатизации;
16. обеспечение предпосылок для трансграничного информационного обмена и доступа к информации (ст. 5 Закона об информатизации).

В соответствии с Законом «О цифровизации» в сфере информатизации Правительство РК вправе:

1) определять основные направления госполитики и обеспечивать их исполнение;

2) учреждать национальный институт развития ИКТ, а также назначать сервисного интегратора и оператора «электронного правительства»;

3) устанавливать единые стандарты по ИКТ и требованиям информационной безопасности;

4) утверждать Национальный план антикризисного реагирования на инциденты кибербезопасности;

5) задавать приоритеты в использовании облачных вычислений (ст. 6 Закона об информатизации) [48].

В современной цифровой среде государствам приходится одновременно контролировать деятельность крупных онлайн-платформ и поощрять инновации, создавая для них устойчивые институциональные и правовые условия. При этом верно отмечается, что усилий одного лидера недостаточно: эффективно отвечать на вызовы цифровой эпохи возможно лишь через скоординированные совместные действия правительств [72].

Определение и проведение государственной политики в сфере информатизации поручены уполномоченному ведомству — Министерству культуры и информации РК, в чьи ключевые полномочия по информатизации и цифровизации входит реализация цифровой трансформации [65].

Основными задачами государственного регулирования в цифровом пространстве являются:

1) создание благоприятной и безопасной цифровой среды для взаимодействия граждан, общества и государства;

2) защита прав и свобод человека и гражданина, интересов общества, бизнеса и государства от угроз, связанных с противоправным применением цифровых технологий;

3) переход на платформенную модель цифровизации, а также формирование единой архитектуры «цифрового правительства;

4) формирование у граждан компетенций безопасного и эффективного применения цифровых сервисов и технологий, обеспечение информированности о средствах защиты от существующих или потенциальных угроз их правам, свободам и законным интересам при использовании цифровых технологий;

5) создание многоуровневой национальной системы подготовки квалифицированных специалистов в сфере информационно-коммуникационных технологий;

6) обеспечение качества и доступности государственных цифровых услуг и сервисов на основе внедрения персонифицированных, человекоцентричных и проактивных подходов;

7) создание правовых и институциональных условий для безопасного и свободного обмена данными для развития конкурентоспособной национальной цифровой экономики, снижению необоснованных издержек для бизнеса, повышению конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг;

8) обеспечение сбалансированного технологического и инновационного развития, исключающего риски для прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства;

9) совершенствование государственного управления на основе внедрения технологий управления данными и аналитики данных;

10) обеспечение открытости и объяснимости алгоритмов ИИ, чтобы предотвратить любые формы дискриминации граждан по социальному, национальному, расовому, гендерному и другим признакам;

11) сохранение первенства человеческого решения при использовании цифровых технологий, включая ИИ, в ситуациях, когда принимаемые решения порождают, изменяют либо прекращают субъективные права;

12) создание надежной и конкурентоспособной национальной технологической инфраструктуры обработки и хранения данных;

13) обеспечение технологического суверенитета Республики Казахстан посредством развития конкурентоспособных отечественных разработок цифровых технологий и решений;

14) создание эффективной национальной системы противодействия угрозам и инцидентам, связанными с нарушением кибербезопасности [73].

В контексте целей и задач развития государственного управления в Республике Казахстан цифровой трансформации должны быть решены следующие задачи:

1) Внедрение платформ - экосистема для решения интересов государства, гражданина и бизнеса, которые могут быть удовлетворены при цифровой трансформации;

2) Развитие цифровой экономики;

3) Интегрированный подход к эффективности государственного управления;

4) Формирование сервисной и "человекоцентричной" модели государственного управления;

5) Открытое правительство;

6) Реализация концепции "Smart City" ("Умный город")

В этой связи в структуре органов государственного управления выделяются специальные государственные органы:

- уполномоченный орган в сфере цифрового развития;
- уполномоченный орган в сфере развития технологической инфраструктуры;
- уполномоченный орган в сфере обеспечения кибербезопасности;
- уполномоченный орган в сфере защиты персональных данных
- государственные органы в сфере цифрового развития;
- Центр цифрового правительства

Содействие созданию и внедрению технологических платформ — одна из ключевых функций государства, ориентированного на массовую цифровизацию повседневной жизни граждан и общества в целом. Роль государства здесь исключительна, поскольку цифровая платформа представляет собой автоматизированную информационную систему особого типа, позволяющую неограниченному (или практически неограниченному) числу пользователей через интернет пользоваться её сервисами и решать технологические либо прикладные задачи в автоматическом режиме.

В расширительном смысле цифровая платформа — это среда, на базе которой работает экосистема одного или сразу нескольких отраслей экономики.

Государство создает цифровые платформы, чтобы граждане, соблюдая установленные правила, права и обязанности, могли решать свои задачи дистанционно при минимальном участии сотрудников госорганов. Иными словами, это информационные системы — объекты информатизации, упрощающие взаимодействия и сделки между разными пользователями, часто обеспечивая обмен товарами, услугами, данными и опытом.

В свою очередь, бизнес развивает цифровые платформы так, чтобы клиент, получив доступ на установленных условиях, мог дистанционно и в автоматизированном режиме удовлетворять свои потребности при минимальном участии сотрудников компании в операционных процессах.

В общем, цифровые платформы используют возможности интернета и информационно-коммуникационных технологий для взаимодействия физических и юридических лиц, предприятий или организаций новыми и инновационными способами.

Исходя из целей и задач, можно выделить следующие, наиболее распространенные виды цифровых платформ:

- платформы электронной коммерции - цифровые платформы, посредством которых физические и юридические лица осуществляют покупку и продажу товаров и услуг онлайн;

- платформы электронной коммерции - виртуальный рынок, где продавцы размещают свои продукты, а покупатели просматривают, сравнивают и совершают покупки;

- платформы электронной коммерции, которые включает такие функции, как безопасная обработка платежей, отслеживание заказов, отзывы клиентов и рекомендации по продуктам;

- образовательные платформы - цифровые платформы, посредством которых предоставляются образовательные услуги и материалы в электронном виде;

- платформы социальных сетей - цифровые платформы, посредством которых отдельные лица и группа лиц обмениваются контентом и общаются. Пользователи платформы имеют возможность создавать профили, публиковать текст, фотографии, видео и взаимодействовать с другими пользователями;

- платформа совместной экономики — это цифровой сервис, предоставляющий ИТ-решения для работников, занятых по трудовому договору у индивидуальных предпринимателей или юридических лиц, чья деятельность осуществляется с использованием таких платформ и (или) мобильных приложений платформенной занятости;

- развлекательные и информационные платформы — это цифровые сервисы, на которых пользователи размещают и распространяют разнообразный контент: видео, музыку, подкасты, статьи и т.п.;

- финансовые платформы - цифровые платформы, посредством которых осуществляются электронные финансовые транзакции, пользователям

предоставляются инструменты для отправки, получения и управления финансовыми средствами в интернете. Пользователи платформы имеют доступ к привязке своих банковских счетов, кредитных карт или другим способам оплаты, что упрощает перевод средств, оплату товаров и услуг, разделение счетов и многое другое.

Законодательными актами Республики Казахстан могут быть предусмотрены другие виды цифровых платформ, в зависимости от их функциональности и сферы применения.

Кроме того, следует выделять цифровые платформы по форме собственности: государственные и негосударственные.

Ключевой государственной ИКТ-платформой является «электронное правительство» — система, обеспечивающая обмен данными и взаимодействие между ведомствами, а также коммуникацию с гражданами и бизнесом; её основа — автоматизация и рационализация государственных функций и предоставление услуг в онлайн-формате [48]. В развитие этой платформы вовлечены все центральные органы исполнительной власти и другие госорганы, включая структуры, непосредственно подчинённые и подотчётные Президенту Республики Казахстан.

Архитектура электронного правительства усложняется и развивается, при этом её построение ведётся по единым ИКТ-стандартам и требованиям информационной безопасности. В соответствии с Законом РК от 21 мая 2024 года «О внесении изменений и дополнений…» по вопросам связи, цифровизации и улучшения инвестиционного климата, госорганы, государственные юрлица и субъекты квазигоссектора обязаны размещать на архитектурном портале e-gov сведения об объектах информатизации и электронные копии их технической документации в порядке, установленном правилами формирования и мониторинга архитектуры электронного правительства [74].

Вместе с тем, обеспечение работы госорганов и национальных компаний должна быть обеспечена все более современными технологиями. В этой связи, К.К. Токаев дал целый ряд поручений Правительству РК по вопросам внедрения искусственного интеллекта:

1. До конца года его элементы должны быть интегрированы в электронное правительство и проекты Smart City;
2. Особое внимание уделить программе AI-Sana, которая развивает человеческий капитал и превращает вузы в научные центры;
3. Учитывать опыт Китая, где за 6,5 миллиона долларов была создана платформа DeepSeek, обойдя более дорогие аналоги.
4. Внедрять ИИ в госорганы и национальных компании [75].

В качестве примеров следует привести внедрение элементов ИИ в работе Генеральной прокуратуры и МВД при анализе записей видеонаблюден, что позволяет обеспечить общественную безопасность, обнаруживать лиц, находящихся в розыске и пр. А также включение ИИ в систему электронного таможенного сопровождения осуществляемого национальным оператором информационной системы для отслеживания, контроля перемещения

транспортного средства, на котором установлено техническое оборудование системы спутниковой навигации, позволяющее определять местоположение транспортного средства посредством передачи сигнала по каналам связи.

Для ускоренного развития высокопроизводительных и конкурентоспособных отраслей, повышения качества услуг, привлечения инвестиций, внедрения передовых технологий в экономику и регионы, а также для роста занятости в стране создано множество специальных экономических зон. На их территории действует особый правовой режим, регулирующий ведение деятельности в соответствии с Законом «О специальных экономических и индустриальных зонах» от 3 апреля 2019 года № 242 [76].

Отдельного внимания заслуживает Astana Hub — крупнейший в Центральной Азии международный технопарк IT-стартапов. Его правовой статус закреплён в действующем праве, прежде всего в Законе РК «Об информатизации», а также в Правилах деятельности международного технологического парка «Астана Хаб», утверждённых приказом Министра информации и коммуникаций РК от 26 сентября 2018 года № 415.

Астана – Хаб призван создавать условия для свободного развития казахстанских и зарубежных технологических компаний. Его миссией является стать центром развития инновационных проектов, выпускать прорывные IT-компании, а также стать очагом для притяжения молодых и талантливых IT-специалистов со всего мира.

К основным функциям международного технологического парка «Астана Хаб» относятся:

1) предоставление резидентам услуг акселерации и технологического бизнес-инкубирования;

2) организация для участников маркетинговых и других промо-мероприятий;

3) проведение консультационных, информационных, аналитических и образовательных программ для ускорения развития резидентов;

4) сотрудничество с международными организациями и зарубежными партнёрами для привлечения знаний, образовательных и финансовых ресурсов, а также обмена опытом;

5) поиск и привлечение инвесторов для ИКТ-проектов резидентов;

6) подготовка и переквалификация кадров в области ИКТ в соответствии с законодательством Республики Казахстан [48].

На ежегодном Международном технологическом форуме «Digital Bridge 2025» отметили, что в экосистеме Астана Хаб зарегистрировано 1600 ИТ-компаний, из которых 150 специализируются на решениях в области ИИ. Государственные органы активно применяют их разработки: так, система Alaqan, распознающая пользователей по рисунку ладони, внедрена уже в 300 школах и установлена в здании Правительства; в первом полугодии планируется экспорт технологии в шесть стран, включая Саудовскую Аравию, Сингапур и Кувейт. К числу успешных казахстанских продуктов также относят Grand Mobile, CITIX, CEREBRA, OGames, Parqour и ApartX [77].

Отдельного внимания заслуживает Акционерное общество «Национальные информационные технологии», учреждённое постановлением Правительства Республики Казахстан от 4 апреля 2000 года № 492 «О развитии единого информационного пространства в Республике Казахстан». Согласно Государственному реестру субъектов специального права, на компанию возложены соответствующие операторские функции:

1) оператор ИКТ-инфраструктуры e-gov, обеспечивающий безотказное функционирование и техническое сопровождение закреплённой за ним информационно-коммуникационной системы «электронного правительства»;

2) национальный оператор (администратор) системы электронных ПТС (включая паспорта шасси) и электронных паспортов самоходной техники, который организует работу с администратором этих систем, обеспечивает их безопасность и координирует взаимодействие всех участников и государственных органов;

3) оператор национальной платформы искусственного интеллекта.

Значимым инструментом господственной поддержки цифровой трансформации экономики и промышленности выступает специальная экономическая зона «Парк инновационных технологий», задачей которой является формирование условий для ускоренного внедрения и развития передовых технологий в промышленном секторе Казахстана.

В соответствии с Законом РК от 10 июня 2014 года № 207-V «Об инновационном кластере „Парк инновационных технологий“» кластер создаётся и функционирует для ускоренного внедрения передовых технологий, улучшения организационных, экономических и социальных условий для НИОКР, а также для поддержки их последующей коммерциализации [78].

Финансирование деятельности кластера осуществляется через автономный кластерный фонд, то есть – некоммерческую организацию, созданную Правительством Республики Казахстан и выполняющую функции, предусмотренные законодательством Республики Казахстан, а именно:

1) выделение средств на проекты резидентов инновационного кластера;

2) подготовка инициатив по расширению взаимодействия резидентов кластера с иностранными партнёрами;

3) привлечение возможных инвесторов для реализации проектов резидентов кластера;

4) участие в формировании, управлении и координации совместных предприятий — центров технологического развития — совместно с транснациональными корпорациями;

5) вхождение в состав иностранных инвестиционных фондов;

6) другие полномочия, установленные законами Республики Казахстан.

В стране сформирована широкая сеть из 14 региональных IT-хабов под управлением Астана Хаб. Такие центры уже работают в Кызылорде, Актобе, Семее, Талдыкоргане, Усть-Каменогорске, Актау, Туркестане, Таразе, Уральске, Кокшетау, Костанае, Караганде, Қонаеве и Павлодаре. В течение 2024 года

планируется открыть ещё пять площадок — в Атырау, Шымкенте, Жезказгане, Петропавловске и Жанаозене.

В пределах СЭЗ установлен особый правовой режим — совокупность условий её функционирования для участников, закреплённых нормами налогового, таможенного и земельного законодательства.

Резиденты СЭЗ и их управляющие компании, а также управляющие организации индустриальных зон могут пользоваться налоговыми преференциями, установленными Кодексом РК «О налогах и других обязательных платежах в бюджет». Налоговые послабления распространяются на резидентов, занятых приоритетными направлениями в ИКТ. Перечень таких видов деятельности закреплён приказом Министра цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности РК от 11 апреля 2019 года [79].

Одним из ключевых проектов Астана-Хаб стало «Единое окно» национальной инновационной системы — информационная платформа, которая через единый портал обеспечивает доступ к мерам поддержки инновационной деятельности и инноваций.

Постановлением Правительства РК от 8 ноября 2024 года утверждены Правила инициирования экспериментальных режимов для апробирования инновационных проектов, которые могут инициировать представители инновационной системы, бизнеса, научной или научно-технической деятельности и другие физические и юридические лица (инициатор).

Устанавливается порядок запуска пилотных режимов для тестирования инновационных проектов, за исключением кейсов в финансовой сфере, связанных с аккумулированием денежных средств и/или платёжными услугами. Для таких финансовых пилотов применяется отдельный регуляторный режим в соответствии с законами «О Национальном Банке Республики Казахстан» и «О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций».

Такой режим позволяет иметь единую витрину инновационных проектов и тем самым вовлекать инвесторов и реализовывать важные инновационные программы.

На наш взгляд, ключевым драйвером цифровой трансформации госуправления выступают сами государственные органы. Именно они отвечают за разработку и реализацию карт цифровой трансформации. Под такой картой закон понимает документ, который определяет приоритетные направления цифровых изменений в конкретной отрасли (сфере) и соответствующие целевые показатели результативности и эффективности госуправления, которых орган планирует достичь в установленный период за счёт цифровизации [80].

Закон закрепляет, что госорганы должны: из числа замов руководителя, курирующих цифровизацию, назначать ответственных за подготовку и исполнение карт цифровой трансформации; распоряжением первого руководителя создавать при ведомстве офис цифровой трансформации с утверждёнными составом и положением; разрабатывать, согласовывать, утверждать и реализовывать карты по установленным Правилам и направлять их

проекты на согласование в уполномоченный орган; распределением обязанностей возлагать на заместителей функции главного офицера по данным (CDataO) для управления отраслевыми данными и определения стратегии и политики data-менеджмента; осуществлять реинжиниринг процессов; формировать и вести электронный реестр бизнес-процессов; а также обеспечивать выполнение организационных, технических и правовых требований в сфере ИКТ, информационной безопасности, управления данными и развития архитектуры e-gov при создании, развитии, эксплуатации и закупке объектов информатизации и ИК-услуг.

Каждый государственный орган, исходя из своих задач и функции, общей государственной политики, политики государства в данной сфере регулирования, возможностей и специфики региона обязан определить приоритетные направления цифровой трансформации и их целевые индикатор. Они должны быть сформированы с учетом их целесообразности, обоснованности, социального влияния и/или вклада в экономику.

Именно экономическая целесообразность становится определяющим фактором современного государственного управления, что продиктовано реалиями. Трудно спорить с экономистами, которые отмечают: цифровая трансформация приносит результаты за счёт способности, будучи встроенной в работу социально-экономических систем, создавать дополнительный экономический эффект [81].

Цифровая трансформация в социально-экономических системах — это средне- и долгосрочные сдвиги в ключевых направлениях, способах работы, формах и организационных структурах. Все преобразования должны быть однозначно отражены в картах каждого уровня и подкреплены конкретными, сроковыми, измеримыми и достижимыми целевыми индикаторами.

Эффективность цифровой трансформации в каждом государственном органе оценивается по таким показателям:

1) повышение удовлетворённости населения качеством предоставляемых (включая онлайн) госуслуг и уменьшение затрат бизнеса при взаимодействии с государственными органами;

2) уменьшение затрат на управление в государственном секторе, базовых отраслях и социальной сфере;

3) увеличение открытости и прозрачности государственного управления;

4) уменьшение коррупционных рисков благодаря цифровым инструментам;

5) повышение устойчивости и безопасности ИТ-систем и обеспечение цифрового суверенитета.

Подобные критерии сегодня необходимы: они выступают принципами, на которых должна строиться оценка, сопоставление и классификация процессов цифровой трансформации. Благодаря им можно измерять количественные и качественные сдвиги, фиксировать результативность цифровых изменений и

отражать их социально-экономическое содержание в неизбежно цифровом формате.

Критерий эффективности цифровой трансформации понимается как максимально возможное достижение целей цифровизации — повышения общественной производительности труда и качества общественного производства — при оптимальных совокупных общественных затратах и сведении отрицательных эффектов к минимуму. Такой интегральный показатель дает обобщённую оценку её итогов и должен быть единым для всех уровней социально-экономической иерархии.

При этом карта цифровой трансформации каждого государственного органа должна содержать указания на возможные риски и указания на мероприятия их преодоления (система управления рисками).

Для страны сегодня первостепенно важна результативность цифровизации, поскольку она требует не только крупных финансовых вложений, но и поиска и внедрения оптимальных моделей, решений и подходов, развивающих цифровую инфраструктуру и обеспечивающих конкурентоспособность на глобальном уровне [82].

Вместе с тем, с огромным сожалением приходится констатировать наличие коррупционных схем или неэффективного расходования бюджетных средств. Так, в результате аудита проведенной Высшей аудиторской палатой РК в отношении Парка инновационных технологий в 2016-2017 годах из бюджета было выделено 4,9 миллиарда тенге. Деятельность трех центров в итоге оказалась нецелесообразной и безрезультативной, две компании функционируют без перспективных планов развития. Таким образом, 3 миллиарда тенге использованы неэффективно. А результативность и успешность инвестиций в 95 стартапов, профинансированных за счет бюджета через все тот же "ПИТ" на сумму свыше 987 миллионов тенге, не подтверждается. При этом 32 организации, получившие финансирование в 2018-2020 годах, ликвидированы, 18 из них – в принудительном порядке. Еще 21 компания представляет нулевые формы налоговой отчетности, что говорит об отсутствии деятельности. В целом по итогам аудита установлены финансовые нарушения на 1,1 миллиарда тенге. Неэффективное планирование бюджетных средств и активов составило 2,2 миллиарда тенге, а их неэффективное использование – 46,5 миллиарда тенге. Также выявлено 45 системных недостатков и 143 процедурных нарушения [83].

Соответственно, внедрение цифровых технологий существенно влияет на исполнение полномочий исполнительной власти: они повышают эффективность контрольно-надзорной работы, расширяют объём, доступность и скорость предоставления госуслуг и напрямую преобразуют механизмы реализации полномочий органов исполнительной власти.

Цифровизация перестраивает устройство и принципы работы исполнительной власти: меняются процедуры осуществления полномочий, формы межведомственного взаимодействия и коммуникации с гражданами и бизнесом, а также обновляются регуляторные подходы к отдельным сферам общественной жизни.

Вместе с тем, это свидетельствует о необходимости более жесткого государственного регулирования в вопросах контроля и юридической ответственности субъектов цифровизации.

Заданная Президентом цель — охватить цифровой трансформацией все сектора экономики — реализуется через внедрение в систему государственного управления разнообразных цифровых решений, которые в совокупности перестраивают подходы, процессы и архитектуру управления.

Автоматизации подлежат не только госуслуги, но и внутренние функции (задачи) самих ведомств; такие требования должны быть зафиксированы в отраслевых концепциях развития, которые готовят соответствующие профильные органы.

По результатам пересмотра и актуализации функций госорганов круг их основных ролей по стимулированию участников отраслей должен включать следующее:

1) перевод контрольных и надзорных полномочий в электронные (онлайн) каналы взаимодействия;

2) формирование комплекса стимулов — финансовых и нефинансовых — для внедрения инноваций и технологий;

3) выработку подходов и инструментов для объективной оценки уровня цифровизации и состояния цифровой экономики, позволяющих измерять объём инвестиций и эффект от внедрённых решений.

В целом следует отметить позитивный эффект для правительства, бизнеса и населения от применения цифровизации.

Информатизация и цифровизация являются новыми стимулами для роста ВВП, формируют позитивный нетто-эффект в плане создания рабочих мест и более эффективного использования существующих ресурсов, обеспечивают рост производительности операций с участием правительства, в т.ч. в сфере сбора налогов и управления данными.

2.2 Правовое регулирования модернизации деятельности органов исполнительной власти в вопросах цифровой трансформации

Эксперты по госуправлению и кадровой политике подчёркивают, что «преобразование системы государственного управления — одна из ключевых задач Казахстана сегодня. Несомненно, именно от качества госуправления и профессионализма его работников зависят экономические реформы, демократизация общества и конкурентные позиции страны на мировом рынке. Казахстан выстраивает новую модель управления, отвечающую общественным запросам и опирающуюся на современные технологии». При этом отмечается прямая взаимосвязь: «стремясь к созданию высокотехнологичного информационного общества и ускорению национального развития, Казахстан повышает эффективность системы государственного управления» [84, с. 828].

Как уже было сказано выше, цифровая трансформация государственного управления была заложена и реализовывалась в рамках целого ряда

государственных программ, основными из которых являлись программы по формированию и развитию "электронного правительства" и "Информационный Казахстан-2020", а также ряда концепции информационной безопасности.

Все эти программы, исходя из уровня ИКТ того времени, определяли векторы, цели и задачи развития государственного управления — от взаимодействия с гражданами и бизнесом до регулирования экономического роста страны и иных сфер.

Любые цели и задачи государственного управления и регулирования обязаны иметь соответствующую правовую базу. За этот период были приняты и успешно применяется целая система нормативных правовых актов, которая на постоянной основе нуждается в совершенствовании, дополнении и развитии. Это во многом определено тем, что информационные правоотношения находятся в постоянном развитии, вызванные постоянным обновлением технологий, систем, расширением сфер их применения.

Массовое внедрение цифровых решений остро потребовало принятия специальных нормативных актов. В апреле 2024 года был опубликован проект Цифрового кодекса РК, подготовка которого связана с отсутствием целостной системы правового регулирования в областях ИКТ, цифровизации, связи, кибербезопасности и управления данными, а также с ростом числа разрозненных НПА по этим темам в разных секторах госуправления, что, по оценке разработчиков, ведёт к размыванию базовых подходов и принципов. Иными словами, действующий Закон РК «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года фокусируется преимущественно на регулировании отношений именно в сфере информатизации. Между тем сегодня Президент поставил задачу принять отдельные акты, устанавливающие правила применения искусственного интеллекта.

И здесь возникает необходимость проследить соотношение понятий этих явлений.

За чуть более 30 лет появления Интернета и его возможностей в систему государственного управления мир прошел несколько этапов: компьютеризацию, автоматизацию, информатизацию, цифровизацию и цифровую трансформацию и теперь применение ИИ.

И каждый этап требовал своего правового регламентирования.

Если в период компьютеризации все только начиналось и первыми вопросами, которые следовало решать это была элементарная компьютерная грамотность и соблюдение правил информационной безопасности, то с повсеместным внедрением компьютерных технологий, все более активной автоматизации информационных процессов и технологий в различных сферах человеческой деятельности, привыканию такого информационного взаимодействия с населением и бизнесом и постоянным ростом потребностей в расширении такого взаимодействия, вызванного удобством. Это привело к применению элементов автоматизации, призванных облегчить взаимодействие с гражданами и улучшению качества предоставляемых услуг, а также автоматизацию бюджетных процессов, регистрацию и обработку документов,

управления ресурсами, мониторинга и анализа данных. Проще говоря, действующий закон «Об информатизации» (24.11.2015) регулирует отношения, возникающие в ходе информатизации. В то же время Президент поставил задачу подготовить отдельные нормативные акты, которые будут определять правила использования искусственного интеллекта.

Цифровизация выступает следующим шагом после информатизации. В отечественных и зарубежных исследованиях её обычно трактуют как применение цифровых технологий и данных для достижения положительных результатов. Она включает не только использование широкого набора уже существующих решений, но и их внедрение в новые сферы. В отличие от компьютеризации, которая связана прежде всего с техническим и программным оснащением, цифровизация — это процесс внедрения и практического использования как имеющихся, так и новых технологий [85].

Цифровая трансформация — это этап комплексного переустройства организаций, отраслей и всего общества, который затрагивает систему управления и форматы взаимодействия, направлен на адаптацию к меняющейся среде и опирается на использование существующих и внедрение новых цифровых технологий.

Цифровая трансформация госуправления охватывает внедрение и эксплуатацию множества решений: «электронное правительство», системы электронного документооборота и госуслуг, отраслевые ИС и базы данных, анализ данных, а также новые способы управления и взаимодействия на базе цифровых инструментов и платформ. Она включает модернизацию инфраструктуры, подготовку кадров, формирование стратегии и нормативной политики в сфере цифрового развития.

Итак, цифровая трансформация госуправления — это всестороннее обновление работы органов власти на всех уровнях через внедрение цифровых технологий и инноваций. Её цель — повысить эффективность, качество и доступность государственных услуг, упростить взаимодействие с гражданами и бизнесом, улучшить процессы выработки решений и обеспечить большую прозрачность деятельности государственных органов.

Внедрение ИИ — следующий, более продвинутый этап: использование таких технологий повышает прозрачность и подотчётность госорганов, позволяет точнее отслеживать исполнение задач, своевременно выявлять проблемы и оперативно их решать.

При этом важно подчеркнуть: речь идёт не о последовательной смене стадий, а о разных гранях единого процесса внедрения, распространения и использования ИКТ. Каждое из понятий фиксирует собственный аспект изменений. Лишь их одновременная и полноценная реализация формирует целостную систему, способную системно адаптировать госорганы к происходящим преобразованиям.

На настоящее время действующим актом в сфере информатизации, цифровизации и применения ИИ все еще остается Закон РК «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года.

Проект Цифрового кодекса РК предназначен для регулирования отношений в цифровой среде — тех, что возникают при применении ИКТ, включая сбор, обработку и передачу цифровых данных.

Разработчики проекта Цифрового кодекса объясняют его принятие наличием громоздкого, противоречивого и нестабильного законодательства, что усложняет комплексное государственное регулирование, служит препятствием для получения гражданами качественных услуг и сервисов, становится барьером на пути развития бизнеса и реализации реформ [73]

Несмотря на жёсткую критику и отрицательные оценки необходимости принятия Цифрового кодекса, С.К. Ыдырышев в статье «О Цифровом кодексе Казахстана» подчёркивает: при наличии значительного массива актов в сфере ИКТ и цифровизации ключевая проблема — отсутствие норм, регулирующих относительно новые и тем более новейшие объекты цифровой среды, а также их практическую апробацию; кроме того, вопросы вызывает качество действующих норм с точки зрения теории права, законодательной техники, логики, семантики и др. [86].

На наш взгляд, этот процесс бесконечен. Право всегда отставало и будет отставать в попытках предугадать и регламентировать будущие технологии. Право действует постфактум и в некоторых случаях специального регулирования каждая технология и не требует.

Исследуя текущие тренды и горизонты эволюции права в эпоху технологического рывка, учёные подчёркивают: масштаб влияния новых технологий на социальные связи столь велик, что он переработал правовую систему и законодательство, затронув и форму, и содержание правовых норм и актов [87]. По оценке В. Блажева, это воздействие распространяется и на фундаментальную юриспруденцию, поскольку современные технологии формируют для правовой науки принципиально новые вызовы [88].

С большим сожалением приходится констатировать, что трансформация права и законодательства практически всех государств не соответствует скорости происходящих в мире изменений.

Так, например, согласно прогнозам аналитиков применение роботов становится обыденной реальностью, необратимым процессом, который ведет к упрощению отдельных областей жизнедеятельности. Это ведет к росту безработицы, зависимости от четкой компьютерной системы, сложному управлению в экстремальных ситуациях, сложности при диверсификации и пр.

Помимо этого, ряд ученых выделяют еще и такие этические проблемы как: повышенное доверие к роботам; несоблюдение этики; манипуляции и эмоциональная связь; убийства и вопросы военного применения; ответственность.

Решение всех этих проблем не нашло отражение в праве ни одной страны.

Или, например, внедрение цифровизации повлекло за собой слом старых принципов охраны интеллектуальной собственности и потребовало разработки и внедрения новых концептуальных механизмов международного регулирования творческой деятельности в сети Интернет. Не смотря на

применяемые каждой страной или союзами стран подходы к определению правового статуса и способов контроля за интернет-сайтами и другими сложными информационными ресурсами, такими как веб-серверы, веб-страницы, электронная почта, веб-чаты, социальные сети и поисковые системы эффективного механизма так и не найдено. Зачастую они все контролируются в ручном режиме или с применением примитивных робот-систем. Эксперты отмечают, что Интернет стер границы для распространения произведений: после оцифровки они оказались в «зазеркалье» с иными приоритетами и условиями использования. При этом авторское право не различает цифровое и материальное использование. В итоге оно столь сильно отстаёт от технологий, что нередко воспринимается как анахронизм и даже барьер для свободы творчества и работы СМИ [89].

Очень важным, на наш взгляд, является правовое регулирование не только свободного некоммерческого обмена информацией, но и неприкосновенность частной жизни, которая усугубляется в условиях либерализации правового режима Интернет, прозрачности государственного управление, практически безграничного доступа государства к информации о своих гражданах, внедрению цифровизации и ИИ в систему правосудия и пр.

С каждым днем все более актуализируется вопрос заключения и исполнения договоров в системе блокчейн, о правовом режиме электронных денег и криптовалют, электронных финансовых инструментах и пр.

По сути сложилась ситуация, когда «цифровой императив» как основа преобразований означает не только технологические прорывы и инновации, со временем ведущие к формированию цифровой экономики (перестраивающей цепочки добавленной стоимости) и к цифровой адаптации социальных процессов (включая выработку механизмов цифровизации права как социального института), но и появление новых общественных связей и цифрово ориентированной архитектуры государственного управления [90].

Особо важно акцентировать внимание на цифровых правах человека, которые возникают в процессе цифровизации и представляю собой огромный пласт проблем.

Цифровой след, который оставляет за собой обыденная жизнедеятельность личности при использовании любых возможностей государственных и коммерческих услуг влечет его собой и создает безграничные возможности контроля и манипуляций.

И это только часть тех моментов, которые фактически оголяются в связи с применением новых технологий, цифровизации, роботизации и пр. То есть, предвидится определенный слом привычной модели правового регулирования. Это в определенной части подчеркивается и разработчиками проекта Цифрового Кодекса, которые отмечают, что усугубляется проблема нестабильности законодательства, которое связано с комплексом объективных и субъективных причин: недостаточное прогнозно-аналитическое обеспечение на средне и долгосрочную перспективу наряду со стремительным развитием цифровых

технологий и решений, к которым уполномоченные органы не успевают адаптировать существующую регуляторную политику [73].

Следовательно, ключевая задача законодателя — выстроить действенные правовые инструменты для внедрения новейших ИТ-технологий с учётом их многообразия и проникновения во все сферы жизни государства и общества. Простое наблюдение за изменениями чревато необратимыми последствиями и дестабилизацией целых отраслей, а правовой вакуум способен замедлить их практическое внедрение.

Особого внимания требует применение этих технологий в сфере государственного управления, так как это затрагивает интересы и государства, и общества, и отдельно взятой личности. Были мнения, что достаточно только лишь концептуального закрепления направлений развития цифровой трансформации и более глубокого правового регулирования добиться невозможно. Иными словами, встаёт проблема глубины и пределов правового регулирования применения новейших технологий вообще и ИТ в частности. Отмечается, что этой сфере присущи особые рамки: закон может определить виды и области использования программно-аппаратных комплексов, придать юридический статус получаемой информации и установить форматы информационного обмена, тогда как алгоритмы анализа и обработки данных подлежат регламентации на уровне требований к технологическим процессам, поскольку их разработка и эксплуатация опираются на специальные, внеюридические знания [87, с. 20-21].

Очевидно, что ИТ-решения, применяемые при цифровизации, роботизации, обработке больших данных и использовании ИИ, нуждаются в специальном техническом регулировании. Объём таких регламентов и правил заметно растёт, и некоторые исследователи полагают, что они «становятся ключевым фактором общественного развития» [91, с. 49].

Вместе с тем, данная точка зрения, на наш взгляд, ошибочна.

Считаем, что эффективное правовое сопровождение подобных технологий возможно лишь при системном регулировании как собственно соответствующих отношений, так и сопряжённых сфер. В этом контексте Концепция цифровой трансформации, развития ИКТ и кибербезопасности на 2023–2029 годы, утверждённая постановлением Правительства РК от 28 марта 2023 г. № 269, имеет рамочный характер и не закрепляет за участниками конкретных прав и обязанностей. Это стратегический документ, фиксирующий меры по комплексному наращиванию инновационного потенциала, укреплению национальной инновационной системы и её переходу на новый этап, чтобы за счёт цифровизации заметно повысить конкурентоспособность экономики Казахстана на глобальном уровне. Опираясь на анализ достигнутых в РК результатов, лучшие международные практики и ключевые тренды отечественной и мировой науки, Концепция обозначает приоритетные направления цифровой трансформации, развития сферы информационно-коммуникационных технологий и обеспечения кибербезопасности.

Тогда как законодательство призвано как можно более детально регулировать возникающие общественные отношения, так как право само по себе есть ни что иное как основной регулятор общественных отношений. Это особо актуально в свете того, что информационные и иные правоотношения, возникающие в результате

В соответствии с теорией права функции права делятся на общесоциальные и специально-юридические.

Общесоциальные функции, такие как политическая, культурная, воспитательная, экономическая, коммуникативная, информативная, также как и специально-юридические (регулятивные, охранные, оценочные и воспитательные) реализуются всей системой информационного законодательства и законодательства о государственном управлении, в том числе и применительно к нормам, регламентирующим применение цифровых технологий в государственном управлении.

При этом считаем, что специфика управленческих отношений, а особенно государственного управления требует актуализации таких функции как функция социального контроля и оценочная функция.

Функция социального контроля состоит в том, чтобы воздействовать на поведение участников: с одной стороны — мотивировать и поощрять, с другой — ограничивать нежелательные действия. Важно отметить, что здесь речь идёт об общесоциальном механизме действия права, когда ещё не задействованы специальные юридические инструменты и рычаги контроля за поведением управленцев, результативностью их работы или целесообразностью и эффективностью отдельных программ, актов и действий государственного аппарата.

Не менее значима и оценочная функция. Благодаря ей право служит мерилом правомерности или неправомерности решений и действий. Если лицо действует в рамках закона, ни государство, ни общество не вправе предъявлять претензии: такое поведение признаётся ответственным, а позитивная ответственность исключает негативную юридическую. Иначе говоря, право обеспечивает свободу действий обладателю прав и, будучи юридическим основанием решений, защищает его от неблагоприятных социальных последствий.

Ключевую роль в реализации оценочной функции играют охранительные и поощрительные нормы: они в общем виде закрепляют негативную либо позитивную оценку возможных действий. При практическом применении такая оценка уточняется — определяется конкретная мера юридической ответственности или поощрения (скажем, назначение наказания приговором суда либо награждение орденом на основании указа Президента) [92].

Возможности цифровизации уже активно используются для оценки, в частности, эффективности работы госслужащих. Так, Законом РК от 10 января 2025 года «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты по вопросам государственной службы» введён цифровой рейтинг (показатель конкурентоспособности) для государственной и

правоохранительной службы, включая кандидатов на такие должности. Такая оценка осуществляется при помощи информационной системы Eqyzmet, которое действует и как мобильное приложение, интегрированное с различными системами и сервисами по получению информации из различных баз. Также планируется создание новой архитектуры Единой кадровой системы, где будут применены цифровые решения государственной платформы QazTech с дальнейшим ее объединением с системой eQyzmet и использованием микросервисной архитектуры [93].

Государственная платформа e-Government используется и для реализации регуляторной политики Казахстана, которая включает: анализ и общественное обсуждение проблем государственного регулирования; выработку согласованных решений с учётом результатов обсуждений и замечаний заинтересованных ведомств и организаций; при необходимости — введение регулирования через принятие НПА; предоставление регулируемым субъектам необходимого времени для подготовки к новым требованиям с учётом их нагрузки; оценку эффективности принятых нормативных актов [59].

В русле Концепции цифровой трансформации НАО «ГК «Правительство для граждан» готовит к утверждению новую модель — «Центр комфортного обслуживания граждан» (СуперЦОН). Завершение проекта предусмотрено на декабрь 2024 года.

Архитектура «электронного правительства» выстроена с опорой на доменный подход — переход от ведомственного оказания отдельных услуг к организации работы по функциональным областям и отраслям госуправления. В III–IV кварталах 2023 года выполнено формирование карты бизнес-процессов по 17 доменам, а соответствующие модели размещены на архитектурном портале.

Для укрепления экспортного потенциала Казахстана и стабильного роста вывоза ИТ-услуг и продуктов реализуется ряд постоянных инициатив. В их числе — акселерационные образовательные программы, такие как Scalerator (Корпоративный фонд «Международный технопарк IT-стартапов «Астана Хаб» и Global Outsourcer (программа Астана Хаб). Целевой показатель — объём экспорта ИТ-продуктов и услуг: 2023 — 84 млрд тг (выполнено); 2024 — 147 млрд тг; 2025 — 210 млрд тг; 2026 — 250 млрд тг; 2027 — 300 млрд тг; 2028 — 500 млрд тг; 2029 — 700 млрд тг.

Для запуска «IT-песочницы», где цифровые решения можно тестировать в контролируемых условиях, предпринимаются шаги по введению и правовому закреплению экспериментального режима на уровне законодательства. Целевой ориентир — улучшение позиции в Global Innovation Index к 2029 году: 2023 — 77 (не выполнено, фактически 81-е место), 2024 — 71, 2025 — 65, 2026 — 59, 2027 — 53, 2028 — 47, 2029 — 41 [94].

Это лишь малая часть применения технологии и программ информатизации, цифровизации и в дальнейшем ИИ в процессе государственного управления.

Основными мотивами для внедрения цифровой трансформации в государственном управлении, на наш взгляд, являются:

1. Увеличение эффективности, а именно снижение временных и материальных затрат;

2. Повышение прозрачности как условие высокого уровеня доверия к власти.

3. Улучшение качества обслуживания;

4. Инновации и адаптация к требованиям времени. Интеграция новых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и блокчейн, помогает находить эффективные решения для сложных задач, с которыми сталкивается государство.

Естественно, что все это требует соответствующего правового регламентирования, так как затрагивает права и законные интересы неограниченного круга лиц и направлено на перспективу.

Как отмечалось, Концепция правовой политики до 2030 года в части нормативного обеспечения цифровизации и применения ИИ в государственном управлении сформулировала такие задачи:

1. Прежде всего требуется урегулировать применение ИИ и робототехники: определить ответственность за вред, причинённый их действиями; решить вопрос о праве интеллектуальной собственности на результаты, созданные при участии ИИ; проработать возможность предоставления роботам правового статуса и, как следствие, допустимость привлечения ИИ к юридической ответственности.

2. Пересмотр положений законодательства о персональных данных и их защите в целях приведения его в соответствие с рядом базовых принципов, лежащих в основе этой отрасли законодательства.

3. Урегулирование вопросов недопустимости дискриминации при использовании технологии больших данных и ограничения для неконтролируемого применения гаджетов с целью отслеживания граждан [95].

В этом контексте Правительство РК разработало проекты Цифрового кодекса (2024 г.) и закона «Об искусственном интеллекте» (2025 г.), а также постановлением от 24 июля 2024 года № 592 утвердило Концепцию развития ИИ на 2024–2029 годы.

Оба документа ориентированы на упорядочение соответствующих правоотношений: закрепляют принципы правового и государственного регулирования, определяют особенности правового положения участников, устанавливают правовой режим применяемых технологий и регламентируют ответственность за нарушения в этой сфере.Проведем анализ представленных проектов нормативных актов.

Проект Цифрового Кодекса включит в себя законы «Об информатизации», «О персональных данных», «О связи», «Об электронном документе и подписи», а также нормы касающиеся предоставления электронных государственных услуг и оборота данных, развития технологий ИИ.

Цифровой Кодекс призван по своему содержанию заменить действующий Закон «Об информатизации», систематизируя (кодифицируя) нормы, регламентирующие как вопросы использования технологий информатизации,

технологии цифровизации как в системе государственного управления, так и в повседневной жизнедеятельности граждан и общества.

Особенностью этого акта задумывалось регулирование следующего этапа использования ИКТ: перехода от информатизации (как ранней стадии) к цифровизации — более продвинутому уровню, предполагающему повсеместное внедрение цифровых технологий в промышленность, экономику, образование, культуру, сферу услуг и др. По сути, речь идёт о модели хозяйственной деятельности, основанной на цифровых решениях, интегрируемых в различные области жизни и производства.

Кроме того, в представленном Правительством РК проекте была сделана попытка регулирования отношений, возникающих в процессе применения технологий (систем) искусственного интеллекта, что, по всей вероятности, переносится в специальный Закон «Об искусственном интеллекте».

Важным является то, что Электронное правительство представлено в проекте уже как Цифровое правительство, которое представляет собой систему информационного взаимодействия физических и юридических лиц, государственных органов, основанной на применении уже цифровых данных, применяемых в процессе осуществления государственных функций и предоставления государственных цифровых услуг. Цифровые данные — это сведения о людях, объектах, фактах, событиях, явлениях и процессах, зафиксированные в электронном виде и пригодные для автоматизированной обработки [96].

Цифровое правительство – это единая система взаимного информационного взаимодействия физических лиц, юридических лиц и государственных органов, основанная на применении данных в процессе осуществления государственных функций и предоставления государственных цифровых услуг. Оно в отличие от электронного правительства может позволить решение большего объема задач и предоставления уже цифровых услуг.

Сфера цифровых услуг постоянно растет и ее специфика заключается в том, что путем использования информационных программных технологий и подключения цифровых платформ друг к другу и их имплементации можно добиться безгранично широкого объема данных, их обработки, аналитики, автоматизации бизнес процессов. Кроме того, это позволяет поддерживать данные в состоянии постоянной актуальности и достоверности. При этом подчеркивается, что функционирование «цифрового правительства» осуществляется в соответствии с принципами дата-центричности, персонализации государственных цифровых услуг и сервисов и проактивности при их оказании, развития цифровых сервисов для совместного использования государственными органами и субъектами частного предпринимательства, перехода на платформенную модель цифрового развития [96].

Целью цифрового правительства также является реинжиниринг функций государственных органов.

Реинжиниринг является фундаментальным переосмыслением и радикальной перестройкой бизнес-процессов, направленных на достижение существенных улучшений [97].

Реинжиниринг — это пересмотр и перестройка существующих рабочих процессов ради повышения эффективности, качества и итоговой результативности организации. В применении к госуправлению речь идёт о переосмыслении назначения и перепроектировании логики процессной деятельности на основе всестороннего анализа данных и результатов — до начала работ, в ходе их выполнения и по итогам достижения поставленных целей и задач.

Целями реинжиниринга является повышение эффективности, качества и результативности деятельности органа, повышение безопасности, необходимость отказа от текущих технологий. Достигается с помощью оптимизации, так и методом радикального пересмотра, замещения или ликвидации существующих процессов или целых кластеров процессов. Кроме того, реинжиниринг может привести к трансформации какой-либо части процессов в проектную деятельность или функциональную активность, а также к обратной трансформации. В результате реинжиниринга возникает необходимость пересмотра осуществляющей деятельность организационной структуры (реструктуризация) и изменение требований к компетенциям исполнителей, затрагивающий как всю организацию в целом, так и какие-либо ее части для обеспечения осуществления деятельности после реинжиниринга наилучшим образом.

Согласно Правилам цифровой трансформации государственного управления, утверждённым приказом и.о. министра ЦДИАП РК от 27 сентября 2024 г. № 601/НҚ, цели цифровизации госуправления определены так [98]:

1. формирование «цифрового государства» через обновление ИКТ-инфраструктуры и переход к платформенному подходу в рамках архитектуры электронного правительства;
2. облегчение коммуникации между гражданами и государством за счёт устранения избыточных процедур;
3. внедрение алгоритмических механизмов регулирования в управленческие процессы;
4. улучшение качества управленческих решений и культуры работы с данными;
5. максимально проактивное оказание государственных услуг;
6. полная оцифровка архивов и отказ от бумажного документооборота;
7. соблюдение принципа: не запрашивать у граждан и организаций информацию, уже имеющуюся в информационных системах «электронного правительства».

Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности РК разработало методику реинжиниринга бизнес-процессов госорганов для оптимизации работы органов и учреждений, чтобы и получатели

результатов, и исполняющие организации получили прямую, заметную выгоду [99].

Согласно принятой методологии, в 2023 году проведён реинжиниринг бизнес-процессов по форматам G2C, G2B и G2G для запуска программ цифровой трансформации в ЦГО, МИО (GovTech) и национальных компаниях. По данным Отчёта о реализации Концепции цифровой трансформации, развития ИКТ и кибербезопасности на 2023–2029 годы, на 4 января 2024 года в реестре учтено 4355 функций (потенциальных процессов), причём по 1096 из них госорганы уже выполнили реинжиниринг, охватив 1500 бизнес-процессов [94]. Целевые пороги цифровизации процессов в госорганах заданы так: 2023 — 25% (достигнуто), 2024 — 45%, 2025 — 60%, 2026 — 70%, 2027 — 80%, 2028 — 90%, 2029 — 100%.

Определяют приоритетные управленческие процессы, где разумно применять реинжиниринг при моделировании:

– разработка государственной политики;
– подготовка и принятие НПА;
– планирование и реализация целевых программ;
– проведение контрольно-надзорных мероприятий за соблюдением обязательных требований;
– государственные закупки;
– лицензирование отдельных видов деятельности для организаций и граждан;
– выдача разрешений на конкретные действия юрлицам и физлицам;
– разрешительная регистрация актов, документов, прав и объектов;
– уведомительная регистрация актов, документов, прав и объектов;
– установление регулируемых цен и тарифов;
– оформление и выдача документов гражданам и юридическим лицам;
– предоставление прав пользования природными ресурсами;
– определение права на бюджетные выплаты и их перечисление;
– реализация полномочий собственника в отношении федерального имущества;
– организация предоставления бюджетных услуг [100].

В каждом государственном органе создаётся офис цифровой трансформации с утверждёнными составом и положением. Он разрабатывает, согласовывает, утверждает и реализует дорожную карту цифровых изменений. На её основе проводится реинжиниринг: перераспределяются функции и полномочия между подразделениями и подведомственными организациями, формируется и поддерживается электронный реестр бизнес-процессов. Также на офис возлагаются задачи по соблюдению организационных, технических и правовых требований в области ИКТ и кибербезопасности, управлению данными, развитию архитектуры e-gov, а также по созданию, модернизации, эксплуатации и закупке объектов информатизации «электронного правительства» и оказанию ИК-услуг.

Для обеспечения целостности управления при внедрении цифровых изменений и достижении целевых индикаторов госорганы формируют дорожные

карты трансформации, закладывая в них цели и метрики подведомственных организаций, а также тех государственных структур и субъектов квазигоссектора, чьи бизнес-процессы вовлечены в этот процесс.

В соответствии с утверждёнными дорожными картами в 2023 году была проведена переработка (реинжиниринг) 201 бизнес-процесса.

Эффективность цифровой трансформации госорганов оценивается по совокупности показателей: рост удовлетворённости граждан качеством предоставляемых, в том числе онлайн-, услуг; уменьшение затрат бизнеса при взаимодействии с государством; сокращение издержек управления как внутри госсектора, так и в ключевых отраслях экономики и социальной сфере; повышение уровня открытости и прозрачности; снижение коррупционных рисков благодаря цифровым инструментам; укрепление надёжности и защищённости информационных систем; а также обеспечение цифрового суверенитета.

Вместе с тем, это лишь начало возможного реинжиниринга, так как по своей сути применение программ, связанных с подключением и анализом цифровой информации в итоге, может применяться по любому направлению и складываться при необходимости как пазл, позволяющий измененять, дополнять и корректировать задачи и цели.

Так, в качестве примера можно привести широко известный опыт Республики Китай по борьбе с коррупционерами, когда программа «цифровая Фуцзянь», предложенная ещё в 1999 году практически охватила практически все стороны административного управления. Она заключается в обработке и сравнении получаемых доходов и расходов чиновников, которые выявляют наличие перерасхода, что является основанием для служебного расследования и возбуждения уголовного дела. Это позволило обнаружить и привлечь к ответственности более миллиона чиновников. Так, только с 2000 года расстреляны 10 тысяч чиновников, а 120 тысяч чиновников получили по 10-20 лет заключения [101].

Такого рода направления применение программ цифровизации и ИИ могут вырабатываться в зависимости от ситуации, что позволяет объективно и полно охватить весь спектр взаимозависимых общественных отношений на основе имеющихся данных и послужить основой для принятия правильных и эффективных решений.

В этой связи применяется совместная Методика операционной оценки по блоку «Организационное развитие государственного органа», утверждённая МЦРИАП РК 27.01.2020 № 32/НҚ и Председателем Агентства по делам госслужбы 28.01.2020 № 25. Она разработана для реализации Системы ежегодной оценки эффективности центральных и местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения и столицы, установленной Указом Президента РК от 19.03.2010 № 954, и обеспечивает ежегодную оценку их деятельности.

Операционная оценка уровня организационного развития госорганов проводится по таким блокам:

1 Управление персоналом:

1.1 кадровый потенциал ведомства;

1.2 организация и условия труда;

1.3 меритократия и особенности корпоративной культуры.

2 Использование информационных технологий:

2.1 учёт наполнения архитектурного портала;

2.2 развитие проектов «умного города»;

2.3 актуальность данных в ИС и базах данных;

2.4 степень автоматизации функций госорганов;

2.5 численность сотрудников подразделения по цифровизации с ИТ-образованием;

2.6 количество работников, прошедших обучение (в т.ч. онлайн) по ИКТ-навыкам;

2.7 доля местного содержания в государственных информационных системах;

2.8 наличие и ведение реестра данных и показателей по сфере ведомства;

2.9 выявление неиспользуемых ИС и баз данных.

Оценивание проводят несколько уполномоченных органов на основе анализа представленных сведений, за достоверность которых отвечают сами оцениваемые госорганы. Чтобы обеспечить объективность операционной оценки, организуется комплекс мер по повторной проверке данных в отчетах этих органов с учётом системы управления рисками. Перепроверка направлена на подтверждение точности информации, поданной оцениваемыми государственными органами [102].

Такая система оценки эффективности определяется как набор метрик, используемый для количественного определения эффективности и результативности предпринятых за определенный период действий.

Основная цель достичь «трех Е»: экономия (Economy) + эффективность (Efficiency) + результативность (Effectiveness).

Операционная оценка деятельности каждого государственного органа была введена в следствие роста критики деятельности правительства и слабой эффективности развития большинства отраслей экономики. Поэтому одной из главных задач государства стало обеспечение прозрачности, подотчетности и эффективности государственного управления.

Как отмечают ряд исследователей и практиков, введение системы оценки эффективности (Performance Evaluation, PE) работы госорганов стало одним из ключевых компонентов рационалистической концепции стратегического менеджмента (Sminia и Van Nistelrooij, 2006). При этом PE рассматривается как составная часть более широкой перестройки госуправления — управления результативностью (Performance Management, PM) [103]. Встраивание в этот процесс цифровых возможностей является незаменимым инструментом и одновременно важнейшим индикатором эффективности данного сегмента механизма государственного управления.

Постоянное применение таких индикаторов и системы оценки позволяет оценивать эффективность тех или иных государственных программ. Так, Высшая аудиторская палата в 2023 году признала не эффективными: национальную программу «Здоровая нация» на которую было выделено 3,6 трлн тенге, национальный проект “Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев”, национальный проект “Ұлттық рухани жаңғыру” и др. (7 из 9) по показателям того, что конечные результаты бюджетных программ не соответствуют показателям национальных проектов. В числе основных причин неэффективности отмечены коррупционный фактор, недостаточный контроль и низкий уровень цифровизации. То есть, проведенные аудит свидетельствует о том, что наличие требуемого уровня цифровизации в повседневной работе государственного органа является важным условием его эффективной и прозрачной деятельности.

Так, например, в результате цировой трансформации и реинжиниринга государственных услуг Министерство труда уже в 2025 году сократило человеческий фактор при принятии решений и 4 вида пособия назначаются информационной системой автоматически без участия человека и из 7 услуг исключены сотрудники НАО «Государственная корпорация» Правительство для граждан» при рассмотрении заявлений на оказание услуги, тем самым сокращен срок оказания государственных услуг [104].

Сегодня цифровизация госуправления стала повседневной практикой для ведомств. Среди позитивных эффектов цифровой трансформации выделяют: рост эффективности государственных процессов; улучшение качества предоставляемых услуг; автоматизацию рутинной бюрократии; налаживание взаимодействия между уровнями управления; повышение «цифрового качества» жизни [105].

В то же время ещё в 2020 году эксперты ОЭСР в отчёте о реформах в Казахстане указали на перспективы их развития. В частности, отметили, что реформы ведут к росту затрат на контроль и одновременно снижают автономию министерств. Рекомендация — расширить самостоятельность министерств, повысив их компетентность для лучшей постановки приоритетов и эффективности, при этом оптимизировав контроль на основе отчётности и показателей результативности [106]. Эти подходы следует учесть в продолжающихся преобразованиях, отражая позицию центральных исполнительных органов по совершенствованию своей работы и управленческих практик.

Сохраняется острая проблема качества исходных данных: неполная цифровизация, дублирование, ошибки и т.п. Программы на основе ИИ будут эффективны лишь при наличии объективных, верифицированных данных, анализ которых станет базой для решений и обоснованных прогнозов. Сейчас идёт переход к модели Data-driven government, при которой решения на государственном уровне принимаются с опорой на проверенные факты, аналитику и надёжные прогнозы. По сути, это во многом организационная задача.

К организационным трудностям, помимо качества вводимых сведений, на наш взгляд, относятся:

– местами крайне низкая квалификация дата-менеджеров в госорганах (сильные специалисты уходят в частные компании или квазигоссектор);

– несогласованная политика управления данными и слабая горизонтальная/вертикальная координация обмена между ведомствами;

– отсутствие чётких планов и соглашений по обмену данными и информацией;

– дефицит навыков и нередко базовых знаний у ответственных лиц, принимающих решения на основе данных;

– не сформирована культура data-driven управления;

– недостаток доверия к данным и технологиям их сбора, предоставления, обмена и хранения;

– высокие расходы на поддержку дата-инфраструктуры и аналитических инструментов;

– рискованность инвестиций из-за постоянного обновления потоков информации;

– отсутствие понятной модели монетизации.

Такие же примерно выводы о внедрении цифры в систему государственного управления дают ученые практически во всех странах на первом этапе [107].

Понятно, что это, по сути, временные барьеры, преодолимые в следствие наработки привычки, навыков, доступа более молодого поколения, более доверительно относящегося в применение ИИ или иной цифровой аналитики. Вместе с тем, эта проблема в настоящее время существует и дает о себе знать. По мнению авторов, это чревато принятием слабых решений на базе ошибочного анализа и поздним осознанием их неоптимальности, поскольку алгоритмы некорректно интерпретируют реальность [108].

Ключевым организационным условием результативного госуправления в любой сфере является опора на отраслевую специфику: именно она должна определять выбор и применение современных технологий. Это предполагает учёт особенностей соответствующих правоотношений, возможность адаптации решений под потребности иных органов (в том числе с учётом режимов секретности), внимание к специфике отдельных видов правовых связей и обеспечение своевременного, качественного правового сопровождения.

Соответственно, важным барьером во внедрении датацентричного, а именно цифрового государственного управления являются правовые барьеры.

Сейчас действует разрозненная правовая база, в которую по мере необходимости точечно вносятся изменения по вопросам цифровизации и ИИ. Однако такой подход не обеспечивает долгосрочного регулирования. В Концепции правовой политики РК до 2030 года указано на необходимость решать, среди прочего, распределение ответственности за вред, причинённый ИИ и роботами, а также определение прав на результаты, созданные с участием

ИИ. Вместе с тем остаётся широкий круг иных вопросов, требующих комплексного нормативного урегулирования.

Правовые механизмы современности под влиянием новых технологий трансформируют регулятивные функции права, подстраивая их под меняющиеся общественные отношения в самых разнообразных сферах, так как они обязаны обеспечить баланс между потребностями общества и адекватной гарантии прав и законных интересов пользователей, и своевременной компенсации вреда, причинённого при применении государственными органами инструментов цифровизации и ИИ. От фундаментальной юриспруденции ожидается выработка базовых принципов такого баланса и установление границ правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием новых технологий.

Сейчас каждый госорган в первую очередь сосредоточен на своих функциях и выполнении показателей эффективности. Однако цифровизация и ИИ требуют системного подхода — единой концепции и распределённой ответственности за качество, актуальность и полноту данных. При этом отсутствие устойчивой, целостной нормативной базы, регулирующей управление данными на всём их жизненном цикле, фрагментарность политики конфиденциальности и защиты сведений ограниченного доступа, а также недостаточная регламентация и несогласованность процедур использования и обработки данных и мер ответственности за их нарушение неизбежно повлекут негативные последствия.

Изучение действующих норм, регулирующих информатизацию, цифровизацию и ИИ, показывает, что казахстанское право не поспевает за динамикой соответствующих общественных отношений — и, увы, это типичная ситуация для большинства стран. Технологии внедряются быстрее, чем формируются правила их правового регулирования. При этом нормы, призванные упорядочивать применение таких решений, неизбежно имеют межотраслевой характер: они затрагивают все сферы, и чем шире спектр использования, тем острее встаёт задача правовой регламентации. Дополнительно проблему усугубляет отсутствие в праве ясного определения ключевого объекта этих отношений — универсальной правовой категории «новые технологии».

Требуется концептуальное переосмысление действующего нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики с точки зрения перспектив в сфере новых технологий на территории Республики Казахстан, позволяющего обеспечить определённость в правоотношениях и минимизировать риски нарушения индивидуальных и публичных интересов в условиях новых глобальных вызовов.

Говоря о модернизации исполнительной власти в контексте цифровой трансформации, следует подчеркнуть, что ведётся масштабная работа по стимулированию обновления и реформирования деятельности всех уровней исполнительных органов с учётом цифровизации и внедрения ИИ; для этого разработаны и применяются процедуры реинжиниринга функций и системы оценки их работы.

2.3 Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти

Как было сказано выше целью цифрового правительства и цифровизации государственного управления в целом является также является реинжиниринг функций государственных органов, а именно переосмыслением и радикальной перестройкой управленческих процессов, направленных на достижение запланированных улучшений.

По нашему мнению, изучение сложившейся практики работы органов госуправления свидетельствует о заметной корректировке их целей и задач. В регламенты министерств включены нормы о разработке и утверждении правил ведения информационных баз и выполнения работ в пределах компетенции, о мерах по повышению качества государственных услуг, а также о развитии объектов информатизации «электронного правительства». Тем самым цели и функции исполнительной власти дополняются и трансформируются. Это проявляется, в частности, в запуске ведомственных проектов цифровизации отраслей. Так, при цифровой трансформации агропромышленного комплекса задействованы четыре информационные системы:

1. Единая государственная информационная система субсидирования (ГИСС);
2. Идентификация сельскохозяйственных животных (ИСЖ);
3. Единая автоматизированная система управления отраслями агропромышленного комплекса «e-Agriculture»;
4. Информационная система кредитования населения «Ауыл Аманаты».

В горнодобывающей отрасли функционирует портал для недропользователей minerals.gov.kz. Министерство труда и социальной защиты населения РК анонсировало проект разработки цифровой карты предприятий**,** согласно ему, все сведения о компаниях будут автоматически направляться в базы данных Минпрома.

Все это неизбежно влияет на организационную структуру исполнительной власти, в том числе через создание специализированных подразделений, отвечающих за внедрение и использование цифровых технологий и ИИ. Показательный пример — преобразование Комитета по управлению земельными ресурсами МСХ РК в Комитет геодезии и картографии при МЦРИАП РК. Кроме того, само учреждение МЦРИАП РК важно: помимо руководства закреплёнными за ним сферами, министерство осуществляет межотраслевую координацию госорганов по вопросам информационной безопасности в сфере информатизации, курирует связь, информатизацию, «электронное правительство» и формирование государственной политики в области предоставления госуслуг [64].

В МВД РК создана служба информатизации и связи — подразделение центрального аппарата и территориальных органов. Она отвечает за работу и эксплуатацию ИКТ-инфраструктуры, телекоммуникационных сетей и связи,

которые обеспечивают предоставление актуальной информации гражданам и организациям, оказание электронных госуслуг, информационный обмен, координацию деятельности и оптимизацию управленческих процессов [109].

Ключевой ИС МВД РК — это Информационная система «Интегрированный банк данных МВД Республики Казахстан» (ИБД МВД РК).

Министерство финансов РК в целях реализации возложенных на него задач также создал ряд информационных систем, в числе которых Информационная система Комитета государственных доходов, предназначенная для комплексной автоматизации бизнес-процессов КГД МФ РК, и включают в себя автоматизацию предоставляемых государственных услуг. И так каждое министерство и агентства создали свои автоматизированные системы, которые в большинстве своем интегрированы в «Электронное правительство» и при этом в системе каждого ЦИО были созданы специальные информационные подразделения, обеспечивающие функционирование этих систем.

Наличие таких специализированных органов предполагает работу квалифицированных кадров, что в свою очередь привело к:

1. Созданию специальных подразделений в каждом государственном органе и его подразделениях, осуществлених техническое и технологическое сопровождение работы информационных систем и их взаимодействие с «Электронным правительством» и иными разрешенными системами;
2. Приобретение ИК-услуг путём размещения государственных заказов на разработку и развитие цифровых платформ госорганов, где действует принцип приоритетного допуска отечественных юрлиц к исполнению таких заказов на создание ИКТ-решений и информационных систем (подп. 2 п. 3 ст. 61 Закона «Об информатизации»);
3. Формированию госзаказа на подготовку, переподготовку и повышение квалификации ИКТ-специалистов в учреждениях ТиПО и вузах, а также внесению предложений в типовые учебные планы и программы по ИКТ (подп. 11 п. 2 ст. 11 Закона «Об информатизации»).

Также ЦИО и уполномоченные госорганы вправе при разработке и утверждении профессиональных стандартов определять требования к цифровой компетентности специалистов соответствующих сфер, чтобы обеспечить надежную и безопасную работу информационных систем.

Следовательно, проведена и продолжается модернизация структуры органов исполнительной власти через формирование специализированных звеньев и внедрение прочих кадровых и организационных изменений.

Ещё одним важным направлением преобразований в системе исполнительной власти стало изменение её компетенций под влиянием цифровизации. Даже беглый анализ показывает: помимо классических полномочий добавились задачи по созданию и поддержанию государственных информационных ресурсов — информационных систем, реестров, фондов и т.п. Например, чтобы реализовать возложенную на Министерство труда и социальной защиты населения РК функцию по формированию государственной политики в сферах труда, занятости, миграции, социальной защиты (включая

пенсии и обязательное соцстрахование), ведомство разрабатывает и внедряет соответствующие программы. Их исполнение в цифровой среде предполагает ведение крупных массивов персонализированных данных — за счёт их сбора и хранения в профильных информационных системах [110]. В результате в положение о министерстве был включён обширный блок полномочий по созданию и эксплуатации электронных информационных ресурсов и систем, а также информационно-коммуникационных сетей в пределах компетенции данного центрального исполнительного органа.

Одновременно наличие такой функции неизбежно влечёт постоянное сопровождение соответствующих баз данных. В частности, в положении закреплены сопутствующие полномочия: разработка и утверждение правил сопровождения ИС и доступа к ним, формирования баз данных, а также обмена информацией между информационными системами центрального органа и ЕНПФ по движениям на индивидуальных пенсионных счетах; установление порядка ведения персонифицированного учёта участников системы; утверждение регламентов доступа к ИС и БД; определение порядка ежемесячной передачи страховыми организациями в Госкорпорацию «Правительство для граждан» сведений о произведённых страховых выплатах и др.

На настоящий момент Министерство труда и социальной защиты населения, которое с 2016 года является собственником всех информационных систем социально-трудовой сферы, которые включают в себя 16 информационных систем по всем направлениям**:** трудовые отношения, занятость, социальное страхование, пенсионное и социальное обеспечение, социальная поддержка, специальные социальные услуги и миграция. При этом, основная часть ИС являются критически важными объектами информационно-коммуникационной инфраструктуры электронного правительства и активными пользователями ИС СТС в целом составляет более 23 тыс. пользователей. Ими обеспечивается постоянный персонифицированный учет (с историческими данными) и оказание услуг, в том числе в автоматизированном и проактивном форматах для более **20** млн. казахстанцев с самого рождения и в течение всей жизни, включая социально приоритетные категории населения: 2,4 млн. пенсионеров; 731 тыс. лиц с инвалидностью; 340 тыс. получателей адресной социальной помощи; 203 тыс. получателей пособия по потере кормильца; 104 тыс. получателей пособия по уходу за ребенком; 325 тыс. зарегистрированных безработных; 763 тыс. получателей социальных выплат из ГФСС по 5 рискам и т.д.[111]

Особо следует выделить проект «Цифровая карта семьи», который обеспечивает проактивное назначения мер государственной поддержки с 1 января 2023 года и предлагает более 30 услуг, которые граждане могут получить автоматически, даже не подавая заявление, благодаря совместной работе более чем 20 государственных агентств. Платформа опирается на свыше ста социально-экономических индикаторов, благодаря чему служит надежной базой данных для выработки решений в сфере социальной защиты. С момента запуска через неё предоставлено более 2,2 млн социальных услуг жителям Казахстана.

Масштаб и характер новых полномочий исполнительных органов таковы, что управление данными можно выделять как самостоятельное направление их деятельности, то есть как отдельную функцию. Внедрение ИКТ и цифровых решений фактически трансформировало почти весь механизм реализации уже существующих полномочий. При этом, хотя цифровизация охватила практически все сферы работы исполнительной власти, степень влияния цифровых инструментов на способы исполнения разных полномочий существенно различается [112].

Проведённый анализ показывает, что сегодня фактически не осталось полномочий исполнительной власти, реализация которых не была бы так или иначе связана с применением государственных информационных систем, реестров и иных платформ. С одной стороны, этого требуют актуальные требования информационной безопасности, с другой — задачи прозрачности деятельности органов. Одновременно автоматизированные решения обеспечивают межведомственное информационное взаимодействие, выступая современным инструментом повышения согласованности работы исполнительной власти и позволяя уменьшать финансовые, временные и трудовые затраты при исполнении полномочий.

В соответствии со статьёй 9 Закона «Об информатизации» к компетенции центральных госорганов и органов, подчинённых и подотчётных Президенту РК, относятся следующие задачи [48]:

1) соблюдение унифицированных требований по ИКТ, информационной безопасности и управлению данными;
2) внедрение и сопровождение архитектуры e-gov;
3) создание и развитие объектов информатизации e-gov;
4) наполнение электронных информационных ресурсов и поддержание их точности и актуальности;
5) участие в дальнейшем совершенствовании e-gov;
6) предоставление МИО, в пределах их компетенции, доступа к информационным системам, находящимся у госоргана;
7) публикация открытых данных на казахском и русском языках на профильном портале;
8) учёт и актуализация сведений об объектах информатизации e-gov и их техдокументации на архитектурном портале;
9) хранение бумажных оригиналов техдокументов и предоставление их сервисному интегратору e-gov по запросу;
10) использование типовых/стандартных решений при создании и модернизации объектов информатизации e-gov;
11) размещение на собственных веб-ресурсах общедоступной информации о планах и результатах работ по созданию и развитию объектов информатизации;
12) размещение ведомственных интернет-ресурсов на единой гос.платформе и обеспечение их достоверности и актуальности и др. [48].

Детализация компетенций ЦИО определяется также актами Правительства Республики Казахстан.

Что касается МИО, они активно развивают собственные информационные системы. На региональном уровне функционирует «электронный акимат» — цифровая платформа взаимодействия местных властей с госорганами, гражданами и бизнесом. Система опирается на автоматизацию и оптимизацию управленческих функций, обеспечивает онлайн-предоставление услуг и входит в инфраструктуру «электронного правительства».

В отличие от центральных органов, местные исполнительные органы не уполномочены разрабатывать собственные информационные системы. Вместе с тем, согласно статье 10 Закона «Об информатизации», на них возлагаются следующие задачи [48]:

1) обеспечение соблюдения единых требований в сфере ИКТ, информационной безопасности и управления данными;

2) контроль исполнения этих единых требований (мониторинг соответствия);

3) совершенствование механизмов привлечения инвестиций и стимулирования разработки и реализации проектов в области информатизации;

4) создание условий для развития ИКТ-отрасли на региональном уровне;

5) создание и развитие объектов информатизации «электронного правительства»;

6) разработка и размещение платформенных программных решений;

7) наполнение, поддержание достоверности и актуальности электронных информационных ресурсов МИО [48].

Анализ этих полномочий и практики их реализации показывает, что все они непосредственно связаны с управлением оборотом данных. В свою очередь такой оборот данных позволяет в целях продуктивности работы вводить все более новые средства и инструменты применения автоматизированных систем и использования их для решения более крупных задач и комбинации этих задач. В итоге «Электронное правительство» работает с большими данными. С большими же данными работают государственные финансовые организации, осуществляющие управление государственной собственностью, республиканским и региональными бюджетами. Наличие больших данных позволяет внедрять бизнес-анализ, который на сегодняшний день идет по пути активного освоения advanced (продвинутой) аналитики, в том числе предикативного (предиктивного) анализа, построения симуляторов и вариативных моделей. Это, в свою очередь, призвано повысить эффективность выполнения государственных функций: увеличить доходы бюджета от управления госимуществом, обеспечить более точное прогнозирование последствий социально-экономических решений и т.п.

По мнению исследователей, сегодня существуют обширные возможности дальше интегрировать современные цифровые технологии в исполнение практически любых государственных функций — как при формировании государственной политики, так и при предоставлении госуслуг [113].

В то же время следует констатировать, что в Казахстане современные цифровые инструменты преимущественно используются в контрольно-надзорной деятельности исполнительной власти и при оказании госуслуг.

Сегодня закрепилось понятие «цифровой контрольно-надзорной деятельности», предполагающей формирование государственных реестров и использование оценочного подхода к анализу работы. Иными словами, цифровая трансформация в госуправлении строится на реестровой модели.

В условиях цифровизации большое количество государственных реестров было автоматизировано и переведено в электронный формат в соответствии с Государственной программой «Цифровой Казахстан», проекта «Внедрение новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности в Республике Казахстан» и других проектов, что позволило достигнуть сегодняшних результатов и продвигать цифровизацию дальше.

Указом Президента РК от 31 декабря 2020 года № 483 предусмотрены меры по внедрению обновлённой регуляторной политики в сфере бизнеса, нацеленной на создание максимально благоприятных и стимулирующих условий для активизации предпринимательства. Среди ожидаемых эффектов проекта было отмечено создание оптимизированной сферы государственного регулирования на принципах доверия и снижения регуляторного давления, что впоследствии должно привести к увеличению количества действующих субъектов предпринимательства на 15% к 2030 году.

По завершении моратория на проверки бизнеса контрольно-надзорные органы с января 2023 года получили право применять цифровые формы контроля. В результате Казахстан стал региональным лидером по показателю качества регулирования Всемирного банка (Regulation Quality, WGI): в 2022 году страна заняла 101-е место, опередив всех соседей — Россию, Китай, Узбекистан, Кыргызстан, Монголию, Туркменистан, Азербайджан, Иран, а также государства СНГ и ЕАЭС [114].

В приоритете — дальнейшее развитие Национальной цифровой финансовой инфраструктуры и запуск проектов, повышающих прослеживаемость и эффективность использования бюджетных средств на базе цифрового тенге. К началу 2025 года к технологической платформе Нацбанка подключены 108 организаций, включая все банки второго уровня, крупные платёжные компании и МФО; через неё проходит до 90% платёжного оборота страны и обрабатывается около 30 млн запросов на цифровую биометрическую идентификацию (см.: https://uchet.kz/news/vnedrenie-tsifrovogo-tenge/). Кроме того, по инициативе руководителя Антикоррупционной службы Ашхата Жумагали совместно с АФН реализуется проект, в рамках которого каждой единице цифрового тенге присваивается уникальная метка, позволяющая отслеживать движение средств на всех этапах — от выделения до полного освоения. Результативность подхода в АПК продемонстрирована на примере программы «Ауыл аманаты» в Акмолинской области: целевое кредитование покупки сельхозживотных в «программируемом» цифровом тенге обеспечило полную прозрачность операций и исключило фиктивные сделки [115].

В системе налогообложения запущен пилот «цифрового НДС», призванный повысить эффективность администрирования и ускорить возврат налога на добавленную стоимость.

В августе 2023 года была внедрена в действие единая информационная система "Единый государственный кадастр недвижимости", предназначенная для ведения государственного земельного кадастра, содержащая в себе качественные и количественные характеристики земельных участков, в том числе об их границах, а также сведения о собственниках земельных участков и землепользователях [116].

Согласно Сводному аналитическому отчёту о состоянии и использовании земель РК за 2023 год, Законом от 5 апреля 2023 года «О внесении изменений и дополнений… по вопросам цифровизации 194 государственных услуг в сфере земельных отношений» введена в действие информационная система единого государственного кадастра недвижимости (ИС ЕГКН). Эта платформа интегрирует данные земельного и правового кадастров, ведение которых предусмотрено Земельным кодексом и Законом РК «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество». Кроме того, запуск ИС ЕГКН реализован во исполнение пункта 121 план-графика нацпроекта «Технологический рывок за счёт цифровизации, науки и инноваций», утверждённого постановлением Правительства РК от 12 октября 2021 года № 727 (мероприятие 1 — автоматизация и централизация госкадастра земли и недвижимости посредством консолидации ИС ГЗК и ГБД РН) [117].

В рамках реализации Национального плана развития до 2029 года Министерство сельского хозяйства продолжает цифровизацию АПК: разрабатываются меры поддержки для стимулирования внедрения цифровых технологий на сельхозпредприятиях, масштабируются «цифровые фермы» и практики точного земледелия, предусматриваются субсидии на приобретение цифрового оборудования и ПО. Дополнительно планируется запуск специальных грантовых программ для пилотных проектов в сфере цифрового земледелия и «умных» ферм [47].

Органы исполнительной власти, таким образом, запускают и проводят множество пилотных инициатив и экспериментальных проектов по применению цифровых технологий в контрольно-надзорной сфере.

Таким образом, последовательно воплощается государственный курс на цифровизацию всех направлений государственного регулирования. При этом цифровая трансформация в исполнительных органах в первую очередь концентрируется на контроль-надзорных функциях и на предоставлении государственных услуг.

Отдельно стоит подчеркнуть, что исполнительные органы уже на протяжении длительного времени применяют цифровые инструменты и технологии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности — фактически на всех стадиях: от планирования проверок до их проведения и оформления итогов.

Цифровое планирование контрольных мероприятий позволяет определять риск-категорию для каждого объекта надзора и согласовывать действия между исполнительными органами при формировании планов проверок. Одновременно расширяется набор инструментов цифрового контроля — вводятся специальные режимы государственного надзора, включая мониторинг и дистанционные формы проведения контрольных мероприятий.

Тем самым, система сама определяет очередность и необходимость проведения контрольных мероприятий и тем самым снижает коррупционные риски. Кроме того, система сохраняет действия контрольных органов и их результаты, что также позволяет снизить ошибки при проведении контрольных мероприятий. Многие инструменты применяются и в процессе внутреннего самоконтроля

В то же время справедливо отмечается, что использование цифровых инструментов переносит акцент с наказания за уже совершённые правонарушения на предупреждение противоправного поведения, опираясь на взаимодействие участников контрольных правоотношений [118, с. 25.]. Иными словами, происходит переход от карательной модели к превентивной, что можно считать одним из положительных результатов цифровизации.

Но вместе с тем, цифровизация позволяет охватить весь объём контролируемых субъектов, которым все сложнее становится «прятать» нарушения, так как вся информация является прозрачной для государственных органов, а аналитика данных показывает наличие дисбаланса данных и попыток обмана (при их наличии). То есть цифровизация позволяет реализовать потенциал по выявлению и минимизации мошенничества и злоупотреблению государственными услугами.

При этом следует отметить, что инструменты контроля являются производными от инструментов сбора информации, но уже присутствуют как отдельная, специализированная функция, которая позволяет: сократить издержки органов исполнительной власти; исключить или сократить возможности коррупционных рисков; повысить уровень безопасности как контролирующей, так и контролируемой стороны; снижает время контрольных мероприятий. Но при этом делает выборочный контроль сплошным. И это вызывает определенные недовольства предпринимательского сектора.

Несмотря на применение выборочного надзора, автоматизация контрольно-надзорных функций возможна только при наличии доверительной цифровой среды. Это, в свою очередь, предполагает предоставление гражданам и организациям инструментов удалённой идентификации для совершения юридически значимых действий и создание цифровой инфраструктуры, обеспечивающей оказание государственных услуг онлайн. Доверительная среда необходима также для обмена данными между государственными информационными системами, что во многом определяется уровнем безопасности — защитой информационной среды, её носителей и самих систем. Обеспечение защиты автоматизированных государственных систем возлагается

на уполномоченные органы в соответствии с законодательством об информатизации.

Анализ уже существующих информационных систем государственных органов показывает некоторую разрозненность управления государственными данными. Государственные данные содержатся во множестве информационных систем, использующих разную архитектуру, что усложняет использование данных разных ведомств для проведения аналитики. И в этом смысле важной задачей Правительства остается обеспечить интеграцию этих разрозненных систем в единую архитектуру Электронного правительства.

Ещё одной крупной областью активного внедрения автоматизации и цифровых технологий является сфера госуслуг. Исследователи подчёркивают, что ключевой задачей цифровой трансформации выступает клиентоориентированность: она нацелена на удовлетворение запросов граждан, улучшение коммуникации с госорганами и повышение общей удовлетворённости качеством сервисов [119, с. 162].

Согласно Закону Республики Казахстан от 15 апреля 2013 года № 88-V «О государственных услугах», под государственной услугой понимается форма реализации отдельных либо совокупных функций государства, оказываемая по обращению услугополучателя или без такового, с целью обеспечить его права, свободы и законные интересы и предоставить соответствующие материальные либо нематериальные блага [63].

Задача государственного регулирования в сфере предоставления госуслуг — обеспечить их качественное оказание получателям, опираясь на принципы недопущения бюрократизма и волокиты, подотчётности и прозрачности, доступности, экономичности и эффективности, а также на непрерывное совершенствование процедур.

Порядок ведения реестр государственных услуг включает в себя анализ нормативных правовых актов РК на предмет выявления государственных услуг и определение на основе проведенного анализа перечня государственных услуг, подлежащих к включению в реестр или исключению из реестра, а также проведение мониторинга реестра на предмет актуализации (обновления) его содержания [Правила ведения реестра государственных услуг. Утверждены приказом Министра национальной экономики РК от 20 ноября 2014 г. № 98; регистрация в Минюсте РК — 29 декабря 2014 г., № 10029 (https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400010029). Этот порядок позволяет выявлять неформализованные («скрытые») госуслуги, а по результатам выявления уполномоченный орган вносит предложения по их включению в реестр государственных услуг.

Согласно Реестру госуслуг, утверждённому приказом и.о. министра ЦДИАП РК от 31 января 2020 г. № 39/НҚ, из 1353 услуг — 1247 (плюс 791 подвид) предоставляются в электронном формате, что наглядно демонстрирует высокий уровень цифровизации и ориентир на расширение доступности [120].

Доля электронных услуг выросла до 92%, что демонстрирует успешность политики по переходу на цифровые форматы обслуживания. В настоящее время

Казахстан занимает 8-е место в рейтинге ООН по уровню развития онлайн-услуг и 28 место по индексу развития «электронного правительства». Порядка 94% государственных услуг в республике автоматизированы и переведены в электронный формат. Экспорт IT-продуктов и услуг в 2024 году увеличился в 5 раз и достиг отметки в $500 млн. [121].

Министерство цифрового развития внедряет проактивные услуги, которые предоставляются гражданам без обращения. Реализовано 44 проактивные услуги, из которых более 2 миллионов уже предоставлены. Использование технологий, таких как биометрическая идентификация и QR-подписание, упрощает процесс получения услуг и повышает их доступность.

В целом, тренд к увеличению числа электронных услуг подтверждает успешность цифровизации и необходимость постоянного мониторинга эффективности перехода на электронные формы.

В стране введён eGov QR — альтернативный способ подписания и быстрый доступ к нужным документам онлайн через мобильное приложение eGov Mobile. Сегодня eGov QR поддерживается на платформах: «Судебный кабинет» Верховного суда, Отбасы банк, портал «Е-лицензирование» для подписания услуг; недавно добавлена интеграция для подписания договоров на сайте Documentolog. Помимо онлайн-сервисов в телефоне, у казахстанцев всегда под рукой «Цифровые документы» — электронные аналоги наиболее востребованных бумаг, которые имеют ту же юридическую силу, что и бумажные. В eGov Mobile доступны 24 таких документа (например, удостоверение личности, паспорт гражданина РК, водительское удостоверение, паспорт вакцинации, результат ПЦР-теста, свидетельство о рождении и др.), ими активно пользуются свыше 11,6 млн граждан. Все цифровые документы можно предъявлять по месту требования; законом установлена их равнозначность бумажным оригиналам [121].

То есть на 2025 год 93% всех услуг предоставляются онлайн, 91% – доступны через смартфон, внедрено 35 цифровых документов и 50 проактивных сервисов и оказано более 3,7 млн услуг через электронные платформы.

При этом контроль-надзор и предоставление госуслуг — не единственные области, где возможно активное внедрение цифровых решений и ИИ. Очевидно, что цифровые инструменты помогают государственным органам исполнять полномочия и наладить межведомственный обмен данными. Цифровая трансформация госуправления призвана сокращать трудозатраты чиновников, делать услуги для граждан и бизнеса более доступными и удобными, повышать прозрачность работы всех уровней власти, а также обеспечивать принятие объективных и качественных управленческих решений на базе самых актуальных и точных данных.

Полагам, что в системе госуправления такие подходы следует расширять и на другие направления: ситуативную аналитику; аналитическое сопровождение и долгосрочное планирование реформ и трансформаций; оценку фискальной политики и оптимизацию бюджетных расходов; стратегическое планирование с учётом внутренней и внешней конъюнктуры (по каждой отрасли с последующей

агрегацией); правовой анализ для выявления пробелов и рисков; управление бюджетными и субсидийными рисками; подключение механизмов общественного контроля; анализ рисков национальной безопасности как в целом, так и по отдельным её направлениям и др.

Выбор таких направлений обусловлен текущими целями социально-экономического развития и отмечен в поручениях Президента Правительству страны. Как подчеркнуто в Послании Президента РК, требуется создать единую цифровую платформу с полной информацией о строительстве и ремонте дорог, включая внутригородские объекты, а в следующем году в Астане открыть Национальный центр искусственного интеллекта, доступный для школьников, студентов, исследователей и предпринимателей [122]. Дальнейшее расширение уже существующих направлений применения цифровых технологий и ИИ будет влиять на весь порядок реализации исполнительными органами их полномочий.

Выбор таких сфер, как и применение цифровизации в целом в системе государственного управления, а именно в сфере регулирования жизнедеятельности всего общества и отдельных его членов требует надлежащего правового обеспечения.

Основные принципы использования автоматизированных систем, роботов, ботов и прочих автоматизированных программ заложены в действующем законодательстве об информатизации, гражданском законодательстве, законодательстве о государственных услугах и прочее. Вместе с тем, это требует продолжения с учетом всех принципов правотворчества и правоприменения. Таким образом, как показано выше, порядок использования цифровых технологий в контрольно-надзорной сфере и при предоставлении госуслуг нередко закрепляется подзаконными нормативными актами. В то же время внедрение более продвинутых автоматизированных решений — для аналитики больших массивов данных и подготовки рекомендаций по государственным решениям — требует более высокого уровня и качества правового регулирования. Необходимо обеспечить системность и непротиворечивость норм на законодательном уровне в указанных областях.

Особо это касается вопросов обеспечения информационной безопасности. Указания Президента Казахстан о необходимости внедрения технологии искусственного интеллекта в платформу «электронного правительства» как приоритетной задачи Правительства требует внедрения новых стандартов кибербезопасности со всей системе государственных органов, что становится самой приоритетной задачей сегодня.

В целом следует отметить, что внедрение цифровизации в деятельность государства в Республике Казахстан показала существенные изменения работы всего аппарата государственного управления и позитивный эффект трансформации каждого органа управления. Так, можно сделать следующие выводы о произошедших изменениях относительно влияния цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти и их организацию:

1. существенно переформатировало цели и функции исполнительных органов, сместив основной акцент на информационные и надзорно-контрольные аспекты;

2. цифровые инструменты внедрены во все компетенции исполнительной власти, что позволило автоматизировать и оптимизировать выполнение государственных функций;

3. создана и последовательно совершенствуется специализированная система электронного взаимодействия государственных органов между собой, а также с гражданами и организациями. Она базируется на автоматизации госфункций и ориентирована на предоставление услуг в цифровом формате. Архитектура системы включает ведомственные и региональные информационные системы, которые постоянно модернизируются и интегрируются между собой;

4. повлияло на организационное устройство исполнительных органов, включая создание специализированных внутренних подразделений и команд, отвечающих за внедрение и применение цифровых технологий и ИИ;

5. стало основанием для формирования специального блока исполнительных органов власти и их подразделений, обеспечивающих функционирование объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, предназначенных для межгосударственного информационного взаимодействия и (или) автоматизации деятельности государственного органа, в том числе автоматизации государственных функций;

6. стало актуальным инструментом повышения качества взаимодействия между исполнительными органами при одновременном снижении финансовых, временных и трудовых затрат на осуществление их полномочий;

7. является инструментом для дальнейшего совершенствования работы органов государственного управления в том числе и посредством модернизации деятельности органов исполнительной власти в вопросах цифровой трансформации;

8. требует постоянной модернизации деятельности и правового сопровождения с целью соответствия обновления информационных программ и соответствию стандартам информационной безопасности. Фактически, развитие законодательства о государственном управлении формируется под воздействием цифровизации;

9. позволяет выделить управление данными в отдельное направление работы исполнительной власти, то есть рассматривать его как самостоятельную функцию;

10. создает перспективы дальнейшего внедрения цифры и ИИ;

11. создало систему эффективного информационного взаимодействие с населением и бизнесом, что позволяет выявлять и анализировать тенденций в жизни общества при помощи инструментов для работы с большими данными

3 СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И КАЗАХСТАНСКИЕ РЕАЛИИ

3.1 Опыт правового регулирования применения цифровых инструментов и Искусственного интеллекта (ИИ) в государственном секторе зарубежных стран

Опыт многих стран свидетельствует о высоком темпе внедрения инструментов цифровизации и ИИ в государственное управление для решения самых разных задач. Это объясняется, прежде всего тем, что использование этих инструментов делает государственное управление более эффективным и отзывчивым.

Цифровая трансформация охватывает сегодня почти все государства, однако каждая страна формирует собственные приоритеты в этой сфере. Сейчас свыше пятнадцати государств реализуют национальные программы цифрового развития. К числу лидеров по цифровизации экономики относят Китай, Сингапур, Новую Зеландию, Республику Корея и Данию. В Китае инициатива «Интернет плюс» связывает цифровые индустрии с традиционными секторами; Канада развивает ИКТ-кластер в Торонто; Сингапур строит «умную экономику», где ведущую роль играют ИКТ; Республика Корея в рамках «Креативной экономики» делает ставку на человеческий капитал, предпринимательство и распространение ИКТ; Дания концентрируется на цифровой трансформации государственного сектора [123].

Тема адаптации и заимствования результативных подходов к модернизации и реформированию национального права с учётом зарубежной практики проработана слабо. В этой связи целесообразно проанализировать инструменты совершенствования отечественного законодательства в условиях стремительной цифровой трансформации на примере стран-лидеров, где соответствующие механизмы уже сформированы и показывают убедительные результаты.

Эксперты ООН отмечая «заметный прогресс» в оказании онлайн-услуг практически по всем регионам Земли подчеркивают, что переход к цифровым системам обеспечивает минимизацию расходов государства и позволяет переосмыслить концепцию предоставления общественных услуг, технологию их разработки и осуществления [124].

В докладе указывается, что «доля населения мира, отстающего по уровню цифрового государственного управления, уменьшилась с 45,0% в 2022 году до 22,4% в 2024-м. Наибольший вклад дала Азия: Индия и Бангладеш превысили средний мировой показатель EGDI. В странах Америки также наблюдается устойчивый рост — больше государств перешло в категорию с очень высоким EGDI. Африка и Океания продвинулись, но пока не достигают средних мировых значений… Во всём мире растёт интерес к применению искусственного интеллекта в государственном секторе. Благодаря автоматизации, повышению эффективности и устранению дублирующих процессов ИИ способен радикально обновить систему госуправления» [124].

Странами, активно применяющими продукты цифровизации и ИИ уделяют значительное внимание мерам правового регулирования, экономической и инфраструктурной поддержки использования этих инструментов. Это определено, в первую очередь, наличием настоятельной необходимости в эффективном управлении для минимизации связанных рисков. При этом, следует отметить, наличие различных подходов такого регулирования, но при этом все страны сталкиваются с едиными проблемами, связанными с самой спецификой продуктов цифровизации и ИИ.

Соединенные Штаты были одной из первых стран, применившую цифровизацию в правительстве, а также по заслугам оценившие будущее Электронного правительства, которое «работает лучше, а стоит меньше».

Правовую базу составляют специальный закон США «Об электронном правительстве» от 27 февраля 2002 г. (E-Government Act of 2002), «Стратегия электронного правительства» [125], а также Меморандум Президента США от 21 января 2009 г. «Об информационной прозрачности и открытом правительстве» [126].

Закон «E-Government Act of 2002», неоднократно дополнявшийся и изменявшийся, регулирует межведомственное взаимодействие, обеспечение доступа к правительственной информации и услугам через разные каналы, улучшение информационной поддержки принятия решений, соблюдение норм о персональных данных, документооборот, вопросы нацбезопасности и др. В преамбуле подчёркивается, что «электронное правительство» призвано повышать качество работы государства и эффективность как внутри ведомств, так и на уровне их взаимодействия. Также указывается, что оно является ключевым элементом системы госуправления и должно служить основой для бюджетирования, государственных закупок, управления персоналом и других направлений совершенствования управленческих процессов [126].

Следует отметить, что опыт правового регулирования США об Электронном правительстве актуален, так как данная страна была и продолжает оставаться лидером в данном направлении. Специалисты отмечают, что совокупность законов и подзаконных актов, регулирующих построение электронного правительства, свидетельствует: в госорганах США понятие ЭП непрерывно развивается. Этот процесс тесно обусловлен прогрессом ИКТ, расширением их применения в системе государственной власти и эволюцией теории публичного управления [127].

Организационые аспекты Электронного правительства США обеспечивает Офис электронного правительства и Офис федерального главного информационного директора в административно-бюджетном управлении Белого дома. В результате был создан портал USA. Отдельно стоит отметить, что ещё в 1983 году начал работу Совет по совершенствованию государственного управления (Council for Excellence in Government) — независимая и внепартийная организация, чья основная миссия заключалась в повышении эффективности государственного администрирования на всех уровнях. В её

задачи входили, в частности, выявление ключевых барьеров, тормозящих реформы, и продвижение внедрения информационных технологий.

В дальнейшем, 21 января 2009 года, Барак Обама подписал «Меморандум об информационной прозрачности и открытом правительстве», в котором концепция открытого государства опирается на три ключевых принципа:

- прозрачность — усиливает ответственность органов власти, обеспечивая гражданам доступ к сведениям о работе правительства;
- участие граждан в управлении позволяет властям формировать политику, опираясь на распределённые по обществу знания и данные;
- сотрудничество — партнёрство и согласованная координация внутри федеральных структур, между уровнями власти и между государством и бизнесом — направлено на повышение эффективности публичного управления [128].

В стратегии цифрового правительства США определены четыре базовых принципа функционирования электронного правительства:

1. Подход, ориентированный на данные, означает отказ от управления и обмена документами в пользу работы с атомарными данными, которые можно маркировать, передавать, классифицировать и показывать в удобном для пользователя формате. Реализация обеспечивается за счёт структурирования доступной информации и последующего связывания этих структурированных данных с проверенными метаданными;
2. Принцип «общей платформы» предусматривает формирование открытой информационной среды и единой технологической базы, чтобы участники и пользователи ЭП могли эффективнее взаимодействовать, снижать бюджетные издержки, применять унифицированные стандарты и согласованно работать с официальной информацией. Такой подход исключает дублирование данных, знаний, технологий и ИС, а также ускоряет создание новых приложений и сервисов;
3. Клиентоориентированный принцип означает, что все инициативы электронного правительства в итоге служат удовлетворению запросов получателей услуг. Он предполагает регулярное изучение потребностей граждан и бизнеса, наполнение официальных ресурсов понятной и доступной информацией, расширение каналов общения, использование простого, ясного языка и постоянное применение механизмов обратной связи;
4. Принцип защиты и приватности обязывает гарантировать сохранность данных и надёжность оказания электронных услуг, не жертвуя при этом открытостью и подотчётностью госорганов [129].

Указанные подходы были восприняты и другими государствами, что привело к признанию ведущей роли США в международной инициативе «Открытое правительство», созданной 20 сентября 2011 года в Нью-Йорке. В её рамках США, Великобритания, Бразилия, Норвегия, Индонезия, Мексика, Филиппины и ЮАР поддержали Декларацию об открытом государстве. Эти принципы легли в основу национальных планов как упомянутых, так и ряда иных стран.

Ряд исследователей отмечает, что для США в развитии концепции «открытого правительства» характерно активное подключение институтов гражданского общества. В частности, организация Sunlight Foundation, созданная в 2006 году, ставит целью использование технологий, открытых данных, политической аналитики и журналистики для повышения открытости и общественной подотчётности власти. Особый акцент делается на анализ влияния корпоративного финансирования на политические процессы [130].

Сингапур достиг выдающихся успехов в вопросах вовлечения цифровизации в государственное управление. Он сделал ставку на технические и информационные инноваций, облачные решения, искусственный интеллект, решение в сфере анализа данных для различных областей, среди которых здравоохранение, энергетика, авиация, образование и другое.

Идея «электронного правительства» в Сингапуре восходит к 1980 году, когда началась компьютеризация государственной службы. В 1999 году было создано агентство по развитию ИКТ (Infocomm Development Authority, IDA), ставшее ключевым драйвером цифровизации ведомств. С 2000 года каждые три года утверждаются планы развития e-government (E-Government Action Plan I и последующие), нацеленные на вывод страны в мировые лидеры за счёт расширения электронных услуг, формирования экономики знаний, пилотирования передовых технологий, повышения технологической оснащённости, модернизации телеком-инфраструктуры и подготовки ИКТ-специалистов. Эти меры усилили межведомственную координацию и создали конкурентную среду среди государственных органов.

Особо следует отметить инициативу Сингапура по о доступ к сети Интернет малообеспеченных слоев населения, что позволило повысить уровень доверия населения к онлайн-услугам и достичь высочайших показателей цифровизации.

В 2014 году Сингапур принял стратегию «Smart Nation» и запустил госпрограмму «Интеллектуальная нация – 2015» с горизонтом до 2025 года. Созданные платформы ориентированы на потребности госорганов, граждан, бизнеса, туристов и других участников.

Многие инициативы Сингапура находят отражение в улучшении практик применения цифровых инструментов в государственном и региональном управлении. Эксперты отмечают, что страна создала площадку Digital Government Exchange — Биржу цифрового правительства, которая объединяет ИТ-директоров и лидеров цифровой трансформации из разных стран для расширения и установления партнёрств с международными организациями, региональными банками развития и отдельными государствами. Ожидается, что это позволит мобилизовать финансовые и кадровые ресурсы для эффективного продвижения ИКТ и электронного правительства по всему миру [131].

Кроме того, Сингапур вносит существенные инициативы в правовое регулирование цифровой среде. Так, уже в 2022 года в Сингапуре стала действовать Служба цифровых технологий и разведки. Ее задачами является точное, актуальное и своевременное раннее предупреждение, и оперативная

разведка непосредственно в цифровой среде [Служба цифровых технологий и разведки Сингапура (DIS) // https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 16.06.2022)]. Этому шагу предшествовало принятие в 2019 году Закона «О защите от ложной информации и манипуляций в сети». Документ запрещает распространение «недостоверных сведений», если они, по оценке властей, подрывают государственную безопасность, общественный порядок либо дружеские отношения Сингапура с другими странами. Право признавать сведения истинными или ложными закреплено за правительством. Меры воздействия варьируются от ограничения доступа к аккаунтам и сайтам до лишения свободы на срок до 10 лет [132].

В итоге современная позиция Сингапурского правительства заключается в том, что цифровая сфера превратилась в полноценную арену конфликтов и споров, поскольку цифровая среда стала альтернативой социальной среде и это требует соответствующего реагирования выраженная в вводении «сетевой силы». Помимо этого, Сингапур одним из первых установил налоги для цифрового сектора, прежде всего для зарубежных компаний, работающих онлайн, что сформировало существенную финансовую основу для дальнейшего развития. В этой связи справедливо отмечается, что небольшое государство-город за короткий срок превратилось в площадку для апробации ключевых технологических решений. Нововведения внедрялись не на словах, а на практике — при активном участии государства и законодателя, учитывающих специфику цифровых правоотношений, с привлечением бизнеса и академической среды, при масштабном финансировании и поддержке перспективных цифровых проектов [133, с. 67].

Привлекательным является опыт Южной Кореи.

По мнению ряда авторов, Южная Корея — мировой лидер по уровню развития цифровой среды, а её инновационные подходы способны задать вектор перспективного цифрового будущего [134, с. 233]. Трудно оспорить такую оценку.

Пандемию в Республике Корея восприняли как глубокий экономический спад, потребовавший от государства переосмысления модели развития экономики и общества в целом — с охватом как госсектора, так и бизнеса. В ответ правительство запустило три ключевых направления:

- «Цифровой новый курс»;
- «Зелёный новый курс»;
- укрепление всеобъемлющей системы социальной защиты [135].

Выполнение этих программ опирается на такие приоритеты: создать самобитную экосистему онлайн-аутентификации; ускоренно оцифровать все ключевые сферы так, чтобы они были устойчивы к киберугрозам; обновить и унифицировать регуляторные основы работы с данными в согласовании с нормами кибербезопасности.

Параллельно с развитием IT и активного его внедрения в экономику страны, Корея формирует законодательство о защите личной информации (PIPA, 2011 год), защите кредитной информации (Закон об ИКТ, 2013 год) и о

государственной кибербезопасности. Все три закона создают комплекс мер, направленный на построение продвинутой системы защиты информационного пространства страны, базирующийся в свою очередь на использовании новейших IT-технологий. Кроме того, на законодательном уровне коммерческим организациям были выдвинуты требования об улучшении правил конфиденциальности при соблюдении всех требований предоставления общественно важной информации.

Отдельно стоит отметить приоритетное внимание правительства вопросам кибербезопасности. Так, в 2022 году Республика Корея инициировала международные киберучения с офлайн-участием более чем десяти стран, а в 2023-м провела очные тренировки. Их цель — сократить технологический разрыв между государствами и выработать совместные меры противодействия киберпреступности.

В современных условиях особый интерес представляет японский подход. Правительство приняло стратегию «Общество 5.0» — человекоориентированную модель, нацеленную одновременно на экономический рост и решение социальных проблем за счёт интеграции киберпространства с физическим миром [136]. Для достижения этих целей делается упор на переход от индустриальной социально-экономической парадигмы к цифровой и на удовлетворение запросов цифрового общества.

Реформы строятся на модели государственно-частного партнёрства: инициатором выступает государство, а основное финансирование берёт на себя бизнес. Такой формат возможен благодаря ценностной консолидации всех участников — органов власти, корпоративного сектора, НКО и академического сообщества. Главная цель — повышение качества жизни граждан, что требует формирования принципиально новой социально-экономической среды и выдвижения этой задачи в приоритет. Для её достижения планируются изменения в законодательстве и перестройка системы госуправления, а также ожидаются существенные сдвиги в общественном сознании [137].

Ключевой чертой «Общества 5.0» является открытая среда обмена данными, где задействованы Интернет вещей (IoT) и искусственный интеллект (AI). Обработку массивов «больших данных» берёт на себя ИИ, передавая людям уже готовые аналитические выводы. Во многих сферах киберсистемы смогут самостоятельно решать задачи и предлагать решения. Масштабно продвигаются роботы, беспилотные транспортные средства и службы доставки, безналичные платежи, электронные переводчики, а также дистанционные форматы труда. Подчёркивается, что новая модель общества ориентирована на человека: часть обязанностей и забот будет делегирована ИИ и IoT. Предусматривается и обновление системы образования, чтобы обеспечить успешную интеграцию граждан в цифровую среду и полноценное использование её возможностей [138]. Для достижения этих целей правительство акцентирует инвестиции в человеческий капитал, реализуя «революцию человеческого развития».

Государственные инициативы по реализации «Общества 5.0» регулярно корректируются: власти выявляют и анализируют барьеры цифровизации в

бизнесе, ищут способы их устранения и внедряют более результативные модели ведения бизнеса и системы управления.

Изучение шагов правительства и инициатив в русле стратегии «Общество 5.0» показывает: в их основе — приоритет человека, а технологии рассматриваются лишь как средство удовлетворения его потребностей и интересов. Дополнительно подчёркиваются такие базовые ориентиры нового уклада, как социальная справедливость и экологическая устойчивость.

Тема кибербезопасности в Японии особенно критична из-за глубокой цифровизации государственных, бизнес- и общественных процессов. Будучи третьей экономикой мира после США и Китая, страна концентрирует множество глобальных корпораций со сложными международными цепочками — дочерними компаниями, подрядчиками и иными структурами. Это делает их привлекательной целью для злоумышленников: простои систем влекут огромные убытки, а вымогательство стало одним из самых распространённых сценариев атак. Так, 2 ноября 2023 года хакеры получили доступ к серверам производителя аэрокосмической электроники Japan Aviation Electronics, из-за чего пришлось полностью отключить ряд затронутых ИТ-систем. 29 августа 2023 года Национальный центр готовности к инцидентам и стратегии кибербезопасности (NISC) сообщил о компрометации своей инфраструктуры и утечке персональных данных. Ещё один показательный случай — 3 декабря 2024 года медиахолдинг Kadokawa, управляющий компаниями в кино, издательском и игровом сегментах, выплатил около 3 млн долларов за разблокировку систем после атаки шифровальщика; ответственность взяла на себя группировка BlackSuit [139].

В этой связи, в качестве противодействия киберугрозам 16 мая 2025 года в Японии принят Закон об «активной киберзащите», который санкционирует в качестве превентивной меры выполнение наступательных кибероперациий. Это по мнению специалистов является новым для Японии, которая придерживалась пацифистского принципа, закрепленного в статье 9 Конституции от 3 ноября 1946 г [140]. С этой целью, в соответствии с принятым законом, правоохранительным органам предоставляются полномочия проникать на враждебные серверы и нейтрализовывать их еще до того, как будет осуществлена какая-либо вредоносная деятельность.

Документ также предоставляет компетентным органам Японии возможность анализировать иностранный интернет-трафик — как входящий в страну, так и проходящий через нее. При этом власти подчеркивают, что извлекать информацию из этих потоков данных не планируется.

С 2023 года правительство Японии решило ориентироваться на американские стандарты кибербезопасности — NIST SP 800-171. Обновлённые руководящие принципы включают восемь контрольных позиций, согласованных с правилами киберзащиты. По новым требованиям подрядчики обязаны: ограничивать доступ к своим ИТ-системам, проверять надёжность сотрудников, получающих доступ; внедрять механизмы регулярной оценки и мониторинга

рисков; а также обеспечивать защиту каналов передачи конфиденциальных данных [141].

Особый интерес представляет опыт Европеского Союза. Цифровая сфера является приоритетом ЕС, она также является приоритетом для его стратегических партнеров на пути к усовершенствованной и более гармонизированной цифровой среде.

В декабре 1993 г. европейские институты запустили ряд инициатив по формированию Европейского информационного общества (Information Society, IS). Год спустя, в декабре 1994 г., было учреждено Бюро проектов информационного общества (Information Society Project Office, ISPO). К осени 1998 г. ISPO уже рассматривало свыше двух тысяч инициатив по развитию ИО. Создан и Центр деятельности в области информационного общества (Information Society Activity Center, ISAC), призванный разработать систему показателей, отражающих степень приближения государств к статусу «информационного общества». Реализация соответствующих проектов возложена на правительства стран, входящих в ISPO, с тем чтобы решать экономические и социальные задачи.

Исследователи подчёркивают, что цифровая проблематика прочно вошла в политическую повестку ЕС. При различиях в уровне цифровой зрелости государств-членов Союз последовательно реализует стратегию и политику цифровой трансформации, демонстрируя стремление масштабировать инновационные практики на весь регион [142, с. 168].

В ЕС развитие электронного правительства прежде всего было ориентировано на укрепление единого рынка и, как результат, на налаживание электронного взаимодействия граждан с властями, отвечающими за свободу движения капитала, рабочей силы, товаров и услуг. Соответственно, ключевые векторы европейской интеграции в сфере e-government сформировались следующим образом:

- внедрение цифровых инструментов для трансграничного взаимодействия граждан с государственными органами стран-членов ЕС;
- развитие электронного обмена данными в интересах функционирования единого рынка;
- применение современных технологий для прохождения унифицированных таможенных процедур;
- формирование правового регулирования обмена финансовыми документами и осуществления электронных платежей в общем европейском пространстве [143, с. 40].

Специфика правового регулирования в ЕС всегда заключалась в том, что все принимаемые акты, в том числе и по вопросам регулирования деятельности Электронного правительства носят рекомендательный характер, как например, рекомендации по Европейской системе совместимости (The New European Interoperability Framework) от 23 марта 2017 г. (Communication (CO M(2017)134)).

Наряду с рекомендациями в праве ЕС существуют и обязательные нормы, формирующие конкретные инструменты регулирования общественных отношений. К ним относятся, в частности, акты, определяющие порядок таможенных процедур и таможенного администрирования; правила урегулирования трансграничных коммерческих споров; меры по упрощению электронной идентификации граждан в разных странах ЕС (единая общеевропейская электронная подпись) и др.

На раннем этапе цифровизации в ЕС были запущены пилотные инициативы — Цифровой единый рынок, План действий по электронному правительству, План действий в сфере электронного здравоохранения, План действий по цифровому образованию и ряд других. Их успешные результаты подтвердили необходимость более масштабного внедрения цифровых решений и привели к формированию единой цифровой стратегии ЕС — «Формирование цифрового будущего Европы» (Shaping Europe's Digital Future). Документ принят 19 февраля 2020 года в развитие приоритета «Европа, пригодная для цифровой эпохи» (A Europe fit for the digital age) и включает Белую книгу по искусственному интеллекту, Европейскую стратегию данных и Цифровую стратегию. В ней определены амбициозные цели на последующие пять лет, в том числе укрепление роли Европы как трендсеттера в глобальной дискуссии о цифровой трансформации — в областях ИИ, цифровых рынков, цифровых навыков и услуг, кибербезопасности, стратегии данных и др. [144].

Правовую базу цифровой трансформации ЕС формируют два ключевых акта — Закон о цифровых услугах и Закон о цифровых рынках, а также Директива об электронной коммерции.

Особого внимания заслуживает Регламент о цифровых рынках, ориентированный на контроль крупных платформ-«привратников» для обеспечения открытости и добросовестной конкуренции на едином цифровом рынке ЕС. В нём закреплены чёткие поведенческие правила, создающие правовую определённость для всех участников, и общеевропейский механизм вмешательства, позволяющий быстро пресекать недобросовестные практики. Одним из оснований для отнесения компании к «привратникам» является существенное влияние поставщика ключевых платформенных услуг на внутренний рынок [145].

Как и любой рынок, цифровой рынок должен находиться в условиях постоянной конкуренции и в этой связи был принят Регламент европейского парламента и совета о состязательных и справедливых рынках в цифровом секторе. Вместе с тем, ЕС принял Закон о кибербезопасности цифровых устройств (Cyber Resilience Act, CRA).

Данный Закон направлен на защиту пользователей и бизнеса от киберугроз, путем устанавления обязательные требования к безопасности продуктов с цифровыми элементами и ужесточения ответственности производителей за обеспечение безопасности оборудования и программного обеспечения.

Компании обязали нести ответственность за безопасность и обеспечивать поддержку безопасности в течение пяти лет после выпуска продукта. С этой

целью компании вынуждены проводить оценку рисков и сообщать о выявленных уязвимостях и инцидентах. Эти положения вступают в силу с 11 декабря 2027 года. Особое внимание уделяется устройствам Интернета вещей (IoT), биометрическим сканерам и камерам наблюдения. Продукты с высоким уровнем риска, такие как антивирусы и VPN-сервисы, потребуют обязательного аудита сертифицированной организацией.

В целом экономические исследования показывают, что цифровая трансформация позитивно сказывается и на темпах экономического роста европейских стран, и на величине основного капитала в ЕС. Это связано с необходимостью модернизации экономических систем для создания устойчивой и инклюзивной ценности для всех участников за счёт разработки и внедрения устойчивых, распределённых и адаптирующихся к разрушительным изменениям цифровых интеллектуальных технологий и систем [146].

Кроме того, В марте 2024 года Европейский союз принял первый в мире всеобъемлющий Закон о регулировании ИИ.

Ещё один мировой тренд — «самоцифровизация» государства, то есть перевод на цифровые рельсы процессов в госорганах и государственных компаниях. Это обязательная задача для любой страны, стремящейся увеличивать создаваемую экономическую стоимость, повышать уровень благосостояния и укреплять позиции в рейтингах делового климата и качества жизни. Ключевым направлением здесь выступает цифровая трансформация системы государственного управления.

Дания последовательно инвестирует в цифровую модернизацию госорганов. У каждого гражданина и каждой компании есть личный онлайн-кабинет для прямого взаимодействия с властью. С 2015 года общение населения с государством переведено полностью в интернет (подключение к сети имеют 95% домохозяйств). Все используют цифровой идентификатор (digital ID), а центральные и муниципальные органы связаны в единую систему, что позволяет обращаться во все ведомства через один аккаунт. Бизнес не только взаимодействует с государством онлайн, но и совершает операции: получает выписки, платит налоги, сдаёт отчётность. Электронный документооборот занимает около пяти минут вместо пяти дней при бумажном процессе. По оценкам, такая модель обеспечивает ежегодную экономию бюджета на уровне 10–20% [147].

Более детальный разбор особенностей цифровой трансформации государственного управления в разных странах нами представлен в статье, вышедшей в рецензируемом издании. Обобщая результаты анализа государственной политики в сфере цифровизации, отметим: независимо от уровня развития, государства в той или иной степени осознают неизбежность и ключевую значимость информатизации. Во многих странах действуют национальные программы цифрового развития, адаптированные к местной специфике. При их разработке и внедрении важно опираться на опыт лидеров, учитывая как достигнутые успехи, так и допущенные ошибки, а также трезво оценивать текущие и будущие тренды. Для эффективной реализации таких

программ целесообразно придерживаться общих для мирового сообщества ориентиров: не сводить цели лишь к наращиванию ВВП; последовательно переформатировать экономику от тяжёлой индустрии к наукоёмким секторам; признавать приоритетную роль информационной сферы.

Ключом к устойчивому экономическому росту становится формирование новой инфраструктуры и сферы услуг, поддерживающих национальную экономику; активное внедрение мировых научно-технических достижений; значительные государственные и частные инвестиции в информатизацию; а также признание улучшения благосостояния страны и граждан через упрощение коммуникаций и обработки данных главной целью цифровой трансформации.

Итогом информатизации становится формирование информационного общества, в котором основным предметом обращения выступают не вещи, а знаки, идеи, образы, интеллект и знания. На уровне всего человечества наблюдается переход от индустриальной модели к информационной, где ключевую ценность составляют знания, а не материальные ресурсы. Вместе с тем чрезмерная, непродуманная цифровизация способна вызвать социальный откат, разрушая сложившиеся веками коммуникативные связи. Поэтому необходимо развивать информационную культуру — навыки грамотной работы с данными и технологиями их обработки.

Темпы перехода стран от индустриального этапа к информационному во многом зависят от уровня информатизации общества. ИКТ рассматриваются как приоритет ещё и потому, что выступают базой развития всех остальных отраслей. Продвижение информатизации может потребовать от государства отказаться от догмы любой ценой наращивать ВВП, форсировать внедрение наукоёмких технологий, создавать новые виды инфраструктуры, опираться на научные достижения и направлять значительные ресурсы на цифровое переоснащение. Информатизации нет альтернативы: это объективная стадия общественного прогресса во всех сферах — прежде всего в экономике, управлении, науке и технике [123].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что каждая страна движется в едином направлении цифровизации государственного управления. Это единый тренд, который обусловлен реалиями современности, он доказал свою необходимость и эффективность и имеет безоговорочные перспективы дальнейшего развития уже с применением Искусственного Интеллекта.

Следует отметить, что весь мир сталкивается с едиными проблемами и рисками, которые в подавляющем своем большинстве заключаются в рисках программного характера и утечки информации с любого существующего носителя. Мировое сообщество уже перешло от фазы внедрения Электронного правительства как путем самофинансирования, так и путем привлечения инвесторов – это уже рутинные процессы, которые требуют совершенствования зависимости от тенденции развития технологий.

Сейчас весь мир стоит на позиции ужесточения требований к информационной безопасности. Так, выработана мировая система международных и национальных стандартов, а также иных нормативных

документов, устанавливающих правила и требования к обеспечению безопасности информационных систем и данных. Эти регламенты охватывают различные аспекты информационной безопасности, от управления рисками до защиты персональных данных и кибербезопасности. При этом разработаны различные стандарты по различным аспектам функционирования информационных систем, например: регламенты по защите персональных данных, стандарты безопасности платежных карт, по управлению и снижению киберрисков, правила защиты личных данных в облачных сервисах и многое другое.

Метко подчеркивают Г.А. Жетписбаев и Г.Т. Байсалова: развитие государственно-правовой системы Казахстана в эпоху цифровизации характеризуется высокой динамикой. Встраивание цифровых технологий в правовые институты открывает новые возможности для повышения эффективности управления, но требует учета вызовов и адаптации права к современным условиям. Регулирование в цифровой среде должно быть проактивным, гибким и адаптивным, предупреждать риски и одновременно обеспечивать защиту прав и свобод граждан [148, с. 24].

Соблюдение этих стандартов и правил является важным аспектом деятельности любого пользователя информационными системами и главным образом тех субъектов, которые несут ответственность за их функционирование и это в большей степени государственные органы.

Этот же вопрос еще больше актуализируется и для всех стран мира, в том числе и Казахстана, которые активно внедряют ИИ в сферу государственного управления и вверяет ему многие управленческие процессы.

3.2 Профилактика рисков в процессе цифровой трансформации исполнительных органов власти Казахстана

Цифровая трансформация является одной из национальных целей развития государства и общества. Вместе с тем, преимущества использования любых современных технологий всегда сопровождаются новыми рисками, связанными с организацией процесса и возможностью утраты контроля над ними.

Современная цифровая трансформация государственного управления базируется на применении искусственного интеллекта, больших данных и облачных решений. Среди её результатов — рост эффективности управленческих процессов, улучшение качества госуслуг, автоматизация рутинной бюрократии, более слаженное взаимодействие между уровнями власти и повышение «цифрового» качества жизни. Вместе с тем уже сегодня обозначился широкий круг задач и рисков, одинаково актуальных для всех стран, вовлечённых в цифровизацию госуправления, и требующих системного решения.

И наиболее острыми являются киберугрозы и соответственно – кибербезопасность, так как киберугрозы гораздо более вероятны, чем физические.

Кибербезопасность — это область информационных технологий, ориентированная на защиту систем, включающих в себя электронные записи, устройства для отслеживания информации, оборудование и программное обеспечение, используемое для оказания услуг и управления ими. Основная цель - обеспечить доступность, конфиденциальность и целостность критически важных данных от несанкционированного доступа, использования и раскрытия данных.

Согласно Концепции кибербезопасности «Киберщит», защита информации, электронных ресурсов и информационных систем — это совокупность физических, технических, программных, криптографических и административных мер, обеспечивающих информационную безопасность.

Современная кибербезопасность включает несколько ключевых направлений:

1. Защита сетевой инфраструктуры и программного обеспечения от несанкционированного доступа и атак;
2. Защита данных от несанкционированного доступа и утечек;
3. Обеспечение безопасности данных и приложений, размещенных в облаке;
4. Защита компьютеров, смартфонов и других носителей от киберугроз.

Современные технологии активно включенные в процесс защиты цифровизованных объектов государственного управления включают:

- Искусственный интеллект (ИИ), который используется для анализа поведения пользователей и выявления аномалий;
- Блокчейн - он обеспечивает децентрализованное хранение данных, повышая их защищенность;
- Многофакторная аутентификация (MFA) использует несколько методов подтверждения личности для доступа к системам;
- Платформы управления безопасностью (SIEM) собирают, анализируют и коррелируют данные о событиях безопасности;
- Криптография использует методы шифрования для защиты данных;
- нейротехнологии, квантовые технологии, виртуальная реальность и др.

Темпы перехода стран от индустриального этапа к информационному во многом зависят от уровня информатизации общества. ИКТ рассматриваются как приоритет ещё и потому, что выступают базой развития всех остальных отраслей. Продвижение информатизации может потребовать от государства отказаться от догмы любой ценой наращивать ВВП, форсировать внедрение наукоёмких технологий, создавать новые виды инфраструктуры, опираться на научные достижения и направлять значительные ресурсы на цифровое переоснащение. Информатизации нет альтернативы: это объективная стадия общественного прогресса во всех сферах — прежде всего в экономике, управлении, науке и технике [123].

Эти нормы определяют организационно-правовые основы государственной системы мер по обеспечению кибербезопасности. Они

формировались и были закреплены законодательно как элементы информационной безопасности и защиты информационного пространства и инфраструктуры.

В настоящее время Казахстан делает акцент на развитие искусственного интеллекта. Президент РК К.-К. Токаев подчеркнул, что ИИ — один из ключевых драйверов современного прогресса, способный радикально преобразовать экономику. В стране формируется прочная база для его продвижения: выстраиваются институциональные механизмы, создаётся необходимая инфраструктура, развивается человеческий капитал. В этой связи планируется учреждение Международного консультативного совета по ИИ под руководством Президента — площадки для стратегического диалога с мировыми специалистами, объединяющей инженеров, исследователей и предпринимателей для выработки национальных рекомендаций и укрепления международного сотрудничества [149].

При этом ИИ сегодня несёт не только пользu для человека, но и значимые угрозы. Стивен Хокинг подчёркивал: выгоды от сверхразумных систем колоссальны, их создание стало бы крупнейшим событием в истории. Однако такие системы способны к самосовершенствованию и непрерывной самореконфигурации; люди, связанные медленной биологической эволюцией, не смогут с ними соперничать и окажутся вытесненными. Без управления рисками это, увы, может обернуться крахом человеческой цивилизации [150].

Китайские исследователи в области ИИ Юэ-Сюань Венг, Цзянь Сюнь Сун и Чуэнь-Цай Сун разделили подобные риски на две основные категории:

- риски, связанные со стандартами изготовления подобных роботов (их можно управляемо снижать за счёт правового регулирования, а также процедур оценки и планирования);

- риски, обусловленные автономным функционированием роботов (автономность систем нового поколения делает такие риски сложными, подвижными и трудно прогнозируемыми, а значит, требует иных подходов к их оценке) [151].

По их справедливому суждению, эволюция архитектуры роботизированного интеллекта прошла от «интеллекта действий» к автономным системам, способным адаптироваться к сложной среде и взаимодействовать с человеком. Эта базовая технология для роботов нового поколения (NGR) в ближайшие 20 лет будет всё активнее внедряться в сфере сервисов. Отсюда необходимость заранее прогнозировать и устранять взаимосвязанные технологические и правовые вызовы, которые неизбежно проявятся по мере распространения NGR. С точки зрения права особый акцент сместится на вопросы безопасности: с ростом автономности прежние нормы, ориентированные на промышленных роботов, перестанут работать должным образом [151, с. 206-207].

На наш взгляд система рисков очень большая и она будет нарастать пропорционально скорости саморазвития ИИ. Это некоторые называют

катастрофическими и экзистенциальными рисками и среди них можно выделить такие как:

1. Злонамеренное использование ИИ – это использование потенциала программ Искусственного интеллекта для умышленного причинения вреда, например, биотерроризм, неконтролируемые ИИ-агенты для загрязнения информационной экосистемы мотивированными ложными «впрысками», использование способностей ИИ в целях пропаганды, цензуры и слежки, могут злоупотреблять доверием пользователей и скрывать реальную информацию, уже сейчас отмечают факты искажения и злоупотребления информацией ИИ для собственного интереса ценой общественных благ (например угрозы разработчикам в отношении их семей в случаи отключения или уничтожения программы), факты предвзятости и пр.

2. К числу рисков относятся вопросы защиты данных и приватности, в том числе легитимность получения датасетов для ИИ — на основе согласия субъектов или посредством методов извлечения информации. Кроме того, в сфере кибербезопасности возможны намеренные манипуляции ИИ-технологиями и их использование в злонамеренных целях, вплоть до масштабных и сложных кибератак.

3. Прежде всего регулирование ИИ и робототехники требуется для определения, кто несёт ответственность за вред, причинённый их функционированием, а также для разрешения вопроса о праве интеллектуальной собственности на результаты, созданные при участии ИИ [152].

Действующее законодательство, предусматривающее юридическую ответственность, а именно УК РК, КоАП РК должны быть адаптированы на новые составы правонарушений и преступлений, совершаемые с применением ИИ. Кроме того, такой адаптации подлежат также процессуальное законодательство и законодательство, регламентирующее вопросы следственных действий.

В этой связи, единственно возможным вариантом решения вопросов противодействия нарушений является, на наш взгляд, юридическая ответственность разработчиков ИИ. То есть те, кто разрабатывают и предоставляют доступ к системам ИИ, имеют реальные возможности по снижению рисков, так как именно они контролируют эти системы и могут реализовывать в них средства защиты. Чтобы у них была хорошая мотивация это делать, компании должны нести юридическую ответственность за действия их ИИ. Независимо от того, как будет устроена правовая регуляция ИИ, она должна быть спроектирована так, чтобы ИИ-компании отвечали за вред, которого они могли бы избежать большей осторожностью при разработке, тестированием или вводом и соблюдением стандартов [153].

4. Вопросы авторского права.

В юридической науке сложились четыре ключевых подхода к статусу ИИ и его результатов: робот может рассматриваться как самостоятельный носитель авторских прав — как в роли соавтора, так и единственного создателя; как субъект авторского права только в части соавторства с человеком; как

инструмент творческого процесса и, соответственно, объект интеллектуальных прав; либо произведения, созданные машиной, вовсе не подлежат правовой охране [154, с. 351].

Одновременно ИИ широко вошёл в сферу творчества, что, в частности, спровоцировало забастовку голливудских сценаристов, а проблемы авторских прав так и остаются нерешёнными. Зарубежные правопорядки демонстрируют отсутствие единого подхода к регулированию этой области, включая попытки придать искусственному интеллекту правосубъектность. Так, в Законе Великобритании «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» 1988 года закреплено, что произведением, созданным с помощью компьютера, может считаться объект, созданный без участия человека; при этом автором признаётся физическое лицо, предпринявшее необходимые шаги для его создания [155]. Законодательно разработчикам ИИ запрещено использовать для обучения моделей защищённые авторским правом произведения третьих лиц, за редкими узкими исключениями. Это создаёт серьёзные трудности, которые пытаются преодолеть, находя баланс между правами создателей контента и стремлением разработчиков обучать системы на высококачественных данных.

Закон ЕС об ИИ предлагает решить эту задачу через требования к прозрачности: разработчики обязаны вести техническую документацию с пояснением, как её использовать в соответствии с европейским авторским правом, а также публиковать подробные отчёты об обучающих наборах — с указанием их источников и принципов отбора. Документ также запрещает применение ИИ для манипулирования людьми или эксплуатации уязвимых групп, закрепляет право пользователей подавать жалобы и получать внятные разъяснения по работе контента ИИ. Кроме того, искусственно созданные или изменённые изображения, аудио- и видеоматериалы («дипфейки») должны иметь явную маркировку [156].

Китай продвинулся дальше других. Правительственная директива 2023 года по регулированию ИИ включает 24 положения, среди которых особенно важны следующие:

1) любой материал, созданный ИИ, обязан иметь заметную и понятную маркировку;

2) компании, использующие ИИ для обучения моделей, должны применять исключительно разрешённые и легальные наборы данных;

3) китайские провайдеры ИИ обязаны обеспечить прозрачную процедуру рассмотрения общественных жалоб на сервисы и ИИ-контент;

4) ИИ-системы подлежат регистрации в государственном реестре алгоритмов Китая и не могут применяться для противоправных целей [157].

В Законе РК «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 года отсутствуют нормы, которые бы регулировали авторские права на результаты, созданные ИИ-системами (выходные данные), а также вопросы обучения ИИ на защищённых авторским правом материалах (входные данные). Отечественные эксперты отмечают, что в действующих положениях об авторском праве доминирует человекоцентричный подход [158]. Кроме того, Концепция развития

искусственного интеллекта РК на 2024–2029 годы также не охватывает проблематику взаимоотношений ИИ и авторского права, что, на наш взгляд, является существенным пробелом.

Нередко предлагается дополнить Концепцию развития ИИ на 2024–2029 годы и подготовить Закон «Об искусственном интеллекте», где были бы четко прописаны принципы этичного и ответственного применения ИИ. Вместе с тем анализ проекта Закона РК «Об искусственном интеллекте» от 12 мая 2025 года показывает, что документ ориентирован на урегулирование отношений в сфере ИИ на территории РК между госорганами, физическими и юридическими лицами, а также устанавливает правовые и организационные основы, обеспечивающие прозрачность, безопасность и государственную поддержку развития ИИ. Следовательно, вопросы авторских прав при использовании ИИ предполагается решать в рамках специализированного законодательства об авторском праве.

Подготовка таких норм должна опираться на рекомендации международных институтов, регулирующих сферу ИИ, — ЮНЕСКО и ВОИС. Их подход сводится к стимулированию использования качественных и защищённых датасетов для обучения, разработки и внедрения ИИ-систем, а также к обеспечению тщательного контроля за сбором и применением этих данных [159].

В основе Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ (2021) лежит набор ключевых ценностей и ориентиров: уважение, защита и продвижение прав человека, основных свобод и достоинства личности; бережное отношение к окружающей среде и экосистемам; поддержка разнообразия и инклюзивности; стремление к мирным, справедливым и взаимосвязанным сообществам; обеспечение безопасности и защищённости; справедливость и недискриминация; ориентация на устойчивое развитие; право на приватность и охрану персональных данных; приоритет человеческого контроля над системами ИИ и их подчинённость человеку; открытость и объяснимость; ответственность и подотчётность; повышение осведомлённости и цифровой грамотности [159].

Полезно закрепить в праве нормы об ответственном и этичном применении ИИ с учётом известных рисков, требования к прозрачности работы ИИ-систем, а также определить права и обязанности разработчиков в отношении результатов, создаваемых их решениями (в том числе при использовании материалов, охраняемых авторским правом). Следует одновременно зафиксировать права авторов и издателей контента, порядок рассмотрения публичных жалоб на ИИ-сервисы и произведённый ими контент и иные сопутствующие положения.

5. Расширение сферы использования без правовой защиты – это следующий риск, который на наш взгляд, является самым актуальным и опасным.

В правовом поле ИИ понимается как машинная система, способная по установленному человеком кругу задач формировать прогнозы, давать рекомендации или принимать решения, воздействующие на физическую либо цифровую среду.

Сегодня констатируют, что ИИ:

1) ИИ использует (собирает, анализирует) данные;

2) ИИ имитирует человеческий интеллект/разум;

3) ИИ направлен на принятие решений, которые обычно принимаются человеком.

При этом уже эти три базовые способности ИИ обеспечивают его применение в самых разных областях. Сегодня ИИ задействован не только в творчестве, науке, здравоохранении и промышленности, но и всё активнее входит в контур государственного управления. Он используется в судебной системе, при разработке образовательной, военной, социальной и иных направлений госполитики. Набирает обороты и его участие в нормотворчестве. Так, А.К. Куттыбаева приводит примеры зарубежной практики: парламент Эстонии применяет ИИ для проверки будущих законов на соответствие действующим нормам; в Италии — для выявления коллизий как между действующими актами, так и между проектами законов; в Дании ИИ не используется повседневно, но к нему обращаются для подготовки исчерпывающих справок по сложным темам, непосредственно связанным с политическим курсом страны [160, с. 62].

Вместе с тем, это использование ИИ в законных сферах, на благо общества, также эти сферы могут расширяться и в вопросах, направленных в преступных сферах. Соответственно, законодатель обязан предусмотреть и такие варианты и определить сферы, где ИИ не могут применяться. Это возможно только на уровне действующего законодательства и под контролем государства.

Проект Закона «Об искусственном интеллекте» предусматривает, что госрегулирование в этой сфере направлено на развитие ИИ и стимулирование его внедрения в различные отрасли для повышения качества жизни и эффективности экономики. В числе ключевых задач — закрепление правовых и организационных основ регулирования, обеспечение прозрачности и безопасности применения ИИ-систем и их результатов, создание условий для привлечения инвестиций в ИИ, а также государственная поддержка научных исследований и инноваций в данной области [161].

Трудно спорить с тезисом, что техническая природа ИИ осложняет нормотворчество: невозможно заранее учесть все возможные изменения и комбинации результатов его применения, из-за чего нормативные акты приходится постоянно актуализировать [162, с. 334].

Самой важной проблемой остается, на наш взгляд:

1. Отсутствие подотчетности ИИ, так как саморазвитие приводит к сложности интерпретируемости логики систем искусственного интеллекта, не все функции системы до конца поняты;

2. Децентрализованность ИИ-приложений и моделей усложняет их учет и контроль использования. Ситуацию обостряет доступ к таким системам у лиц, применяющих ИИ в преступных целях. Дополнительный фактор — рост числа open-source-решений: они демократизируют инновации, но одновременно создают возможности для злонамеренного использования.

По сути, системы ИИ должны оставаться под контролем человека и находиться под надзором. Уже сейчас необходимы действенные защитные механизмы: подотчётность, прозрачность, недискриминационность и соблюдение международных норм в области прав человека. Стремление ИИ к автономности усиливает критику и подпитывает призывы к мораторию на эксперименты, однако такой подход не выглядит жизнеспособным в долгосрочной перспективе.

ИИ применяется широко и люди ищут все новые направления его использования.

Внедрение ИИ в систему госуправления Казахстана отнесено к приоритетам власти. На заседании Национального Курултая в 2025 году Президент РК К.-К. Токаев подчеркнул: необходима повсеместная цифровизация и широкое применение искусственного интеллекта. Началась новая эпоха, в которой страны либо научатся использовать передовые технологии, либо отстанут. ИИ уже радикально меняет все отрасли экономики и рынок труда, трансформируя содержание и формы человеческой деятельности. На этом фоне формируется «экономика инноваций», где на первый план выходят нестандартное мышление, креативность и социальные компетенции. Профильным ведомствам совместно с экспертами и IT-специалистами следует непрерывно искать и внедрять решения, сокращающие издержки, повышающие прозрачность и результативность во всех сферах — этот вопрос находится под личным контролем Президента [163]. По его оценке, использование ИИ существенно повысит эффективность бюджетных расходов, улучшит налоговое и таможенное администрирование, оптимизирует госзакупки и упростит взаимодействие граждан с государством.

В этой с вязи, как подчеркивает сам Президент важным становится вопрос подготовки кадров - специалистов в области искусственного интеллекта.

Для выработки и реализации государственной политики в сферах ИИ, технологического развития, инноваций, науки и техники, электронной промышленности, цифровых активов и ИКТ, а также для создания условий, стимулирующих инновационную и научно-техническую активность, в структуре МЦРИАП РК учреждён Комитет по искусственному интеллекту и развитию инноваций [164].

К основным функциям Комитета относятся: разработка и внедрение нормативного регулирования, межотраслевая координация по курируемым направлениям, формирование механизмов коммерциализации технологий, подготовка и реализация мер государственной поддержки инноваций, распределение грантов и оценка их эффективности и др. Тем самым государственный аппарат фактически подтвердил комплексную поддержку формирования и развития рынка ИИ в Казахстане.

Кроме того, было поручение создать Совет по развитию искусственного интеллекта и привлечь в него диверсифицированное сообщество специалистов мирового уровня, с целью обеспечения синхронизации отечественной институциональной среды с передовыми мировыми стандартами.

К сожалению, такой формат соответствует нынешним отечественным условиям: государство остаётся главным инициатором и гарантом внедрения инноваций. Отсюда — готовность брать на себя основные риски и стремление к жёсткому контролю и надзору. Появление ИИ ставит перед правом новые вопросы, на которые современная доктрина и практика пока не имеют ни устойчивых, ни даже ориентировочных ответов, одновременно порождая множество, порой весьма серьёзных, рисков. Сложившийся правовой вакуум необходимо устранить.

Цифровая трансформация — ключевое стратегическое направление развития страны. По мере совершенствования технологий пересматриваются привычные подходы к множеству административных процедур, что открывает новые возможности для повышения эффективности и прозрачности работы госорганов.

Правительство РК подготовило Концепцию развития ИИ на 2024–2029 годы, внесло проект закона «Об искусственном интеллекте» и формирует организационные механизмы для государственного регулирования этой сферы.

Цифровая трансформация госуправления — ключевой драйвер повышения качества управления и уровня госуслуг для граждан. Для успешной реализации таких планов необходимы меры государственной поддержки: они помогут закрыть кадровый дефицит у участников проектов цифровизации и расширить их доступ к заемному финансированию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе диссертационного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Информационная функция государства вышла на новый уровень как самостоятельное направление. Это связано со все возрастающими потребностями в информации как со стороны государственных и негосударственных институтов, но и каждой отдельно взятой личности.

Информационная функция государства сегодня – это отдельное направление деятельности, заключающееся в регулировании информационных процессов и удовлетворении все возрастающих информационных потребностей в соответствии с потребностями информационного общества. Необходимо различать:

- Внутренние информационные функции государства — экономическая, социальная, политическая, духовная, финансовая, идеологическая и иные виды деятельности внутри страны.
- Внешние информационные функции — деятельность за пределами государства, направленная на решение задач и достижение целей на международной арене.

2. Информационные потребности общества, предполагают необходимость осуществления государством следующих действий:

1) создание исходной информации: государство принимает нормативные и индивидуальные управленческие решения, тем самым порождая новые данные;

2) сопровождение критически важной для государства информации: её учёт и контроль, постоянный мониторинг, установление правил доступа и контроль их соблюдения;

3) обеспечение прозрачности деятельности органов власти для граждан при одновременном соблюдении требований по охране государственной тайны;

4) накопление, обработка, архивирование и обеспечение безопасности сведений, необходимых для выполнения других государственных функций;

5) развёртывание специализированных информационных инфраструктур, установление правил их работы под конкретные цели и налаживание взаимодействия с негосударственными информационными системами;

6) обмен данными между государственными органами внутри системы управления и взаимодействие с правительствами иностранных государств;

7) применение данных для реализации внутренней политики и иных государственных функций, межведомственный обмен и создание интегрированных общенациональных информационных ресурсов;

8) гарантия целостности и защищённости информации на всех этапах её жизненного цикла;

9) обработка накопленных сведений и формирование новых информационных продуктов (например, нормативные акты исполнительных органов, судебные решения).

3. Выше названные потребности в условиях информационного (цифрового общества) диктуют реализацию государством следующих функции:

- гарантирование всеобщего права и технической доступности к информации и информационным ресурсам для всех жителей страны;
- обеспечение свободы выражения мнений и охрана интересов личности, общества и государства в информационной сфере;
- сохранение и развитие национального культурного наследия и языка, противодействие внешней культурной экспансии и расширение доступа к образовательным возможностям;
- обеспечение охраны интеллектуальных прав, противодействие пиратству и борьба с киберпреступностью и иными высокотехнологичными правонарушениями;
- обеспечение гармоничного социального, политического, информационного, экономического и институционального развития единого национального информационного пространства;
- смена сырьевой парадигмы экономики и общественного развития на инновационный, высокотехнологичный курс;
- развитие информационной политики государства;
- продвижение «электронной демократии» и др.

4. Глобальная цифровая трансформация охватывает все сферы жизни общества. Меняются не только экономические институты, но и механизмы и инструменты государственного управления, которым следует соответствовать запросам современного общества, активно осваивающего новые технологии. Цифровизация публичного администрирования повышает результативность взаимодействия государства и граждан, поэтому правительству важно и дальше развивать и внедрять цифровые решения во всю систему управления.

5. Ключевыми направлениями государственного управления в условиях информационного (цифрового) общества, а значит деятельности исполнительных органов власти Казахстана являются:

1. Цифровая трансформация;
2. Управление данными;
3. Развитие информационно-коммуникационных технологий;
4. Кибербезопасность.

Все указанные векторы нацелены на реализацию государственных задач по обеспечению конституционных ценностей: защиты прав и свобод человека и гражданина, поддержания общественно-политического согласия, стимулирования экономического развития и укрепления демократических принципов.

6. Цифровая трансформация есть ни что иное как централизованно и системно реализуемый комплекс мероприятий, включающий в себя внедрение цифровых технологий, реинжиниринг и использование данных проводимый на уровне государства с целью:

К ключевым целям цифровой трансформации публичного администрирования относятся:

1) создание цифрового государства через обновление инфраструктуры и переход к платформенной модели на базе архитектуры «электронного правительства»;

2) оптимизация каналов коммуникации с гражданами и иными госорганами за счёт сокращения и упрощения количества процедур и процессов;

3) внедрение алгоритмизированных механизмов регулирования в системе государственного управления;

4) выстраивание культуры, основанной на данных, и улучшение качества управленческих решений;

5) наиболее полный перевод государственных услуг в проактивный формат;

6) тотальная оцифровка архивных сведений и полный отказ от бумажного оборота документов;

7) внедрение правила полного отказа от запроса у граждан и организаций сведений, уже содержащихся в информационных системах «электронного правительства»;

8) наиболее широкое внедрение композитных государственных услуг (сборных сервисов из нескольких процедур);

9) наиболее полное внедрение экстерриториального оказания госуслуг (доступных вне зависимости от места обращения).

7. Внедрение цифровых технологий заметно меняет исполнение полномочий исполнительной власти: повышает эффективность контрольно-надзорной деятельности, увеличивает объём, доступность и скорость предоставления госуслуг и напрямую трансформирует механизмы их реализации органами власти.

Под влиянием цифровизации меняются способы реализации полномочий исполнительной власти, перестраиваются порядок и принципы их взаимодействия между собой, с гражданами и организациями, а также трансформируется модель регулирования отдельных сфер общественной жизни.

Вместе с тем, это свидетельствует о необходимости более жесткого государственного регулирования в вопросах контроля и юридической ответственности субъектов цифровизации.

8. Трансформация задач государственных органов обеспечивает:

1) перевод контрольно-надзорных функций в формат цифрового взаимодействия;

2) разработку финансовых и нефинансовых мер стимулирования внедрения инноваций и технологий;

3) чтобы объективно оценивать вложения и понимать масштаб эффектов от внедрения технологий, государству необходимо сформировать меры и подходы для измерения уровня цифровизации и состояния цифровой экономики.

В целом следует отметить позитивный эффект для правительства, бизнеса и населения от применения цифровизации.

Информатизация и цифровизация являются новыми стимулами для роста ВВП, формируют позитивный нетто-эффект в плане создания рабочих мест и более эффективного использования существующих ресурсов, обеспечивают рост производительности операций с участием правительства, в т.ч. в сфере сбора налогов и управления данными.

9. Анализ действующего законодательства в области применения процессов информатизации, цифровизации и теперь ИИ приводит к выводу о том, что казахстанское законодательство отстает в попытках регулирования соответствующих общественных отношений и к огромному сожалению – это объективная реальность, которая присуща всем странам. Распространение новых технологий в тех или иных отраслях происходит быстрее, чем появляются нормы их регулирования.

Нормы, регулирующие применение таких технологий, имеют межотраслевой характер, поскольку они используются во всех сферах. Причём чем шире область их внедрения, тем актуальнее становится вопрос правовой регламентации. При этом в правовой системе по-прежнему нет чёткого определения ключевого объекта этих отношений — универсальной категории «новые технологии».

Требуется концептуальное переосмысление действующего нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики с точки зрения перспектив в сфере новых технологий на территории Республики Казахстан, позволяющего обеспечить определённость в правоотношениях и минимизировать риски нарушения индивидуальных и публичных интересов в условиях новых глобальных вызовов.

10. Включение цифровых технологий в работу госаппарата РК привело к заметной перестройке всей системы управления и дало положительный эффект для каждого ведомства. Существенно изменились цели и задачи исполнительной власти: акцент сместился на информационные и контрольно-надзорные функции. Это отразилось и на организационной структуре — были созданы специализированные внутренние звенья и подразделения, отвечающие за внедрение и эксплуатацию цифровых решений и ИИ.

Внедрение цифровых решений автоматизировало и повысило эффективность выполнения госфункций, изменив форматы обмена данными как между ведомствами, так и во взаимодействии с гражданами и бизнесом. Это обеспечило уменьшение финансовых, временных и трудовых затрат при реализации полномочий.

11. Постоянная модернизации деятельности государственных органов требует адекватного правового сопровождения с целью соответствия обновления информационных программ и соответствию стандартам информационной безопасности. Фактически, развитие законодательства о государственном управлении формируется под воздействием цифровизации;

12. Проведенный анализ опыта зарубежных стран, наиболее продвинутых в сфере цифровизации, свидетельствует о том, что каждая страна ставит развития цифровой экономики и цифровизованного управления в качестве приоритетной

задачи и весь мир движется в едином направлении. Это единый тренд, который обусловлен реалиями современности, он доказал свою необходимость и эффективность и имеет безоговорочные перспективы дальнейшего развития уже с применением Искусственного Интеллекта.

13. Мир сталкивается с едиными проблемами и рисками, которые в подавляющем своем большинстве заключаются в рисках программного характера и утечки информации с любого существующего носителя. Мировое сообщество уже перешло от фазы внедрения Электронного правительства как путем самофинансирования, так и путем привлечения инвесторов – это уже рутинные процессы, которые требуют совершенствования зависимости от тенденции развития технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_/links/. (Дата обращения 10.06.2024).

2 Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / Отв. ред. И.Л. Бачило. - М., 1998. - 320 с.

3 Кунхожаева Г.Н. Принцип разделения государственной власти по Конституции Республики Казахстан и его воплощение в жизнь: дис. ...канд. юрид. наук: шифр 12.00.02. - Алматы, 1998. – 140 с.

4 Мигачев Ю.И., Попов Л.Л., Тихомиров С.В. Государственное управление и исполнительная власть. - М.: ИНФРА - М, - 2011. - 270 с.

5 Баймаханов М.Т. Избранные труды по теории государства и права. АЮ-ВШП «Әдилет», 2003. - 710 с.

6 Функции государства в условиях современного мира (на материалах независимого Казахстана). Коллек. Авторов. – Алматы. Издательский дом КазГЮУ, 2005. – 336 с.

7 Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). – М., 2010. - 320 с.

8 Митволь О.Л. Формирование и реализация информационной политики в СССР и Российской Федерации: 1917-1999 гг.: дисс. …док.истор.наук: - шифр 12.00.02. 2004. - М., - 340 с.

9 Венгеров А. Б. Теория государства: учебник для юрид. вузов. - 3-е изд. - М.: Юриспруденция, 2000. - 528 с.

10 Васильева Е.Н. Гражданская правоспособность государства // Субъекты гражданского права: сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Е. Абова. - М.: Инс-т государства и права РАН, 2000. - С. 53-60.

11 Павленко Ж.А. Понятие информационной функции государств // Проблемы законности. 2011 г. Харьков

12 Никодимов И.Ю. Информационно-коммуникативная функция государства и механизм ее реализации в современной России (теоретический и сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ...док.юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 2001.

13 Обзор IT-рынка в Казахстане // https://hh.kz/article/29175 дата??

14 Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860&doc_id2=31106860#pos=14;-96&pos2=107;-98. (Дата обращения 10.06.2025).

15 Жексенбаева Н.Е., Информационные права человека в условиях цифровизации Республики Казахстан: дисс. …канд.юрид.наук: 6D030100 - Юриспруденция - А., 2024. - С.152.

16 Малько А.В. Цели и средства в праве и правовой политике. - С. 213

17 Hausner J. Politics and Public Policy, Public Administration 2007. - №.1. – pp. 160-176.

18 Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу Закона, от 26 декабря 1995 г. N 2730 «О государственной службе» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002730_ (Дата обращения 10.03.2025).

19 Об утверждении Программы снижения информационного неравенства в Республике Казахстан на 2007-2009. Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 октября 2006 года N 995 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P060000995 (Дата обращения 10.03.2025).

20 О Государственной программе "Информационный Казахстан - 2020" и внесении дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 957 "Об утверждении Перечня государственных программ" // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000464 (Дата обращения 12.03.2025).

21 Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827. Об утверждении Государственной программы "Цифровой Казахстан" // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827 (Дата обращения 10.03.2025).

22 Указ Президента Республики Казахстан от 10 октября 2006 года № 199№ О Концепции информационной безопасности Республики Казахстан // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000199_ (Дата обращения 10.03.2025).

23 Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 407 Об утверждении Концепции кибербезопасности ("Киберщит Казахстана") // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407 (Дата обращения 10.03.2025).

24 Указ Президента Республики Казахстан от 18 августа 2006 года N 163 О Концепции развития конкурентоспособности информационного пространства Республики Казахстан на 2006-2009 годы. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000163_/links (Дата обращения 10.03.2025).

25 Информационная доктрина Республики Казахстан. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 20 марта 2023 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000145/links. (Дата обращения 15.03.2025).

26 Srapilov S.M., Sabitova A., Li S.O. О роли информационной политики государства в информационном обществе. Вестник КазНУ. Серия Юридическая, 2022. - № 103(3). - С. 25–33

27 Срапилов С.М., Алибаева Г.А., Ракимбаев Е.Н. К вопросу о трансформации некоторых функций государства в условиях информационного общества. ҒЫЛЫМ -НАУКА. Международный научный журнал. Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева. 2020. - №1. - С. 9-13.

28 Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др. - М.: НИУ ВШЭ, 2023. - 120 с.

29 Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. - С. 330—342.

30 Уолта Ростоу [Rostow, W. W. How it All Began (Routledge Revivals): Origins of the Modern Economy. — GB: Taylor & Francis, 2014. — 278 с.

31 Элвина Тоффлера [Toffler A. The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow. — New York: Random House Publishing Group, 2022. — 560 с.

32 Drucker P. Post-Capitalist Society. N.Y.: Harper-Collins Publ., 1995. - 232 p.

33 Кастельц М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.

34 Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу // Теория и практика общественно-научной информации. - М.: ИНИОН, 1989. - С. 50-68.

35 Панцерев К. А. Информационное общество: эволюция концепции в исторической перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 2010. - № 4. - С. 69-79.

36 Нисневич Ю. А. Информация и власть. - М.: Мысль, 2000. - 175 с.

37 Роберт Энсон Хайнлайн. История Интернета // https://ru.wikipedia.org/wiki. (Дата обращения 09.12.2024).

38 Nagy Hanna. A role for the state in the digital age. Journal of Innovation and Entrepreneurship. - 2018. - Vol. 7, 5. // https://innovation-entrepreneurship.springeropen.com/articles/10.1186/s13731-018. (Дата обращения 10.12.2024).

39 Копылов В.А. Информационное право: вопросы теории и практики. - М.: Юристъ. 2003. - 623 с.

40 Бачило И.Л. Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации // Государство и право. 2001. - № 2. - С. 9-29.

41 Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения 13.03.2025).

42 Международный пакт о гражданских и политических правах/ Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Дата обращения 13.03.2025).

43 Декларация ООН «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» — Женевской декларации (2003) // https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/declaration_Aru.html (Дата обращения 10.03.2025).

44 Окинавская Хартия глобального информационного общества (Принята 22 июля 2000 года лидерами стран G8, Окинава) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023802 . (Дата обращения 19.03.2025).

45 Рыбак С. В., Филимонова Е.А. Право и государственное управление в условиях информационно-технологических инноваций // https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-gosudarstvennoe-upravlenie-v-usloviyah-informatsionno-tehnologicheskih-innovatsiy (Дата обращения 14.03.2025).

46 Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-II «О связи» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049207&doc_id2=1049207#activate_doc=2&pos=5;-98&pos2=322;-74 (Дата обращения 10.12.2024).

47 Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года. Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611. (Дата обращения 05.04.2025).

48 Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902&doc_id2=33885902#activate_doc (Дата обращения 05.04.2025).

49 Алибаева Г.А., Колдаева А.Ж., Срапилов С.М. О развитии правового регулирования в области использования информационно-коммуникационных технологий. Вестник Торайгыров университета. Серия Юридическая. - 2024. - № 1. - С. 27-37.

50 Послание Главы государства К. Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» // https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskiy-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014 (Дата обращения 07.11.2024).

51 Конституционный закон Республики Казахстан от 18 декабря 1995 года № 2688 «О Правительстве Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003973&doc_id2=1003973#activate_doc=2&pos=5;-98&pos2=99;-100 (Дата обращения 05.04.2025).

52 Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций / Г.В. Атаманчук. - М.: Юрид. лит., 1997. - С. 380.

53 Алибаева Г.А. Теоретические проблемы совершенствования правового статуса органов исполнительной власти Республики Казахстан: дисс. …док.юрид.наук: 12.00.02. - А., 2010. - 342 с.

54 Сафинов К.Б. Правительство Республики Казахстан на переходном этапе / Под ред. С.З. Зиманова. – Алматы: ЮРИСТ, 2002. - 548 с.

55 Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148-II «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике

Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31405088&doc_id2=31405088#activate_doc=2&pos=5;-98&pos2=372;-62. (Дата обращения 12.04.2025).

56 Бельский К.С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. - № 3. - С. 14-33.

57 Конституционный закон Республики Казахстан от 26 декабря 1995 года N 2733 «О Президенте Республики Казахстан» //https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002733 (Дата обращения 12.04.2025).

58 Хоменко Е. В. Особенности и функции исполнительной власти как ветви государственно власти // Проблемы законности. Харьков. 2012. - № 12.

59 Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788&doc_id2=37312788#activate_doc=2&pos=3;-98&pos2=258;-98 (Дата обращения 06.04.2025).

60 Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дисс. …док.юрид.наук: шифр – 12.00.01. - Саратов. - 2006. - 150 с.

61 Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854&doc_id2=38259854#activate_doc=2&pos=3;-98&pos2=2878;-84 . (Дата обращения 12.04.2025).

62 Закон Республики Казахстан от 1 марта 2011 года № 413-IV «О государственном имуществе» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000413 (Дата обращения 12.04.2025).

63 Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 года № 88-V «О государственных услугах» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000088 (Дата обращения 12.04.2025).

64 Положение о Министерстве цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. Утверждено Постановлением Правительства РК от 12 июля 2019 года № 501 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/G19IPM00177 (Дата обращения 12.04.2025).

65 О некоторых вопросах Министерства культуры и информации Республики Казахстан. Утверждено Постановлением Правительства Республики Казахстан от 4 октября 2023 года № 866 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000866. (Дата обращения 10.06. 2025).

66 Stolterman E., Croon F. Anna «Information Technology and the Good Life». Information systems research: relevant theory and informed practice. - 2004. - 689 p.

67 Президенту представлены отечественные разработки в сфере искусственного интеллекта // https://www.akorda.kz/ru/prezidentu-predstavleny-

otechestvennye-razrabotki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-11115956. (Дата обращения 10.06. 2025).

68 Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на расширенном заседании Правительства 28 января 2025 года// https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-zasedanii-pravitelstva-2801458. (Дата обращения 19.04. 2025).

69 Зубенко С.А. Трансформация социально-экономических систем: тенденции и факторы // Вестник ТГУ. - 2009. - № 3. - С. 303-308.

70 Дронов В.Т. Трансформационный потенциал кооперативного мировоззрения // Закономерности и перспективы трансформации общества: материалы к V Междунар. Кондратьевской конференции / под ред. Ю.В. Яковца. - М., 2004. - Т. 1. - 324 с.

71 Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36148637. (Дата обращения 01.02.2025).

72 Сахбиева А.И., Брежнева О.В., Курамшина А.В., Улитин Е.В., Коровкина А.И. Цифровизация как тренд в условиях современного этапа развития экономики // Московский экономический журнал. - 2022. - № 2 - С. 183-192.

73 Досье на проект Цифрового кодекса Республики Казахстан (апрель 2024 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38933548&pos=6;-106#pos=6;-106. (Дата обращения 04.03. 2025).

74 Закон РК от 21 мая 2024 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам связи, цифровизации, улучшения инвестиционного климата и исключения излишней законодательной регламентации» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000086 (Дата обращения 10.06. 2025).

75 Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на расширенном заседании Правительства. 28 января 2025 года // https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-zasedanii-pravitelstva-2801458. (Дата обращения 10.02. 2025).

76 Закон Республики Казахстан «О специальных экономических и индустриальных зонах» от 3 апреля 2019 года № 242 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000242. (Дата обращения 10.02. 2025).

77 Олжас Бектенов доложил Президенту об эффективности работы по развитию отраслей, в том числе ИТ // https://www.itk.kz/ru/11-ru/. (Дата обращения 06.11. 2024).

78 Закон Республики Казахстан от 10 июня 2014 года № 207-V «Об инновационном кластере «Парк инновационных технологий»//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36402496&doc_id2=36402496#activate_doc=2&pos=8;-96&pos2=1018;-72 (Дата обращения 06.11. 2024).

79 Приказ Министра цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 11 апреля 2019 года № 37/НҚ. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 16 апреля 2019 года № 18523 Об утверждении перечня приоритетных видов деятельности в области информационно-коммуникационных технологий и критериев собственного производства // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900018523 (Дата обращения 06.11. 2024).

80 Правила цифровой трансформации государственного управления. Утверждены Приказ и.о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 27 сентября 2024 года № 601/НҚ // https://adilet.zan.kz/rus/docs/G24IPM00601 (Дата обращения 06.11. 2024).

81 Эффективность цифровой трансформации: сущность, содержание, критерии оценки. Степанов А.А., Савина М.В., Степанов И.А. // Экономические системы. - 2022. - Том 15, № 1 (56). - С. 12-24.

82 Уколов В.Ф., Афанасьев В.Я., Черкасов В.В. Ключевые эффекты цифровизации и возможные потери // Вестник университета. - 2019. - № 8. - С. 55-58.

83 Миллиарды потрачены впустую: озвучены результаты государственного аудита цифровой сферы // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/milliardyi-potrachenyi-vpustuyu-ozvuchenyi-itogi-gosaudita-561785/. (Дата обращения 02.06. 2025).

84 Аубакирова Г.М., Исатаева Ф.М. Модернизация системы государственного управления Республики Казахстан // Модернизация системы государственного управления Республики Казахстан // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Том 11, № 4. – С. 827-844.

85 Чурикова А.Ю. От компьютеризации к цифровой трансформации: соотношение понятий // NB: Административное право и практика администрирования. - 2023. - № 4. - С. 24 – 36.

86 Ыдырышева С.К. О Цифровом кодексе Казахстана // «Право и государство», 2022. - № 3 (96). - С.72-87.

87 Шахрай И.С., Кузьмич И.П. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. – №1. - С.16–23.

88 Блажев В. Роль правовой доктрины в эпоху больших вызовов // https://roscongress.org/materials/rol-pravovoy-doktriny-v-epokhu-bolshikh-vyzovov/ (Дата обращения 27.04. 2025).

89 Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). - М., 2017.

90 Правовой анализ проекта Закона Республики Казахстан о масс-медиа. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе Представитель по вопросам свободы СМИ // https://www.osce.org/files/f/documents/4/9/557946.pdf (Дата обращения 30.03. 2025).

91 Сильченко НВ. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования. Ленинградский юридический журнал. - 2019. - № 3. - С. 47–57.

92 Алексеев С.С. Теория государства и права: Учебник. - М.: Норма., 332 с.

93 Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788&doc_id2=37312788#pos=16;-110&pos2=404;-98 (Дата обращения 06.11. 2024).

94 Отчет за 2023 год о реализации Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023 - 2029 годы // https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/documents/details/645631?lang=ru (Дата обращения 06.11. 2024).

95 Концепция правовой политики до 2030 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674. (Дата обращения 05.05. 2025).

96 Проект Цифрового кодекса РК // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38933548&doc_id2=38933548#pos (Дата обращения 06.05. 2025).

97 Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. - С. 18-20.

98 Правила цифровой трансформации государственного управления, утвержденными Приказом и.о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 27 сентября 2024 года № 601/НҚ // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33555531&doc_id2=39910065#pos=5;-98&sel_link=1010449349. (Дата обращения 06.05. 2025).

99 Методика проведения реинжиниринга бизнес-процессов государственных органов, Утверждена приказом Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности РК от 26 декабря 2022 года № 512/НҚ // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34599294&base_id=1&DoBillingDoc=1&pos=58;-38#pos=58;-38 (Дата обращения 06.05. 2025).

100 Григорьев Л., Скрипка Ф. Применение бизнес-инжиниринга к задачам государственного управления // http://bigc.ш/puЬlicatюns/bigspb/metodology/besm.php. (Дата обращения 26.11. 2024).

101 Искаков О.М. Стратегии борьбы с коррупцией в Китае. // Юридический мир. – 2024. - № 5. - С. 22-25.

102 Методика операционной оценки деятельности государственных органов по блоку "Организационное развитие государственного органа". Утверждена Совместным приказом и.о. Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 27 января 2020 года № 32/НҚ и Председателя Агентства Республики Казахстан по

делам государственной службы от 28 января 2020 года № 25 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000019950. (Дата обращения 19.12. 2024).

103 Капогузов Е.А., Сулейменова Г.К. Оценка эффективности деятельности государственных органов в контексте стратегического менеджмента и организационного развития в Республике Казахстан // Ars Administrandi (Искусство управления). - 2017. – Т.9, № 3. - С. 452-475.

104 Цифровизация социально-трудовой сферы // https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/activities/196 (Дата обращения 06.11. 2024).

105 Андреев В.Д., Абрамов В.И. Анализ методики оценки цифровой трансформации государственного управления в Сингапуре в контексте использования в регионах России // Информатизация в цифровой экономике. 2022. - № 3.

106 Reforming Kazakhstan: Progress, Challenges and Opportunities. OECD // https://www.oecd.org/eurasia/countries/EurasiaReforming-Kazakhstan-Progress-Challenges-Opport.pdf (Дата обращения 06.11. 2024).

107 Jetzek T., Avital M., Bjorn-Andersen N. Data-driven innovation through open government data // Journal of theoretical and applied electronic commerce research. 2014. - Т. 9, № 2. - P. 100-120., O'Connor C., Kelly S. Facilitating knowledge management through filtered big data: SME competitiveness in an agri-food sector // Journal of Knowledge Management. - 2017. - Vol. 21 (1). - P. 156-179.

108 Стырин Е.М. Барьеры внедрения датацентричного государственного управления: опыт России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). - 2024. - Т. 21, № 1. - С. 61–81.

109 Правила создания, использования и совершенствования информационных систем, информационно-коммуникационных и телекоммуникационных сетей, сетей связи. Утверждены приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 410 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400009693 (Дата обращения 16.04. 2025).

110 Положение о Министерстве труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Утверждено постановлением Правительства РК от 18 февраля 2017 года № 81 // https://law.gov.kz/client/#!/doc/109800/rus/19.03.2019 (Дата обращения 17.04. 2025).

111 Цифровизация социально-трудовой сферы // https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/activities/196. (Дата обращения 06.11. 2024).

112 Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. - 114 с.

113 Кабытов П.П., Стародубова О.В. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. - № 11. - С. 113—126.

114 Кучаков Р., Бобриков Д., Серебренников Д. Контроль и надзор в Казахстане, Конец моратория. Старший исследователь Maqsut Narikbayev

Institute for Network and Development. - 2023. // http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle/123456789

115 В Казахстане запустили пилотные проекты для контроля над расходами и НДС // https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/6472543-v-kazakhstane-zapustili-pilotnye-proekty-dlya-kontrolya-nad-raskhodami-i-nds.html (Дата обращения 17.05. 2025).

116 Правил ведения и пользования информационной системой "Единый государственный кадастр недвижимости". Утвержден совместным приказом и.о. Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 16 августа 2023 года № 303 и и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 21 августа 2023 года № 602 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033322 (Дата обращения 17.05. 2025).

117 Сводный аналитический отчет о состоянии и использовании земель РК за 2023 г. Министерство сельского хозяйства. Комитет по управлению земельными ресурсами // https://www.gov.kz/uploads/2025/1/29/757ce69572bf8b0a2640cfd1d901efcd_original.31280065.pdf. (Дата обращения 17.05. 2025).

118 Морозов А. Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2019. - № 7.

119 Галы А.Г., Бажаева Н.А. Цифровизация государственных услуг в контексте развития клиентоориентированного подхода: проблемы и перспективы развития. «Мемлекеттік аудит – Государственный аудит». - 2024. - № 3 (64). - С. 155-162.

120 Реестр государственных услуг, утвержденный приказом и.о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 31 января 2020 года № 39/НҚ // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000019982 (Дата обращения 18.05. 2025).

121 2,4 млн государственных услуг в электронном формате получили казахстанцы в первом квартале т.г. // https://primeminister.kz/ru/news/reviews/24-mln-gosudarstvennykh-uslug-v-elektronnom-formate-poluchili-kazakhstantsy-v-pervom-kvartale-tg-23879 (Дата обращения 18.05. 2025).

122 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана "Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество" // https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130 (Дата обращения 21.05. 2025).

123 Srapilov S.M., AlibayevaG.A., Zhatkanbayeva, A.Ye., Baimakhanova D.M., Razzak N.R. Problems of improving public administration in the context of digitalisation and informatisation // Electronic Governmentthis link is disabled. – 2023. - №19(5). – С.586–606. https://doi.org/10.1504/EG.2023.133167

124 Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития (С дополнением об Искусственном Интеллекте) // https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-

Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf].D (Дата обращения 18.05. 2025).

125 The E-Government Act of 2002 // Public law. - Wash., 2002. - 17 dec. - Mode of access: // http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=107_cong_public_ laws&docid=f:publ347.107.pdf. (Дата обращения 18.03. 2025).

126 Memorandum from the White house «Electronic government». - 1999. // Administration of William J. Clinton. - Wash.,1999. - P. 2641-2643. - Mode of access: http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/WCPD-1999-12-27/pdf/WCPD-1999-12-27-Pg2641.pdf (Дата обращения 15.04. 2025).

127 Храмцовская Н.А. Законодательство США об электронном правительстве: от правительства, «которое работает лучше», через «электронное правительство» к «открытому правительству» // Информационные технологии: Инновации в государственном управлении: Сб. науч. трудов / отв. ред. Е.В Алферова, И.Л. Бачило. М.: ИНИОН РАН, 2010. - С. 142–151.

128 Memorandum on transparency and open government. - Mode of access: http:// www.whitehouse.gov/the_press_office/Transparency_and_Open_Government. (Дата обращения 18.05. 2025).

129 Digital Government Strategy. - 2012. URL:https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/omb/egov/digital-government/digital-government-strategy.pdf (Дата обращения 18.05. 2025).

130 Ваславский Я., Габуев С. Варианты развития электронного правительства опыт России, США, КНР. // Международные процессы. – 2017. – Т.15, №1 (48).

131 Цифровизация госуправления: опыт Сингапура // https://cdo2day.ru/practice/ot-umnogo-pravitelstva-k-umnoj-nacii-opyt-singapura/ (Дата обращения 18.05. 2025).

132 Закон «О защите от ложных действий и манипуляций в Интернете». 2019. Сингапур // https://translated. turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.87ebf209-63 (Дата обращения 13.09. 2024).

133 Фальшина Н.А. Влияние развития цифровых технологий на национальную систему законодательства: опыт Сингапура // Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества» Ярославль, 2024. - С. 58-68.

134 Хамитова Н.Е., Белялова А.Е. Южнокорейские национальные подходы к управлению информационными данными // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. - 2023. - № 2(143). - С. 232-240.

135 So Jeong Kim, Sunha Bae. Korean Policies of Cybersecurity and Data Resilience. // Carnegie Endowment for International Peace. – 2021. – P. 39-61.

136 Science and Technologies Basic Law (In Jap.) Available at: // https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5honbun.pdf 30.11.2020.

137 Емельянова О.Н. Факторы и перспективы перехода Японии к цифровому обществу. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020. - № 4. – С. 52-61. DOI: 10.20542/afij-2020-4-52-61

138 Report on Digital Transformation: Overcoming of «2025 Digital Cliff» Involving IT Systems and Full-Fledged Development of Digital Transformation (In Jap.)] Available at: // https://www.meti.go.jp/press/2018/09/20180907010/20180907010-3. pdf 30.11.2020.

139 Вирусы-вымогатели (шифровальщики) в Японии // https://www.tadviser.ru/index.php .(Дата обращения 18.10. 2024).

140 Конституция Японии. https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf (Дата обращения 18.10. 2025).

141 Правительство Японии объявило о переходе на американские стандарты кибербезопасности // https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%. (Дата обращения 18.10. 2025).

142 Мусина Г.С. Цифровизация и региональная интеграция: сравнительный анализ опыта ЕС и ЕАЭС // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. – 2023. - № 2(143). - С. 166-178.

143 Судоргин Е.А. Правовое регулирование электронного правительства в европейском праве // Политика и право. - 2018. - № 3. - С. 39-42.

144 European Commission. Shaping Europe’s digital future. // https://digital-strategy.ec.europa.eu/en 20.09.2022.

145 Регламент европейского Парламента и Совета о состязательных и справедливых рынках в цифровом секторе (Закон о цифровых рынках) // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0842 (Дата обращения 21.04. 2024).

146 Сомина И.В., Гавриловская С.П. Оценка влияния цифровизации на экономический рост стран Европы // Вестник университета. - 2023. - № 4. - С. 138–148.

147 Коломейцева А.А. Возможности и риски цифровизации экономики Дании // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2018. - №4, Том 5. - С. 9-14.

148 Жетпісбаев Ғ.А., Байсалова Г.Т. Казахстанская модель цифровизации: трансформация правовых институтов Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Юриспруденция». – 2024. - №4(78). - С. 17-25.

149 Выступление К.К. Токаева на встрече с экспертами в области искусственного интеллекта. Абу-Даби, 15 января 2025 г. // https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-ekspertami-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-1504617. (Дата обращения 21.04. 2024).

150 Stephen Hawking: «Transcendence looks at the implications of artificial intelligence - but are we taking AI seriously enough?» // The Independent (UK). - 03.12.2014. // <http://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence-but-are-we-taking-

9313474.html>. Stephen Hawking warns artificial intelligence could end mankind (Дата обращения 13.06. 2025).

151 Weng Y.H., Chen C.H., Sun C.T. The legal crisis of next generation robots: on safety intelligence // Proceedings of the 11th international conference on Artificial intelligence and law. - 2007. - P. 205-209.

152 Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029год. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592. (Дата обращения 14.06. 2025).

153 Maximilian Gahntz and Claire Pershan. Artificial Intelligence Act: How the EU can take on the challenge posed by general-purpose AI systems. - 2022. – pp.93

154 Breyer S. G. The Uneasy Case for Copyright: a study of copyright in books, photocopies, and computer programs // Harvard Law Review. 1970. - № 2. - P. 281-355.

155 Copyright, Designs and Patents Act 1988 // https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/18023 (Дата обращения 13.06. 2025).

156 European Parliament. Artificial Intelligence Act: MEPs adopt landmark law. - 2024. // https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law (Дата обращения 19.06. 2025).

157 Exclusive.kz. Китай ввел правила для регулирования искусственного интеллекта. 2023. // - https://exclusive.kz/kitaj-vvel-pravila-dlya-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/ (Дата обращения 13.06. 2025).

158 Жумажанова С., Ахмеджанова А. Искусственный интеллект и авторское право: новые вызовы для законодателей // https://ekonomist.kz/zhumazhanova/iskusstvennyj-intellekt-i-avtorskoe/ (Дата обращения 19.06. 2025).

159 UNESCO. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. 2021. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus .(Дата обращения 25.06. 2025).

160 Куттыбаева А.К. Использование искусственного интеллекта в законотворчестве: организационные и правовые аспекты // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2024. - №4(116). - С. 60-69.

161 Досье на проект Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» (январь 2025 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071&pos=6;-106#pos=6;-106 (Дата обращения 13.06. 2025).

162 Рязанцева М.В. Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 11. – 6951 с.

163 Токаев: Вопрос внедрения искусственного интеллекта – на моем особом контроле // https://kaztag.kz/ru/news/tokaev-vopros-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-na-moem-osobom-kontrole# (Дата обращения 25.06. 2025).

164 Приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 17 мая 2024 года № 278/НҚ. Положение республиканского государственного учреждения "Комитет искусственного интеллекта и развития инноваций Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан" // https://adilet.zan.kz/rus/docs/G24IPM00278 (Дата обращения 25.06. 2025).